

Вадим ПОТАПОВ

Если мы хотим что-то понять по настоящему о прошлом, надо прежде всего выяснить, что происходило в головах людей.

*Марк БЛОК,
французский историк*

СТАЛИН. РЕФЛЕКСИЯ

(10 ночей 1941 года)

*Юрию ДОМБРОВСКОМУ, на чьем "Факультете..."
я учусь уже лет тридцать.*

Вадим Потапов

**Сталин. Рефлексия
(10 ночей 1941 года)**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Потапов В. О.

Сталин. Рефлексия (10 ночей 1941 года) / В. О. Потапов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

В этой книге о названных в его честь временах рассуждает сам заглавный персонаж. Сюжет книги – события первого полугодия войны глазами Сталина, думающего на своей даче о том, что происходит и почему; рефлексия вождя затрагивает как 41-й, так и предыдущие годы. Все предметы сталинского размышления не вымышлены, вымышлены (или смоделированы) только сами размышления. При этом представленный читателям Сталин не оценивает свои действия на соответствие нормам морали и этики – прошлое его интересует только для определения линии своего сегодняшнего или завтрашнего поведения.

Содержание

От автора (несколько уточнений)	5
Чужими словами	6
Ненайденный документ (прелюдия к эпилогу)	7
Камера первая	8
От Вильнюса до Москвы. Гамбургский счет.	10
Примечание	10
Сути и смыслы, они же – эпитафии	11
2-я ночь (с 23 на 24 июня 1941-го). Сумбур.	12
Два дня войны и предвоенный месяц. Особенности русских исторических оценок	12
Библиотека Сталина. Тухачевский, Пилсудский, Шапошников. Финская война.	18
Война гражданская и подготовка к войне отечественной.	27
Кулик и Ванников	
Речь Гитлера и речь Молотова. Молчание Сталина и слова Черчилля.	30
Поиск союзников: Англия и Франция (1938-39 г.г.). Две попытки, переговоры, тупик	34
Тоже поиск союзников: Булгаков, Пастернак, Замятин, церковь	43
Снова поиск союзников. Гитлер	45
Направление главного удара вермахта. Эвакуация Жуков. Василевский, Фрунзе. Паранойя.	51
Союзники Сталина. Джозеф Дэвис	58
СССР до войны: новая идеология. литература, кино, образование, церковь	61
Главный удар: новое направление. Информбюро, Павлов, глупость, предательство.	70
Тыл: индустриализация и западные фирмы	76
Союзники СССР.	79
Союзники Германии в Азии, реальные и потенциальные. Япония и Турция.	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

От автора (несколько уточнений)

Неизвестный человек написал нечто о человеке известном и сразу пристает к читателю со своими объяснениями. А ему (читателю) это надо? Может, пролистав лишь несколько страниц, он бросит чтение зачем-то взятого в руки длинного опуса и навсегда забудет и книжку, и ее автора, и, уж тем более, предисловие? Поэтому здесь нет никаких предварительных разжевываний смыслов и суетей – только уточнения:

1. Автор ничем не оплодотворил (и, надеюсь, не изгадил) ниву военно-исторической науки – он лишь воспользовался чужими изысканиями, сверяясь с самыми разными источниками. Речь, конечно, идет о принципиальных событиях, события менее (на взгляд автора) важные попадали в книгу и благодаря единственному свидетельству. Ну а первоисточник, естественно, мог быть и один – на то он и первоисточник. Правда, что считать первоисточником? Можно ли принять за таковой документ, опубликованный не в "официальном" издании, да к тому же без ссылок на номер архивной папки? Что ж, можно и принять, бывало, и принималось, но это не касается принципиальных (опять же, на взгляд автора) эпизодов.

2. Автор не может дать гарантий, что настоящий Сталин знал все, что знает "его" Сталин. Единственное, что в этом плане гарантируется: Сталин мог это знать. Тем, кому захочется использовать сей текст как источник информации, посоветую: если "мой" Сталин ссылается на конкретную фамилию или конкретную организацию, значит, знал это и "настоящий" Сталин. В противном случае – не факт.

3. (на всякий случай). О чем думал настоящий Сталин автор не знает – он лишь предполагает. Но – на основе фактов.

4. В книге много сносок, но читать их нет никакой необходимости – это либо ссылки на источники, либо уточнения. Как правило, вынужденные: ведь Сталин не будет говорить: "премьер министр Франции в 1933, 1934 и 1938-40 Эдуар Даладьё", он ограничится фамилией. Не знаете, кто такой – смотрите ссылку¹....

5. Если есть желание, следите за внешним видом текста: реальные цитаты приводятся курсивом (или жирным курсивом).

И еще: гипотеза о том, что автор – сталинист (по мнению самого автора) не верна.

¹ НЕВЫНУЖДЕННОЕ УТОЧНЕНИЕ: излишние подробности в монологах (да и диалогах) как то настораживают. Если читали в "удлиненных" собраниях сочинений Сталина (или в книгах В. Жухрая) "стенограммы" бесед вождя с "генерал-полковником А.М. Лавровым", то понимаете, что я имею в виду.

Чужими словами

Иммануил ВАЛЛЕРСТАЙН, Георгий ДЕРЛУГЬЯН, социологи (Йельский и Нью-Йоркский университеты; США; 2006 г.)

Каждая российская модернизация... означала некую революцию сверху – или, в случае с большевиками, вначале огромную революцию снизу, вслед за которой последовала сталинская революция сверху.....

Критики большевистской революции должны были бы доказать, как Россия могла быть либеральной во времена, когда она понесла военное поражение, была полна вооруженных озлобленных крестьян, быстро разрушалась на фоне разнообразных националистических настроений...

Николай БЕРДЯЕВ, философ (1937 г.)

Никогда в стихии революции, и особенно революции созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. ... Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии.

Михаил ЛЕРМОНТОВ (1830 г.)

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жесн
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Ненайденный документ (прелюдия к эпилогу)

Товарищу Сталину И.В. от Берия Лаврентия Павловича, 1899 года рождения, грузина, заместителя председателя Правительства СССР

Чистосердечное признание/

Считаю своим долгом чистосердечно признаться Вам в том, что с 20 июня 1941 года и по вчерашний день включительно мною незаконно и без ведома партии и правительства было организовано прослушивание помещений Вашей дачи в Кунцево.

Эта преступная деятельность была организована мной лишь с одной целью: сохранить для истории Советского государства и мирового коммунистического движения слова и мысли великого вождя Советского народа и всего прогрессивного человечества, выдающегося продолжателя дела Ленина, неколебимого борца за победу коммунизма во всем мире, гениального полководца товарища Сталина.

В осуществлении моей вредительской работы в качестве специалиста по звукозаписывающему оборудованию мне помогал мой сын, Серго Лаврентьевич Берия, 1924 года рождения, на момент совершения преступления – техник-лейтенант, сотрудник Центральной радиотехнической лаборатории НКВД СССР, слушатель Ленинградской военной академии связи им. С.М. Буденного.

От признания Вам в незаконном прослушивании помещений Вашей дачи меня удерживал не только страх справедливого возмездия советского народа, но и желание передать в коммунистическое будущее как можно больше Ваших слов и мыслей, необходимых не только нам, живущим в Ваше время, но и нашим потомкам. Все это заставляло меня постоянно откладывать свое признание, что послужило питательной средой для другого преступления, более низкого, чем подлое предательство Вашего доверия с моей стороны: вчера из сейфа моей квартиры, где я с нарушением инструкций по работе с секретной документацией незаконно хранил различные служебные материалы, был украден один из двух экземпляров стенограммы (экземпляр №2, экземпляр №1 хранился в сейфе моего рабочего кабинета). Проведенные поиски на сегодняшний день не дали нужного результата, поэтому есть основание полагать, что указанный текст может оказаться у наших врагов и недоброжелателей. Главным подозреваемым в похищении стенограммы считаю генерал-полковника Лаврова Александра Михайловича. По известным Вам причинам, проводить работу по указанному лицу органы могут лишь при получении Особого указания.

Также сообщаю, что все пять технических сотрудников, осуществлявших стенографирование, отправлены сего дня в отдаленные воинские части, соответствующие поручения моим подчиненным, приставленным к этим частям, отданы. Магнитофонные записи прослушивания уничтожены. Сохранившийся экземпляр стенограммы на 2 936 машинописных листах прилагается.

Глубоко раскаиваясь в своих действиях, прошу наказать меня по всей строгости советского закона. При этом прошу Вас не применять суровых мер социальной защиты к моему сыну, поскольку он был мной подло обманут и думал, что его действия законны и связаны с выполнением Вашего поручения.

Л. Берия

Камера первая

Этот звонок заставил бы встать с кровати даже умирающего, а здорового – как минимум с нее выпрыгнуть, может даже, взлететь.

Одновременно со звонком вспыхнул яркий свет, осветивший небольшую комнату, похожую одновременно на прихожую, кухню, спальню и санузел: в помещении наличествовали вешалка, подвесной железный шкаф, две составленные рядом кровати, пара стульев, электроплитка, раковина, душ, унитаз. Обстановку можно было бы назвать более чем скромной, если бы в углу не стояло чудо техники – холодильник ХТЗ, недоступная мечта любой советской хозяйки.

Была в комнате и хозяйка, о чем свидетельствовали длинные пряди волос, высывающиеся из-под одеяла. Был и хозяин: неспешно встающий с кровати рябой мужик неопределенного возраста с длинной, плохо расчесанной бородой: когда-то, скорее всего, огненно рыжей, но сейчас по странному многоцветной.

Мужик явно никуда не торопился, его умиротворенное и даже довольное лицо свидетельствовало: его не раздражали ни режущий глаза свет, ни бьющая по ушам трель звонка.

Плавной походкой он подошел к металлическому шкафу, взялся за две ручки вверх и уверенным движением потянул их на себя. То, что без звука оказалось в его руках, выглядело как узкий металлический чемоданчик с ручками, зачем-то приделанными к боковине. Мужик опустил эту странную железяку на пол, открыл нижнюю часть шкафа, достал из нее точно такой же предмет и уверенным движением обеих рук водрузил его на место снятого. Затем он поднял с пола лежащий чемоданчик, взял его под правую руку, левой отодвинул малозаметную узкую дверцу в противоположной кроватям стене и засунул свою ношу в открывшийся тесный проем.

К звонку добавилась новый звук: тихий, но вполне различимый. Вскоре проем на секунду осветился, звук усилился и предмет исчез вместе со светом в проеме. Мужик закрыл дверцу. Наступила тишина, а свет сменился на полумрак. Бородач достал пачку явно не подходившей его облику "Герцеговины Флор", вытащил папиросу и закурил.

Ему нравилась его работа. И жизнь ему нравилась. Самим фактом своего существования. Или, что точнее, продления.

У него никогда не было такой работы. В обычном смысле он вообще ни дня не работал – либо "исправлялся" в лагерях, либо разбойничал. Крестьянский сын не ставший крестьянином по лихости не характера – времени: еще в Гражданскую осиротел, приткнулся к какой-то тамбовской банде, наглотался газов в тамошних лесах, получил несколько пуль, а жизнь сохранил лишь по малолетству. Да по доброте немолодого человека в буденовке, командовавшего отрядом, что взял в плен его сотоварищи. "Сколько тебе лет, рыжий?" – зло спросил его тот. "Не знаю, дяденька, маленький я, считать еще не умею. Я – жить хочу." Дядька весело расхохотался и, не прерывая смеха, подвел итог судебным-следственным действиям: "Всех в расход, а рыжего, раз жить хочет – в тыл. Пусть там разбираются. Советская власть не убивает малолетних граждан, тем более таких красных."

Там, где "разбираются", его направили в школу, больше похожую на лагерь: он, может, и рад бы поучиться, но ходить навтыжку с голодным желудком... Потому – побег, новая банда, новый арест, теперь уже срок и лагерь, на школу совсем не похожий. Сколько всего лагерей в его жизни было, он не считал – зачем? И дни, проведенные в лагерях, не считал – глупость все это. Зачем считать, зачем писать – жить надо!

И он жил, жил как мог, прощая обиды Советской власти и ее служивым, но не прощая ничего своим товарищам. В особенности он не любил, когда его называли дураком – тут его действительно не очень умную голову просто сворачивало. Однажды эта его особенность привела к совсем неприятным последствиям: обидчику – смерть, ему – стенка. Судившая убийцу

выездная тройка не интересовалась, хочет ли он жить. Об этом спросил лишь грозного вида начальник, приехавший в лагерь и забравший его с собой после очевидного ответа: "Хочу, дяденька, хочу!".

Осужденного долго везли в багажнике легковушки, связав ему руки и ноги и завязав глаза. Когда машина остановилась, мужика грубо из нее извлекли, поволокли по какой-то тропинке (ногами чувствовал: тропинка – не дорога, не просека), затем была идущая вниз лестница, каменный пол, развязанные конечности, стук закрывшейся двери и полная тишина. Повязку с глаз он снял сам, оглядел слегка освещенную камеру и своим небольшим умом понял: здесь его не расстреляют – обстановка не та.

Вскоре дверь открылась, и на пороге появился все тот же грозный человек. "Хочешь жить – живи, – спокойно изрек он, сев на кровать рядом с ним. – Вечной жизни не обещаю, но несколько лет точно поживешь. Если будешь выполнять мои указания. Ты ведь их будешь выполнять?" Услышав ожидаемый ответ, гость (вернее, хозяин, но зэк не очень разбирался в таких тонкостях) чуть улыбнулся, открыл железный шкаф в углу, показал на находящиеся в нем свертки и произнес: "Холодильник. Будешь в нем жратву хранить, что я тебе приносить буду. Можешь ее на плите готовить. Что, не умеешь пользоваться? Тогда холодной жри – не простудись только. Береги здоровье – мне здоровый нужен. Для тебя здоровье – что для меня жизнь."

Начальник рассмеялся собственной шутке, встал с кровати, открыл дверь и сообщил на прощанье: "Зайду завтра, тогда и объясню тебе, чем заниматься будешь. А пока спи, жри, можешь выпить даже – вон там в углу стоит... Может, бабу хочешь? Будет тебе баба, скоро привезем. Не сегодня, ишь глаза вылупил – на недельке получишь. Зато не на ночь – навсегда. И поможет, и накормит, и спать уложит. Навсегда, на всю оставшуюся..." – и довольный дядька исчез в дверном проеме.

Наутро он пришел, как обещал, объяснил, что нужно делать и вновь посулил – пулю за любую оплошность и бабу за труды.

Не обманул. Труды еще не начались (да и какие это труды – переставлять чемоданчики по звонку, когда засовывать их в щель, когда – вытаскивать), а баба – появилась. Хорошая баба – крепкая, уступчивая. Тоже из лагеря привезли, тоже от крестьянки родилась, тоже под расстрелом ходит. Точнее: стоит, сидит да лежит – ходить то некуда. И незачем – все в этой комнате есть. Даже воздух – и тот чистый. А что окошка нет – не беда. Зачем окошко знающим жизнь людям, что они нового в нем увидят?

Понимающим ценность жизни и осознающим ее краткосрочность нужно не окно, а хотя бы один лишний день. Тем более, лишнего не бывает – только запасное. Так грозный дядька говорил, мужик эту фразу почему-то запомнил.

От Вильнюса до Москвы. Гамбургский счет.

Примечание

На стыке XIX – XX веков результаты схваток русских борцов "под куполом цирка" определялись заранее, но один раз в год силачи съезжались в Гамбург, запирались в каком-нибудь трактире и боролись "без дураков" и договоренностей. Отсюда и "**гамбургский счёт**" (одно из "научных" определений – *выявление реального, а не официального места индивида в статусной иерархии*)

Сам же фразеологизм придуман Виктором Шкловским.

Сути и смыслы, они же – эпитафии

...нельзя помогать народу, не помогая режиму, как и нельзя причинить вред режиму, не причинив вреда народу.

Джордж КЕННАН, советолог, посол США в СССР (1954-63), секретарь посольства США в СССР (1934-37)

Война есть действие в опасности и неуверенности

Карл фон КЛАУЗЕВИЦ, классик военной теории и военной истории, в 1812 г. – подполковник Российской Императорской армии, начальник штаба (потом – обер-квартирмейстер) русского арьергарда, обладатель высшей российской военной награды – золотого оружия "За храбрость"

2-я ночь (с 23 на 24 июня 1941-го). Сумбур.

Два дня войны и предвоенный месяц. Особенности русских исторических оценок

Пятый час утра, совсем не нужная лампа уже не освещала – скорей привлекала внимание к лежащим на столе бумагам. Но не было смысла смотреть на эти сводки да донесения: он и так помнил, что за первый день на северо-западе и на юго-западе немцы прошли по два с половиной десятка километров и продолжают наступать – прут на прибалтийские столицы, обходят Львов.... Что пытались они взять с марша Либава, но порт пока в наших руках. На западном же направлении враг продвинулся аж на полсотни верст. Всем дан приказ "*драться до последнего*", приказ бессмысленный: это отходить можно только по приказу – чтоб драться, приказ не нужен.... А какой приказ войскам нужен, Сталин не знал. И не мог знать, потому что сколь либо внятной и достоверной информации у него не было – ни в бумагах, ни в памяти.

И уже третий час он, как полный идиот, сидел у обеденного стола на "ближней" даче и бубнил про себя то в первом лице, то в третьем: «Где мой прокол? Ну где мой прокол? Прокол где? Прокол... Проколы. Масса проколов. Их должна быть масса. Их с миллион должно быть...

Он не верил в эту войну. «В эту дурацкую войну. Дурацкую... Дурацкую! Она не может быть для Гитлера успешной. Он не сможет ничего сделать... И он не может этого не понимать.» Поэтому долгое время плевал товарищ Сталин на все эти донесения разведки (за полгода их штук триста было, только в июне – шестьдесят), там вранье с правдой так перемешано, что его тошнило. Его и сейчас поташнивало, но не от донесений – от их отсутствия. Хотя и те, что лежали на его столе, вызывали рвотные позывы. Особенно это, суточной давности:

"Германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника".

Здорово отбили, немцев много укокошили.... Только почему-то нет сейчас у границ наших "*передовых частей*". И немецких нет – давно ушли вглубь на десятки километров. Тыл там теперь, глубокий тыл.... Немецкий...

Вот и донесений нет, чушь есть. "*Чаша, ядом налитая*".»

Сталин повернулся к окну и нараспев, не обычным баритоном, а поставленным еще в семинарии высоким тенором, прочитал или пропел по-грузински последнюю строфу своего старого, семинарских времен стихотворения:

*"Но очнулись, пошатнулись,
Переполнились испугом,
Чашу, ядом налитую,
приподняли над землей
И сказали: – Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.²"*

И продолжил уже на русском: «Нет, не стол с бумагами, не пища для анализа, даже не моя чаша с ядом – чужая блевотина на столе. На блюде.... Нет информации, потому нет смысла

² Написано в 1896 г. (Перевод Феликса ЧУЕВА. Важное уточнение: другие переводы этих строк выполнены без любви к автору. А, может, и к русскому языку как таковому.)

в рассуждениях, но все равно свербит: зачем? В чем его, Гитлера, цель? На что он надеется? Что рассыплемся как Франция? С чего бы?

Ну ладно, Наполеон попер в Россию. Но он же не по глупости попер! Не по полной глупости! Он думал, надеялся (по дури, конечно, надеялся), что не успеет пересечь границу, как к нему придут вереницы царских адъютантов с просьбой о мире. А следом и сам Александр. И плевать ему, Наполеону, на старые (за полгода до вторжения сказанные, притом Коленкуру, французскому послу) слова царя: мол, буду отступать до Камчатки, но врагу не сдамся³. Кто нас, русских, слушает, мы ж – Византия, говорим одно, думаем другое, делаем третье...

...Нас, русских, – ухмыльнулся Сталин. – Акцент убрать не можешь, а туда же – русский. Князь, дослужившийся до императора. Сын сапожника, ставший князем за умелые разбои. Грузинский поп-расстрига в короне Российской империи. С партбилетом в кармане.

Но – русский. Когда война, все мы – русские. Будь ты Багратион, будь ты Барклай, будь ты Берия, будь ты Мехлис... И как в этой стране не переименовывай армию, она все равно останется русской. Кто вообще помнит ее название при последних самодержавиях – "*Российская императорская*"? Сами цари и то постоянно путались – что в речах, что в приказах. Красная, русская, императорская – какая разница? С красным флагом сам Петр воевал, Пушкина читайте....

А ведь к Бонапарту все ж приехал царев слуга, – вернулся к прежней теме Сталин. – Известный Наполеону, Балашов, кажется, министр полиции⁴. Взмыленный, дерганый, в глазах страх, в руках письмо от хозяина, а в письме – просьба о мире. Но Наполеон ничего в ответ писать не стал, морду воротил, цедил сквозь зубы всякие гадости про русских генералов, да про бардак в русской армии. Предложения царя отмел напрочь, но не потому, что хотел воевать – просто цену себе набивал. Желал, небось, чтоб сам царь к нему приехал: попросил, поунижался... Долго ждал, больше двух недель проторчал в Вильно и лишь, как понял, что ответа не будет, что никто с ним встречаться не будет, пошел... Пошел туда, куда идти не собирался. Ошибка... Но одна ошибка! Не может же Гитлер думать, что товарищ Сталин побежит к нему мириться?

А что, почему нет? Может, послать к нему нашего министра полиции – Берию? Или уважить – самого Молотова? А то и лично... Но не нужен Гитлеру мир, ему другое нужно – ему страна нужна. Хрен ему, а не страна. Хрен. Он, скорее всего, сегодня Вильно возьмет, может, уже взял. Что ж, значит день в день повторит успех предшественника⁵.

Ну в чем же прокол? Ну не может же Гитлер быть таким дураком? Какие его шансы? Как он дойдет до Камчатки? Каким образом? И как он сохранит завоеванные земли? Что, оставит на каждом квадратном километре по человеку? Это ж сколько ему людей нужно? Двадцать два миллиона? Да хоть двадцать два миллиарда! Это ерунда. Это пустяк... Хоть одного, хоть тысячу оставляй – партизаны по одиночке укокошат.

Партизаны... Надо создавать партизан. И надо напомнить, всем напомнить, о войне двенадцатого года напомнить. Не в двух словах, но коротко и ясно – пусть Тарле постарается. Месяца, я думаю, ему вполне хватит.⁶

Тысячу лет существует эта страна. И такая глупость... Глупость? Чья глупость? – Сталин вспомнил прошлогоднее донесение разведки о том, что один немецкий генерал подал докладную своему начальнику: мол, весь план по захвату Франции – чистой воды авантюра. – Три

³ Точная цитата: "*Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой*".

⁴ Балашов к моменту наполеоновского нашествия уже два месяца как не занимал этого поста, но данный эпизод Сталин знал из книги ТАРЛЕ "*Наполеон Бонапарт*", где была допущена эта неточность.

⁵ , Гитлер действительно взял Вильнюс в тот же день, что и Наполеон – 24 июня (для Сталина – "сегодня").

⁶ Хватило. 15 июля 41-го под редакцией академика ТАРЛЕ тиражом 10 000 экз. вышел сборник документов и материалов "*Отечественная война 1812 года*" объемом в 200 стр.

точки маршрута своих войск назвал: либо здесь его уничтожат, либо там, либо тут. А ему ответили – выполнять! Будто Пруткова читали: *"не спрашивай, какой редут, а иди туда, куда ведут"*. И он пошел. Правда, немцы поменяли маршрут – но на еще более авантюрный, горный, с другими "непроходимыми" точками. Сколько их там было – черт его знает, но ведь все прошел. И только у Атлантики остановился. По приказу, опять же.

Бок его звали, фон Бок. Тогда можно было не помнить фамилии немецких полководцев, но не теперь. Теперь этот Бок группой армий командует – против Павлова⁷. И, небось, уже не сомневается в правоте своих начальников.

Да что там сороковой год – чтоб немцев понять, тридцать шестого хватит. Когда Гитлер приказал ввести войска в Рейнскую область. В которой не должно быть ни одного немецкого солдата. Иначе – война, в точном соответствии с Версальским договором. Да и не война вовсе – карательная операция. Какая война может быть со страной, у которой вся армия – двести тысяч солдат с винтовками и пулеметами, без пушек, танков, самолетов, кораблей... Англо-французская карательная операция, или просто французская. На которую у Гитлера был предусмотрен один ответ – стремительное отступление за Рейн. Тогда же какой-то американец (щелкоперишка простой)⁸ раскопал фразу фюрера, сказанную своим военным накануне вторжения: *"Если Франция предпримет ответные действия в тот вечер, когда мы войдем в Рейнскую область, я покончу с собой, и вы сможете отдать приказ об отступлении"*. Но не пришлось ему стреляться, не пришлось его генералам тот приказ отдавать – никто из вчерашних победителей даже не дернулся. И где теперь все эти семьсот тысяч вооруженных до зубов французов? Знамо где – в Рейхе. Вместе с французским оружием и французскими соплями.

Или – тридцать восьмой, захват Чехословакии... Между прочим, не такая уж маленькая (для Гитлера, по крайней мере) страна. И оружия производила больше, чем любая мировая держава. А союзники – дай бог каждому. Опять же, помощи одной Франции достаточно, чтоб от вермахта следов не осталось. Немецкие генералы, кстати, это отлично понимали, антигитлеровский переворот готовили⁹. Ходили такие слухи, даже наша разведка что-то такое слышала.. Но за день до даты переворота прибыл в Мюнхен полудурок Чемберлен¹⁰ и договорился о "мире". Это он нам хамил, а перед Гитлером готов был унижаться. Выпросил – сам не понял, что и на чью голову.

Чехословакия, правда, гарантии от союзников получила. Полные: мол, если согласитесь выполнять наши с Гитлером договоренности, мы вас в беде не оставим. Чехи согласились, а когда беда пришла – фашистский путч в Словакии – им объяснили: мы, мол, не эту беду в виду имели. Да и не беда это вовсе – просто страны вашей не стало. Мы гарантии Чехословакии давали, а вы теперь – Чехия. Буквально так. В итоге – ни Чехословакии, ни Чехии... Ни России...

...Ни России... Я что – свихнулся? Псих во главе великой державы... И не в Горках при врачах – в Кунцево при охране. Возле всех рычагов управления (телефона, то бишь). На что хочешь нажимай, знать бы, на что. И на кого. Может, на себя? Вот тебе первое задание – заставь себя уснуть. Ты сколько, кстати, спал за последние двое суток?»

Последний раз полноценный сон был у Сталина в ночь на двадцать первое – то бишь, утром двадцать первого. А дальше...

Он вспомнил, что в последний мирный день он вышел из кабинета в одиннадцать вечера, в начале двенадцатого приехал на дачу, быстро поел и ушел в спальню. Но заснуть не мог – постоянно вспоминал о том, что ему докладывали военные.

⁷ В начале войны – командующий Западным особым военным округом.

⁸ Американский журналист Вильям ШИРЕР

⁹ Об этом после войны рассказал начальник штаба сухопутных войск (1938-1942) ГАЛЬДЕР – один из руководителей несостоявшегося переворота.

¹⁰ Нэвилл ЧЕМБЕРЛЕН, премьер-министр Британии в 1937-1940 г.г.

«По моей инициативе вызванные. Или, по инициативе Гитлера, если первопричину рассматривать. Пятнадцатого мая все началось, с его письма началось, хорошего письма, доверительного. Провокатор хренов... Личным самолетом мне письмо доставил. Без предупреждения – пролетел этот аэроплан через всю нашу систему ПВО, сел в Москве как у себя дома... А потом и Штерн¹¹ сел – за этот перелет. Бездельник...

Но письмо мне понравилось, я даже порадовался, что не сбили мои недоумки немецкий самолетик. Текст предельно ясный¹²: мол, собираюсь напасть в двадцатых числах июня на Британию и накапливаю для этого войска. Рядом с вашими границами – чтобы противника обмануть. Внешнего (Англию) и внутреннего ("*некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня*"). И эти войска скоро уйдут: "*Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы. При этом убедительнейше прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода...*"

Какие поводы, зачем? Но всяко может быть: зашумят моторы, пойдет техника – и не факт, что на запад... В середине июня, говоришь? Спасибо за информацию, но мы в ответ свои западные дивизии переместим поближе к границе. На всякий случай.

И ведь переместили, должны были переместить – до пятнадцатого июня все директивы в приграничные округа ушли. В усиленные округа – всем этим ЗОВО, КОВО, ПриБВО, ОВО и ЛВО¹³ дали не только почти три десятка дивизий из округов внутренних, им еще и восемьсот тысяч человек на учебные сборы призвали. Все скрытно – чтоб повода не было.

А вот у нас повод появился: поняли мы, что врал в своем письме Гитлер – нет никакой переброски. Восемнадцатого июня поняли, когда наши У-2 облетели границу. Молотов два следующих дня просил личной встречи с Гитлером, безрезультатно просил...

И пришлось поверить в войну. Ну, в вероятность войны. Скорой войны. Пришлось приводить войска в повышенную боевую готовность, да и к донесениям разведчиков относиться повнимательней. Особенно к свежим, последним: в первую очередь к тому, что Воронцов¹⁴ мне семнадцатого отправил. Четко написал: нападение Германии произойдет двадцать второго июня в три тридцать утра. Дорого яичко ко Христову дню: раньше я плевал на всю подобную писанину, но тут прочел. С интересом прочел – и к письму, и к его автору – даже в Москву его вызвал.

И как раз двадцать первого с ним встретился – не с глазу на глаз, человек девять нас было. Не только "*заведующие*"¹⁵ с военными наркомками, я и Сафонова¹⁶ позвал – ведь должен был встать вопрос о всеобщей мобилизации. И встал этот вопрос, со всей остротой встал. Неофициально, конечно: "*мобилизация является порогом к войне; пересечешь его – и примешь на себя ответственность за агрессивную войну*". Прав Шапошников, и я прав, раз его с полным одобрением цитирую. Оба правы. И потому ни один умный человек теперь не может думать, что немцы нанесли по нам превентивный удар. Сказать может (если подлец, конечно), но думать – нет.

¹¹ Григорий ШТЕРН, в январе-июне 41-го – начальник Главного управления ПВО Наркомата обороны СССР. Арестован 7 июня, расстрелян (без суда) 28 октября 41-го.

¹² Все нижеприведенные документы и события приводятся в книгах МАРТИРОСЯНА, других самостоятельных источниках этой информации я не обнаружил.

¹³ Соответственно Западный особый, Киевский особый, Прибалтийский особый, Одесский и Ленинградский военные округа

¹⁴ Воронцов Михаил Александрович (1900—1986), в 1939–41 г.г. – военно-морской атташе СССР в Германии, капитан первого ранга. В 1941–52 г.г. – начальник Разведуправления Главного штаба ВМФ.

¹⁵ так Сталин называл заместителей председателя Совета народных комиссаров СССР (Совнаркома, СНК), курировавших деятельность нескольких ведомств.

¹⁶ САФОНОВ И.А., в 41 г. – начальник мобилизационно-планового отдела Комитета Обороны при СНК СССР

В общем, где-то с часок поговорили, на полчаса прервались. И через эти полчаса Тимошенко с Жуковым принесли проект новой директивы.

Но я даже не стал брать ее за основу. Конечно, держал ее в руках, когда диктовал свой текст, но использовал при диктовке не суть директивы – стиль. Им, военным, виднее, как давать команды, но что должно быть в командах – виднее товарищу Сталину. Правда, подписывать документ сам не стал, поручил собеседникам.

Но Бог с ней, директивой – она теперь история, а *история принадлежит богу*. – Сталин ухмыльнулся – Что, страшно? Бога вспоминаешь? А ведь в ту ночь не о боге думал – о Гитлере, да его здравом смысле. О своем не думал – он же у тебя есть. В самом деле, есть?»

В ночь на 22 Сталин заснул (задремал, точнее) часа в три. А в четыре его разбудили – война.

«Сперва все было понятно – по крайней мере последовательность собственных действий. Первым делом нужно было понять обстановку. Спросить у Тимошенко: "*Не провокация ли это немецких генералов?*". А услышав ответ наркома: "*Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?*" – все же попытаться остановить войну.

Он тогда сказал Тимошенко и Жукову: "*Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои города...*" И после короткой паузы прибавил: "*Гитлер наверняка не знает об этом. Надо срочно позвонить в германское посольство*".

Вячеслав все правильно понял – не о посольстве речь шла. По крайней мере, не в первую очередь. Был другой канал, в том письме указанный, начать надо было с него. Но молчал канал, зато посол на встречу напрашивался. И, получив аудиенцию, вручил Молотову ноту.»

Война...

«Война – так война, надо командовать. Двенадцать часов командовал. Кем командовал, чем командовал? От войск информации нет, до командующих не дозвониться, а дозвонишься – они и сами ничего не знают. Повышенная боевая готовность это у них называется: сидеть в своих штабах на толстых задницах... Или тощих, какая разница – главное, чтоб круглосуточно. *Как крыса в сейфе*. Чиновники в зеленых мундирах, бумаги пишут, по телефону, если работает, говорят – этим и отчитываются. Имитаторы...

Плюнул, ушел в кремлевскую квартиру, думал, звонил, что-то писал. Может, даже и поспал, но – в кресле. В три часа ночи – двадцать третьего уже – вернулся в кабинет, три часа поруководил, опять домой, опять телефон, опять мысли, и опять кабинет. И так – до полвторого сегодняшней ночи.

«Слушай, дарагой (Сталин сознательно произнес "дорогой" совсем на грузинский манер, как торговец на базаре), а ведь ты за двое суток и пяти часов не спал. Истязал себя. Думаешь, зачтется?»

В России живем – тут любят оценивать "по-человечески". Наши интеллигенты не говорят: "выполнил работу" – это из лексикона бюрократов. В интеллигентском лексиконе другая фраза наличествует: "много работал". Как этого персонажа звали – Лоханкин? Васисуалий, кажется... Так вот, в России все лоханкины – до физики Краевича никто не дошел. Даже те, кто читал сей учебник, даже те, кто запомнил фразу: "*Работа есть совершённое полезное действие*". Запомнили – но не применяют. Не оценивают работу как нечто оконченное и полезное: главное – замыслы да помыслы. И пот с кровью. Плюс – сопли, да красивые фразы. "*Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия*".... Не убили – может, и забыли б, а убили – помнят. Не то помнят, что при правителе сем страна все дальше отдалялась от стран-конкурентов, а сами слова – "Великая Россия". Все – с большой буквы.

Даже странно, что не считают у нас Колумба придурком – поперся искать путь в северную Индию, а наткнулся – на Америку. Ничего не понял, назвал тамошних туземцев "индейцами", отбыл восвояси и доложил королю: мол выполнил я задание Вашего Величества. Нет, был бы он русским – был бы придурком, но он европеец, а за ними мы не видим ни грехов, ни огрехов.

За нашими, правда, тоже не видим – если потеют и говорят что-то красивое. Но это не про тебя: ты слишком кровавый и слишком свой. Ты не Петр – ему за "окно" да за макет Европы на чухонских болотах все простили. И то, что народ на пятую часть сократился¹⁷, и то, что дворяне стали крепостными, и то, что крепостные окончательно стали рабами, и то, что бюрократы расплодились, как кролики, и то, что им губернии на кормление отдавали, и то, что большинство войн проигрывалось... Главное – слова. И – чтоб про Европу, да путь ее. И в нее...

Нет, тебя ждет судьба Ивана Васильевича. Не третьего – четвертого. Историкам (начиная с Карамзина, основоположника, так сказать) плевать на то, что при Грозном территория страны увеличилась почти вдвое: и не болотами приросла – Волгой, Уралом.... Это, мол, не он, это – его современники. А он – это опричнина, казни лютые, пытки ужасные, глумления над завоеванными. Вот и про тебя тоже самое будут говорить: репрессии, ограбление всех и вся, ликвидация свобод и свободомыслия... Все припомнят – кроме хорошего (разве может быть у тебя – рябого, рыжего, сухорукого – хоть что-то хорошее?). Ну кто будет помнить, что ты еще в середине двадцатых говорил: будет война, войну нельзя выиграть без танков, самолетов, инфраструктуры, а, значит, без военной промышленности, которую нужно создавать практически с нуля, создав перед этим – опять с нуля – промышленность тяжелую. И кто будет помнить, что все это благодаря тебе возникло (нет, то, что в результате грабежей и из-под палки – этого, конечно, не забудут). А вспомнят (напомнит же кто-то!), так скажут: мол, это не благодаря – вопреки. Или какой-нибудь будущий Милюков расскажет про тебя, как нынешний про Петра: дескать, действия твои были спонтанными, разрабатывались они коллективно, конечные цели реформ ты понимал лишь частично – в части, которую тебе тот самый коллектив захотел объяснить¹⁸. Точнее, смог объяснить – ты же не все был понять способен, инородец неотесанный. *Осыка корявый*¹⁹...

Так что был бы не Сталин – все было бы и быстрее, и лучше, и без крови. Как в Европе. А то, что в Европе, когда в ней менялся традиционный уклад, кровь лилась не ручьями – реками, что с того? Время было другое, да и палачи были европейцами. А то, что Европа вся как один дружно легла под Гитлера – так это по случайности. Опять же, вследствие цивилизованности.

Но знай дарагой – о посмертной судьбе Грозного тебя сейчас можно только мечтать. Тебя не ненависть ждет – презрение. Ты, дарагой, на собственных глазах превращаешься в чеховского персонажа: *"Скажи, меня правда здесь все ненавидят? – Да что ты, кто ж тебя ненавидит. Так, просто презирают."*

Или – если повезет тебе, но не повезет твоему народу – полное забвение после полного уничтожения. Чтобы остаться в глазах "просвещенных" потомков ненавидимым (не презираемым, не забытым – ненавидимым), нужно в этой войне победить. Любой ценой. Ненависть тоже заслужить нужно. Победой. Лютой победой, лютыми методами. А какие еще могут быть, когда враг лютой?»

Сталина трясло. Он не был похож сам на себя – того, которого видели его соратники, нынешние и бывшее. С ними он сдерживал эмоции (*"слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми"*, – помнил Сталин Екклесиаста, не зря учился в духовной семинарии), терпел, зачастую соглашался на арест кого-либо из

¹⁷ Эта цифра в те годы считалась минимальной оценкой сокращения населения при Петре (говорили и о 50%). Сейчас это суждение звучит не очень достоверно. Например, в 1977 году вышла книга Ярослава ВОДАРСКОГО *"Население России в конце XVII – начале XVIII века"*, где на основе архивных данных сообщается: население России в Петровский период не сократилось – выросло на 39%.

¹⁸ МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859-1943), политик (лидер партии кадетов, министр иностранных дел во Временном правительстве) и историк. Автор книги *"Очерки по истории русской культуры"* (1910 г.), где помимо приведенных оценок деятельности Петра, сообщалось и о двадцати процентном сокращении населения России (см. пред. сноску).

¹⁹ Прозвище, полученное Сталиным в сибирской ссылке от тамошних крестьян

них через многие месяцы после принятия своего решения. Именно соглашался, он же должен быть добрым и доверчивым: царь все-таки – его в пролитии крови убеждать надо.

Вот, Рычагов, например, тридцатилетний командующий ВВС РККА, полностью обязанный Сталину беспримерным возвышением (четыре года дистанции от курсанта до замнаркома), посмел сказать ему – публично! – *"вы заставляете нас летать на гробах"*. Что ж, он всего лишь прекратил совещание, дважды сказав Рычагову *"Вы не должны были так сказать"*, его бешенства (бешенства – не недовольства) никто не заметил (наблюдательные могли бы понять по неправильно употребленному *"сказать"*, но это – наблюдательные...). И позволил вчерашнему лейтенанту походить еще пару месяцев в генеральских петлицах: с должностями, конечно, снял, но из армии не выгнал – просто направил в академию Генштаба.

Сталин вспомнил о скороспелом генерале и подумал: «Пора. Погулял, щенок...» Он не стал делать какие-то пометки в блокноте – подобные решения вождь не забывал. Сегодня же напомним о выскочке Лаврентию и даст (по его настоятельной просьбе, конечно) санкцию. А по какой категории²⁰. придется отвечать вчерашнему военлету – так это не вопрос сегодняшнего дня. Не до него сейчас.

Библиотека Сталина. Тухачевский, Пилсудский, Шапошников. Финская война.

«А до чего сейчас?» – Сталин окинул взглядом библиотеку и подумал: «Двадцать тысяч книг, все просмотрены, многие прочитаны, есть даже проштудированные, а толку? А был бы толк, если оживить их авторов? Клаузевица, например?».

Но взгляд председателя Совнаркома почему-то был обращен не на полки с томами классиков военного дела, а на отдельно стоящие книжки Троцкого, Бухарина, Радека, Каменева, Зиновьева... Для кого-то – "запрещенная литература", а для него – обычные *"единицы постоянного и временного хранения"*.

Он стал вспоминать, как создавалось это книгохранилище (точнее, хранилища: книги были распределены по всем помещениям, где он мог находиться – от кремлевской квартиры до южных дач). Стоял май 25-го, он еще не был вождем и учителем, даже первым лицом государства не был. Тот же Каменев, председательствующий на всем, где можно было председательствовать, предвещал его выступления одними и теми же словами: *"А сейчас о работе канцелярии Политбюро нам расскажет товарищ Сталин"*. Крыса канцелярская – вот кем он был. Именно с той поры стал называть себя (в узком кругу, конечно, наедине с самим собой да при жене и детях) *"секретаршишкой"*. "Чтобы вылезти из дерьма необходимо знать, что в дерьме находишься. Чтобы перестать быть дерьмом, нужно знать, что им являешься," – вспомнил он свои умозаключения тех лет. Посему и унижал сам себя куда хлеще, чем делали его "соратнички" – злее буду. И параллельно создавал "подъемные механизмы", они же – механизмы личной власти. И себя, "великого", заодно создавал:

«Вроде, получилось.» Вчерашняя канцелярия политбюро превратилась в ЦК (слово "аппарат" мало кто употреблял, вызвали в ЦК – понятно, что не на пленум), должность генерального (или просто первого – как сейчас) секретаря – в главную должность страны, а сам он – в вождя, учителя, "Ленина сегодня", друга всех и вся, великого, гениального и т.д., и т.п.

«Придурки, – помянул он ушедших в небытие соратничков. – Не ленинская гвардия – тыловой обоз. А ведь предупреждал их Владимир Ильич: мол, как помру, вождя у вас не будет, неоткуда ему взяться. Сами посмотрите на моих ближайших сподвижников: Сталин –

²⁰ Т.н. "сталинские" (они же – "прокляционные", они же – "расстрельные") списки делились на три категории: 1-я категория – расстрел, 2-я – 10 лет заключения, 3-я – 5–8 лет заключения. Павел Рычагов 28 октября 1941 года ответил **по первой**. Арестовали же его 24 июня (т.е. "сегодня").

груб, Троцкий – не вполне марксист, Зиновьев с Каменевым – предавали раньше, предадут и потом, Бухарин не понимает диалектики, Пятаков – политики, про Молотова же вообще сказать нечего. Так что не выдумывайте нового вождя – живите по партийному уставу. Где нет вождей, а есть коллективное руководство. Вот и руководите коллективно: вместе вы – туда-сюда, а по отдельности – говно разной консистенции. Да, кстати: не забудьте Сталина с поста генсека снять, иначе он всех вас сожрет – не поперхнется... С помощью своего "говеного аппарата"... Впрочем, про аппарат он в другой бумаге сказал²¹. Но и здесь все вполне подробно объяснил, однако – не поняли. Потому что не хотели понимать. Потому что не хотели считать себя говном. Потому и не хотели, что им были...

Каждый из них считал себя равным Ленину: среди "старичков" исключений не найти – разве что Троцкий. Он ставил себя выше вождя, сам считал себя вождем, Ленин для него так – временная фигура и постоянный обидчик. Двести девятнадцать только письменных оскорблений, такая вот статистика. Знал ли ее соратничек, мне неизвестно, но слова-то не мог не запомнить, все эти "пустозвон", "свинья", "негодяй", "подлец из подлецов", "проститутка", ну и "иудушка", конечно, главное определение, классическое, можно сказать. Не из Библии Иуда – из русского романа, родной-родной нам Иудушка. В самом деле, похож: даже на ленинские похороны не приехал – не захотелось отпуск прерывать, устал, видите ли. Народ его речь ждет, а он в Крыму волосатое тело греет. И вместо него какой-то Сталин на трибуне что-то говорит – и все по существу. Теперь эту речь школьники учат: "Клятва Сталина", даже фильм такой сняли. А ведь могла быть "Клятва Троцкого". Не всякий оратор – политик. А вот наоборот...»

Сталин и сам был не в восторге от ленинского "Письма к съезду". Ему нравилась другая работа "позднего" Ильича – "Очередные задачи советской власти":

"Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся", – этот отрывок Сталин помнил наизусть. И вывод из него сделал очевидный, куда более точный, чем вывод Учителя. Тот наивно думал, что "...перделка старых, почти исключительно агитаторских навыков – дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет...".

«Нет, из болтуна организатора не сделаешь. Одно исключение – Троцкий, но он сам себя сделал. Без помощи Ленина, без помощи партии. И еще вопрос, что в нем, Троцком, главное – организаторские способности на уровне выше среднего или высочайший, на уровне Мирабо, ораторский талант. Но это – мелочи, суть не в них. Организаторы – не ораторы! – вот, кто нужен стране. И их, организаторов, будут не только слушаться, но и слушать. Ловить каждое их слово, задумываться над каждым их словом. Не из под палки (хотя и палка не помешает) – ради здравого смысла. Всякому нужно знать, что собирается делать вождь, ибо делать это предстоит не только вождю. И не столько вождю.

Ораторский дар – вещь не лишняя, но все же не необходимая. Хватит и простого умения внятно излагать свои мысли. И наличия этих мыслей.

А мыслей этих у молодого Сталина хватало, просто он иногда побаивался их высказывать. Ему самому было противно, когда какой-то партийный неуч говорил какую-то банальность (или просто чушь) на религиозные темы. Но это ему, вполне даже образованному бого-

²¹ в записке Молотову: "изучаются ли у нас в ЦК мнения отдельных групп партии, в частности, изучается ли мнение людей, которые не работают ни в каком учреждении нашего говеного аппарата?"

слову, было противно, а остальные головами кивали, словечки столь же глупые вставляли. И не потому, что дураки – просто неучи. Кто из них знал эти мудрые слова: *"Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас."*²²

«Но подобная необразованность в партийной среде – вещь вполне извинительная, да и незаметная вовсе. Здесь можно спутать Ветхий Завет с Новым, Апокалипсис с Екклесиастом – да хоть Талмуд с Торой! – но попробуй спутать Канта с Шопенгауэром, Толстого с Достоевским, Моцарта с Бетховеном...

У них, соратничков, было время все это изучать. Сидели себе в европейских кафе, пили кофеек, жрали пирожные.... Читали все, что попадется под руку (или что товарищи посоветуют), обсуждали, спорили... Он же Россию не покидал, банки да почтовые обозы грабил, на этот их кофеек зарабатывал. А его за это презирали – плевали, ублюдки, в руку дающего. И сейчас приедет в Россию иноземная знаменитость, напросится на прием и давай разглагольствовать: мол, *"за Вами десятки лет подпольной работы, Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу, в Вашей биографии имеются моменты, так сказать, разбойных выступлений, Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях"*... И все это говорят лишь для того, чтобы задать вопрос: *"Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что большие пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?"*²³. В самом деле, кто лучше: оторвавшийся от русских корней образованный европеец или не покидавший Россию полуграмотный, но геройский бандит?

Читают Троцкого заграничные знаменитости, помнят небось, что *"Сталин, в качестве так называемого практика, без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы"*²⁴. И спрашивают себя (а потом меня): что это за почва такая, заменяющая теоретический кругозор да широкие политические интересы вместе с иностранными языками? Позволяющая победить тех, кто всем этим обладает? Это что – русские сказки? Или грузинские легенды? Соловей-разбойник в тигровой шкуре, сдобренный случайными цитатами из Маркса-Ленина?»

Он тогда нашелся, что ответить, но не только потому, что обладал природным умом – хватало и других источников. Первоисточников. Собираемых с 25-го в его собственной библиотеке:

«Не только у Ленина, но и у Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Молотова, да что там Молотова – у Демьяна Бедного! – нечто подобное было. И посему никто бы не посмел обвинить "секретаришку" в нескромности.

(Все помнят тифлисский скандал начала двадцатых, окончившийся дракой Орджоникидзе с неким "старым грузинским большевиком". Тот обвинял Серго именно в нескромности: мол, партийный стаж у нас одинаковый, но ты разъезжаешь на казенной лошади, а я пешком хожу. И плевать, что ты какой-то пост занимаешь, а я сижу без дела. Где справедливость? Подробности скандала все забыли, но *"личная нескромность"*, да *"партийное чванство"* к Серго приклеились на всю жизнь. Недолгую жизнь, к сожалению. К сожалению?)

В общем, приказал ты Ване Товстухе²⁵ создать библиотеку: все чин по чину – с должностью библиотекаря в секретариате. И на вопросы своего помощника ответил письменно:

²² "Книга Екклесиаста или проповедника" (1, 10)

²³ Сталин цитирует слова Эмиля Людвиг из интервью, данного им немецкому писателю и журналисту 13 декабря 1931 г.

²⁴ Л.В. Троцкий. История русской революции. Том 1. (1931 г.)

²⁵ ТОВСТУХА Иван Павлович (1889-1935), в 20-е годы – заведующий личным секретариатом Сталина, с 1931 года – заведующий архивом Института Маркса-Энгельса-Ленина. Умер своей смертью, похоронен со всеми почестями, урна с прахом

"Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба):

1) Классифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

- а) философия;*
- б) психология;*
- в) социология;*
- г) политэкономия;*
- д) финансы;*
- е) промышленность;*
- ж) сельское хозяйство;*
- з) кооперация;*
- и) русская история;*
- к) история других стран;*
- л) дипломатия;*
- м) внешняя и вн. торговля;*
- н) военное дело;*
- о) национальный вопрос;*
- п) съезды и конференции;*
- р) положение рабочих;*
- с) положение крестьян;*
- т) комсомол;*
- у) история других революций в других странах;*
- ф) о 1905 годе;*
- х) о Февральской революции 1917г.;*
- ц) о Октябрьской революции 1917 г.;*
- ч) о Ленине и ленинизме;*
- ш) история РКП(б) и Интернационала;*
- щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);*
- щ1 профсоюзы;*
- щ2 беллетристика;*
- щ3 худ. критика;*
- щ4 журналы политические;*
- щ5 журналы естественно-научные;*
- щ6 словари всякие;*
- щ7 мемуары.*

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно):

- а) Ленина,*
- б) Маркса,*
- в) Энгельса,*
- г) Каутского,*
- д) Плеханова,*
- е) Троцкого,*
- ж) Бухарина,*
- з) Зиновьева,*
- и) Каменева,*
- к) Лафарга,*
- л) Люксембург,*
- м) Радека.*

3) Все остальные классифицировать по авторам, отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т.п.

И. Сталин».

Минут двадцать-тридцать писал товарищ Сталин эту записку, хранятся в его архиве эти несколько листков из ученической тетради²⁶: есть шанс, что потомки будут знать – вождь-то у их предков был вполне даже образованным....

Именно потомки. Это в Англии современники Черчилля не поминают каждый день о том, что нет у него высшего образования. Школа средняя, да школа кавалерийская (полтора-годовая) – вот и все его "университеты". И не напоминают постоянно народу, что в средней школе он оставался на второй год, а в военную поступил с третьей, кажется, попытки. Притом сдавал экзамены в пехотную, а поступил в кавалерийскую (где был недобор и принимали всех – лишь бы на экзаменах не провалился). Не знаю, есть ли в Англии поговорка "чтение – вот лучшее учение", у нас то она есть, только никто ее не воспринимает как истину. Четыре слова в рифму – не более. А те же британские историки, хлеб которых в не малых количествах ел и ест господин Черчилль, хоть и ругают его, но в безграмотности не обвиняют. Максимум, что себе могут позволить, так это сказать: по уровню своих знаний вчерашний кавалерист – лишь *средний доктор наук*. И это в стране, где можно говорить все. Будь такое у нас – с дерьмом бы смешали. И его бы, Сталина, смешали, если бы он позволил. Но он не позволит. Говорить не позволит – думать не запретишь. А думают они именно так – что ученики дореволюционных приват-доцентов, что выпускники института красной профессуры. Что в Академии наук, что в Комакадемии (пока была). Это Россия: здесь интеллигенция размножается из всех и вся – из дворян и помещиков, из рабочих и крестьян, из коммунистов и монархистов, из сирых и убогих, в воле и в неволе...»

Сталин вспомнил книгу Черчилля про первую мировую войну²⁷. Ее в сокращенном виде перевели и издали пятитысячным тиражом: для всех – не только для высших советских руководителей. Хотя вряд ли кто-то из членов политбюро, совнаркома, секретарей и зав.отделами ЦК ее читал.

А он прочел, прочел внимательно, с удовольствием даже. Ему как-то рассказали, что Конан Дойл считал Черчилля лучшим стилистом среди современных писателей. «Может быть, – подумал тогда Сталин. – И не просто стилист – еще и умница. Кто бы еще так внятно и здраво смог подвести черту под Гражданской войной:

"Нельзя сказать, что русские националисты погибли от недостатка оружия. Не недостаток в материальных средствах, а отсутствие духа товарищества, силы воли и стойкости привело их к поражению. Храбрость и преданность делу горели в отдельных личностях; в жестокости никогда не было недостатка, но тех качеств, какие дают возможность десяткам тысяч людей, соединившись воедино, действовать для достижения одной общей цели, совершенно не было среди этих обломков царской империи. Железные отряды, действующие при Морстон-Муре, гренадеры, сопровождавшие Наполеона в его походе ста дней, краснорубашечники Гарибальди и чернорубашечники Муссолини были проникнуты совершенно различными моральными и умственными устремлениями... Но все они горели огнем. У русских же мы видим одни только искры."

«А как он о нас, тех "нерусских", что взяли власть в Октябре семнадцатого: "собрание крокодилов с образцовыми интеллектами". Если бы кто из соотечественников назвал большевистское руководство "крокодилами", он бы не преминул добавить: "с интеллектами, размером

²⁶ Записка сохранилась. Ее фотокопия была опубликована в журнале "Новая и новейшая история" профессором, д.и.н. Борисом Семеновичем ИЛИЗАРОВЫМ.

²⁷ "Мировой кризис"

со спичечный коробок". При этом встал бы навтыяжку, тряхнул головой, глаза бы закатил: "вот как я их". Интеллигент, что с него взять...

А ведь у меня по меркам Российской Империи было вполне приличное образование.» Два курса семинарии давали возможность их обладателям, что пожелают служить в армии, прийти на сборный пункт, не дожидаясь призыва, и стать вольноопределяющимися первого разряда – то есть теми, кому через девять месяцев военной службы присваивается офицерское звание. «Выше разряда не было: инженеры, врачи, философы – все в нем. Смешной критерий, но за отсутствием другого...

Сейчас, конечно, другие ориентиры. Он имел о них представление, как то спросил у одного молодого наркома: сколько предметов вы изучали в вузе? Тот сразу не ответил, что-то мычал про какой-то вкладыш, но к вечеру отзвонился: мол, около пятидесяти, товарищ Сталин.

Один предмет – один учебник. А сколько у него этих учебников, то есть монографий, в библиотеке? Процентом двадцать от общего количества книг? То есть четыре тысячи? Ну ладно, не все прочитано, многими книгами я пользовался лишь как справочниками, но хотя бы каждый десятый учебник изучен? Четыреста книг? Поделим на пятьдесят – восемь получится. Восемь высших образований – как минимум.

Есть чем гордиться», – Сталин постепенно успокаивался.

Ежедневно на чтение он отводил по 2-3 часа. Он лукавил, говоря "*моя дневная норма – страниц 500*", хотя мог читать со скоростью 3-4 страницы в минуту. Но не монографии или сборники научных статей – их он читал медленно, вдумчиво, делая пометки, загибая страницы.

«Интересно, – подумал вождь, – а высшее военное у меня есть?» В конце двадцатых он перечел уйму дореволюционных книг о войнах древних ассирийцев, греков и римлян, затем стал читать о войнах более современных. И советских авторов тоже читал, в том числе для принятия "решений".

«По Тухачевскому, например. Нет, то, что Тухачевский враг, было понятно и без книг. Креатура Троцкого, но не верный сторонник "Иудушки" – совсем даже отдельный "объект разработки".

Если бы Тухачевский осуществил свой переворот, он бы не стал приглашать былого покровителя возглавить страну: мол, берите бразды, друг и благодетель... Он бы решил "вопрос Троцкого" вполне по-сталински, но все же с учетом своих предпочтений: не ледорубом – десятитонной бомбой. Создал бы нечто, не имеющее аналогов в мировой истории, какую-нибудь дивизию агентурно-активной разведки, каждому бойцу выдал бы по иностранному паспорту да по килограмму тротила – и гори все синим пламенем. Или красным. Любил размах сволочь, очень любил.»

Нет, то что Тухачевского – вместе с ближайшими соратниками – нужно изолировать, вопросов у Сталина не вызывало. Вопрос был в другом – он может понадобиться или без него можно обойтись? Если завтра война? Как в песне...

"*И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью могучим ударом*" – зазвучал в голове вождя лихой напев: «И удар не могуч, и земля не вражья, и кровь не малая. И не пошлешь в войска легендарного полководца. Чтоб принял командование, чтоб повел армию на "*вражью землю*", чтоб "*разгромил*"...

Некого послать. Или почти некого. Жукова, разве что.» Он и послал его вчера к Кирпону, на главное направление немецкого удара, а к Павлову²⁸ отправил Кулика: так, на всякий случай. Правда, с Куликом он послал в Белоруссию и Шапошников, но ненадолго: «Шапошников нужен здесь.»

²⁸ Генерал-полковник КИРПОНОС командовал Киевским особым военным округом, а генерал армии ПАВЛОВ – Западным особым, то есть Белорусским.

Сталин посмотрел на лежащие на его столе донесения... «Зачем? Зачем мне эти бумажки? И мало их, и информация непонятно откуда, да и вообще...»

Он вспомнил слова Пилсудского: *"донесения пишутся для начальства, они всегда имеют цель не только отчитаться в чем-либо, но и подспудно склонить начальника к тем или иным мыслям, к тем или иным решениям в отношении пишущего это донесение"*.

«Умница. Такого врага я бы не бы расстрелял. Такого беречь нужно – для войны. Для победы. И до победы. Держать в своем обозе – как Кир Креза.»

Сталин не случайно помянул польского диктатора. Он внимательно прочел его книгу²⁹, изданную в СССР в середине двадцатых, так сказать, для широких слоев населения. И перечел в 37-м, когда готовил "решение".

«Удивительное дело, у Пилсудского не было ни военного образования, ни полководческого опыта (да что там полководческого – боевого не было), но ведь победил! Ту самую, которая "всех сильнее". А потом еще вдоволь поиздевался над проигравшим Тухачевским, который даже после разгрома хорохорился, молодцом себя считал. Интересно, это по его инициативе (не только Буденного?) песня появилась, в которой *"помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки"*? Псы-атаманы – бог с ними, может и помнят на том свете, а вот паны (там же) вспоминают не клинки – задницы бегущих конармейцев. И лагеря, где их – всех, до единого – уморили голодом. Панам это отлилось, санкцию на расстрел польских офицеров он дал больше года назад. Слава богу, не всех: наиболее заметных, сидевших во внутренней тюрьме Лубянки, вообще не расстреливали. И не будут расстреливать – нужно же кого-то предъявить новым союзникам. Тому же Черчиллю. Ситуация...»

Сталин вновь бросил взгляд на полку, где стоял томик Пилсудского, и стал вспоминать слова покойного "председателя Польши".

«Сделал поляк из Тухачевского котлету, дважды сделал. Сперва в бою, затем – в книжке. Почерк мастера: минимум обидных слов, никакой ненависти – только презрение. Чеховское....

Все оскорбительное – пара фраз с общей оценкой брошюры: *"книга, полная исторической фальши"*, *"кто-то грязными руками публицистики прикоснулся к великому и чистому делу военной истории"*. Ну там еще *"играл словами без содержания"*. А в остальном – что-то вроде беспристрастного обвинительного заключения:

"отсутствие в лекциях обобщенного анализа его деятельности в качестве главнокомандующего";

"доктринерская слепота автора";

"чрезмерная абстрактность книги";

"абстрактность стратегического мышления";

"управление армией как раз таким абстрактным способом";

"неумение увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск";

"публицистический метод расчетов";

"ошибка в расчетах, произведенных без учета второго хозяина войны, каковым является военачальник противной стороны";

"отсутствие стремления решить проблему борьбы с пространством, которое он не мог, не был в состоянии заполнить войсками".

И итоговый вывод: ***"упорное топтание мыслями вокруг подобных проблем у полководцев почти всегда неизбежно ведет тоже к топтанию, но уже ногами солдат, неутоптанной земли полей сражений с огромными затратами времени и сил"***.

Зачем нашей стране Тухачевский? Топтаться мы и без него можем. А также бежать "быстрее лани". Эксперт высказался, начальство согласилось, решение принято.

²⁹ Ю. ПИЛСУДСКИЙ ВОЙНА 1920 ГОДА По поводу книги М.Тухачевского „Поход за Вислу“. Издана в СССР в 1925 году.

А ведь дал сей эксперт и другое заключение. В отношении Сергеева, комдива Сергеева. Его книгу³⁰ на ту же тему Пилсудский назвал "*жемчужиной*", "*выдающимся произведением*". Что ж ты его "по первой категории"? Он ведь не чета Тухачевскому: не вшивое юнкерское училище – Императорскую Николаевскую³¹ окончил; не пару месяцев в Русской армии воевал, а все три года империалистической; к нам не подпоручиком – подполковником пришел. Это ж не твой враг: ты ж не Троцкий, ты ж не плацдарм для мировой революции строишь – великую державу. Царским подполковникам такая задача очень даже нравится. А те из них, кто умен, все это понимают без твоих слов, потому как способны догадаться, почему ты старую задачу не снимаешь. Сергеев же при царе не в пехоте – в разведке служил. И не в полковой: в дивизионной – с мозгами, стало быть, все в порядке. Опять же, книгу хорошую написал, в академии Фрунзе оперативное искусство преподавал, а ты его – к стенке. Смог бы он сейчас помочь? Вместо Кулика?

Может, и смог бы. Командовал бы чем-то, может, и уцелел бы. Как этот, как его, Рокоссовский, кажется. Но Евгений преподавал, значит, мог агитировать. И не в среде простых курсантов – в среде высшего состава; каждый год – новый сбор, так он мог все "сливки" РККА не на то настроить. Посему смотрел ты на его фамилию в списке без особого внимания – преподавателем больше, преподавателем меньше...

А вот Тухачевским ты занимался куда дотошней. Да, он нигде не учился, да, нес с трибун все, что в голову придет, никоим образом не озадачивая своих "моментов"³² необходимыми расчетами. Что ж, есть у человека такая проблема, снял ты его с Генштаба после завирально-разорительного призыва дать армии пятьдесят тысяч танков к следующему, двадцать восьмому году (и сейчас во всех армиях мира их в несколько раз меньше): но ведь много лет прошло – мог и поумнеть. Поэтому взял ты его более-менее свежие труды (набралось с десятков брошюр страниц по двадцать пять-тридцать – вот и все "теоретическое наследие"), положил рядом трехтомник Шапошникова "Мозг армии" и стал сравнивать.

Сравнивать было нечего. Ура-ура, рабочий класс всегда за нас, крепить оборону и прочее "взвейся-развейся". Нет, это не цитаты от Тухачевского, ты ничего не запомнил из его трудов, разве что вспомнил слова Пилсудского про "*доктринерскую слепоту*". И не увидел ты там ни одной ссылки на труды других военных теоретиков, классиков, в том числе. Такие книжки можно читать с той скоростью, что ты озвучивал своим подчиненным – сто страниц в час, двести. Правда, не пройдет и десяти минут, как появится вопрос: ты что-нибудь новое узнал? У Шапошникова все по другому: исторический анализ, каждая мысль автора вытекает из мыслей предшественников – быстро не прочтешь. Потому непонятно, по какой категории провести "Мозг армии": по военной истории, или по военной теории? Это с категорией Тухачевского все понятно – "первая" и никакая другая.

Надо возвращать Шапошникова. Слава богу, не из лагеря: снят он с поста начальника Генштаба по "внешнеполитическим", назовем их так, соображениям».

Он поссорился с Шапошниковым накануне Финской войны. Сталину она казалась легкой, чем-то вроде маневров, и когда Шапошников представил свой план, где предполагалось забрать со всех округов авиацию, танки, артиллерию, саперов – да все практически, пехоту разве что чуть-чуть им оставить – разместить все это под Ленинградом и тогда уже двинуть на Финляндию, вождь не смог скрыть своего раздражения. В итоге план было поручено составить командующему округом Мерецкову, он же и возглавил наш "контрудар". Весь декабрь Красная армия пыталась прорвать линию Маннергейма, но даже не смогла дойти до основных укреплений.

³⁰ Евгений СЕРГЕЕВ. "От Двины до Вислы". Автор расстрелян в 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском заговоре

³¹ Императорская Николаевская военная академия – название главного военного учебного заведения Российской Империи, в просторечии именуемого академией Генерального штаба.

³² Так с незапамятных времен звали в России сотрудников генерального штаба – как бы ни назывался последний, и как бы ни называлась страна.

ний – лишь зону заграждений прошла. В итоге пришлось создавать отдельный фронт, ставить во главе этого фронта Тимошенко, а все планирование опять поручить Борису Михайловичу. Единственному человеку из постоянного окружения, которого Сталин звал по имени-отчеству.

«Заслужил. Был во всем прав: там, где территория не была прикрыта линией Маннергейма, местность была практически непригодна для наступления – сплошные озера, болота, да чащобы. Рай для обороняющихся и ад для нападающих. А к линии войска было можно доставить только своим ходом, до границы хоть вела одна железнодорожная ветка, но – до границы. А дальше – иди сотню-другую верст (а то и третью) по снегу, тащи на своем горбу вооружение-снаряжение, танки из сугробов вытаскивай. И все это под присмотром финской разведки: сидят бойцы и все, что видят, сообщают своим по радиации. А у этих своих, финнов, то бишь, проблем с переброской войск нет – с той стороны дорог не счесть.

На целый месяц было приостановлено наше наступление, ждали плана от Бориса Михайловича. Как дождались, так все и окончилось: через две недели и линию прорвали, и по льду залива вышли на нормальную местность – дело сделано. У финнов ни танков, ни авиации, все пушки далеко – можно всю их территорию включать в специально созданную в преддверии "контрудара" Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику.

Но товарищ Сталин не стал этого делать. Не потому, что боялся войны с Англией и Францией – что их, болтунов, бояться? Он просто понял: пока на финской территории жив хотя бы один финн, этот финн будет сопротивляться захватчикам. Все как один: власть и оппозиция, буржуи и пролетарии, женщины и дети, кулаки и батраки, даже интеллигенты (если есть у них такие) – все готовы и воевать, и обеспечивать воюющих всем, чем только можно. Добрым словом, в том числе. Не Прибалтика – там при первом нашем намеке как-то сразу замолчали, а если и говорили, то в поддержку вхождения в СССР. И вошли туда войска, как по маслу.... Тоже, вроде бы, чухонь, но другая. Куусинен не смог найти для своего (то есть нашего, конечно) правительства ни одного жителя Финляндии, лишь этнических финнов по всем сусекам подсобрал, а все эти эстонские, литовские и латышские политиканы либо кинулись за границу, либо голосовали за ликвидацию своих государств. Вот и не стало: ни государств, ни политиков – одних уж нет, а те далече... А Финляндия осталась – уж больно невыгодно на подобных территориях свои порядки устанавливать. Решать же вопрос немецкими методами нельзя: меня и так все время сравнивают с Гитлером, и давать такой повод, да что там повод – обоснование...

Знай я эти особенности финнов раньше, все бы было по-другому. Про поляков, например, я знал многое, и когда Риббентроп предложил включить в советскую часть Польши Варшаву с прилегающими окрестностями, отказался. В августе тридцать девятого согласился, а в сентябре, уже в ходе польского похода, отказался. И честно объяснил немцам причины отказа: мол, создавай Польскую социалистическую республику, не создавай, союзная она будет или автономная – гордые поляки все равно начнут бунтовать за свою полную независимость. Территории, заселенные украинцами и белорусами, примем, а от заселенных поляками земель увольте. "*Зачем нам ... области, густо населенные поляками!?*" – еще Дурново³³ спрашивал, "*и с русскими поляками нам не так легко управляться*". Не легко, Ваше превосходительство – невозможно. Там ни русские, ни советские методы не годятся, там нужно нечто более масштабное – немецкое, то бишь. Правда, генерал и про Галицию то же самое говорил: мол, "*нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь*", но взяли мы эту территорию не сантиментов ради – чтоб границу на запад отодвинуть.

Пришлось и с Финляндией этой задачей ограничиться. Претендовали на всю страну, а в итоге предъявили финнам скромные предвоенные требования: вы нам – территории возле

³³ ДУРНОВО Петр Николаевич (1845-1915), действительный тайный советник, автор "Записки Дурново" (февраль 14-го), где был дан фактически сбывшийся прогноз последствий войны с Германией.

Питера, а мы – свои территории, в два раза большей площади. Положительный, конечно, результат, границу от Ленинграда отодвинули на сотню километров, но в остальном – национальный позор. Тот же Черчилль заявил: мол, Финляндия "открыла всему миру слабость Красной Армии". А уж Троцкий так просто прыгал на наших косточках: "Юбилейные парады на Красной площади – одно, война – совсем другое. Предполагавшаяся "военная прогулка" в Финляндию превратилась в беспощадную проверку всех сторон тоталитарного режима. Она обнаружила несостоятельность общего руководства и непригодность высшего командного состава, подобранного по признаку покорности, а не таланта и знания. Война обнаружила сверх того, крайнюю несогласованность разных сторон советского хозяйства, в частности жалкое состояние транспорта и разных видов военного снабжения, особенно продовольственного и вещевого. Кремль строил не без успеха танки и аэропланы, но пренебрег санитарной службой, рукавицами, зимней обувью. О живом человеке, который стоит за всеми машинами, бюрократия попросту забыла." Лишь Гитлер промолчал, мы думали, что из вежливости, а оказалось...

Пришлось как-то изворачиваться перед "мировым общественным мнением". Сперва убрать Ворошилова с поста наркома (ему там и в самом деле не место), потом назначить на его пост "победителя" Тимошенко, а затем решать с Шапошниковым. В общем-то, товарищ Сталин перед ним извинился, не словами, конечно, действием – присвоил ему в мае сорокового маршальское звание. А в августе вызвал к себе и с полным уважением (ну сама любезность), произнес под конец встречи: мол, Ворошилова мы переместили, но "нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы... Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель." И спросил: "А каково ваше мнение?"

Риторический вопрос и очевидный ответ (для умного человека очевидный): "готов служить на любом посту"³⁴. Пост ему, конечно, сразу нашли, статус замнаркома сохранили, строил он почти год разные оборонительные сооружения да укрепрайоны – пора к настоящему делу возвращаться. Мерецков на посту начальника Генштаба не смотрелся (да и на воле не смотрится, потому и арестован вчера), а Жуков нужен в войсках. Собственно, только его и можно посылать на провальные участки, остальные либо не еще созрели, либо...»

Война гражданская и подготовка к войне отечественной. Кулик и Ванников

В памяти Сталина всплыли лица его соратников по Гражданской, ближайших соратников – Буденного, Ворошилова, Кулика.... Счастливое лицо молодой жены сорокалетнего члена Совнаркома, направленного в восемнадцатом продовольственным комиссаром в Царицын, и заросшая щетиной недовольная физиономия ее мужа:

«Кругом бардак, предательство, глупость. А у него нет прав вмешиваться в действия военных, есть полномочия, пусть и "чрезвычайные", но – не в военных вопросах. Что ему – спокойно смотреть на всех этих "спящих" военных специалистов? "Сапожники", – так он называл их в письмах Ленину, "посторонние люди", "могут только чертить чертежи и давать планы".

³⁴ об этом разговоре Шапошников рассказал Василевскому, а тот привел его в своих мемуарах.

"Смотреть на это равнодушно считаю себя не вправе", буду "сместать", "ломать", "отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит" – резюмировал он свою позицию. И смещал, ломал, а также расстреливал, топил – не по одиночке, целыми баржами. Но сейчас не про баржи и даже не про восемнадцатый год – про январь девятнадцатого. Краснов тогда прорвал фронт (не мой фронт, соседний) и шел к неприкрытому городу, торжественно шел, победоносно, строил маршевые колонны возле Дубовки и собирался в парадном строю войти в Царицын. В сталинском салон-вагоне вызванные им военспецы говорили только об эвакуации, да оперативном отступлении – неучи. Никто даже не понял смысл его вопроса – "Сколько пушек в районе Дубовки?" Ни тугодумный Кулик, начальник артиллерии, ни бывшие генералы с полковниками.... Даже когда он приказал собрать всю артиллерию с фронта (сто орудий набралось), сосредоточить ее в той самой Дубовке и "ударить артиллерией по этим глупым головам", никто не оценил его замысла. Даже Думенко³⁵, дивизии которого он поручил "завершить разгром", и тот в ночь накануне боя заболеть соизволил. Ничего, Буденный его дивизию возглавил и вполне прилично справился, *завершил*. Да и Кулик все обеспечил – *опрокинул* противника. Был бы замысел, был бы стратег во главе – исполнители найдутся.»

Сталин вспомнил доносы на Тухачевского – дескать, говорит маршал, что польская кампания проиграна из-за Сталина с Ворошиловым: «Мол, не выполнили они указания главкома (Каменева³⁶, то бишь, а на самом деле – Троцкого), не послали на подмогу Буденного: дескать, если Рыдз-Смиглы³⁷ успел домчаться от Львова до Варшавы за десять дней, значит, и наша конница бы успела....»

Это кем надо быть, чтобы сравнить марш-бросок по своей территории с наступательной операцией на территории чужой? Когда нужно обходить каждый населенный пункт, каждую рожицу, все время посылать впереди себя разведку и ждать ее возвращения, тащить за собой здоровенный обоз... И как такой приказ дать именно Буденному: он, конечно, звезд с неба не хватает, но и дураком не является, ту самую Дубовку помнит в деталях (первый "генеральский" опыт, как забыть) и оказаться в роли Краснова совсем не хочет. Как и в роли Тухачевского.

Кулик, конечно, поглупее Буденного будет. Но и пополезней – одно удовольствие использовать его в темную. Поговоришь с ним, намекнешь о чем-то, он это подхватит, разовеет – тут и бери быка за рога, делай вид, что согласен с "его" мнением...»

Прошлой зимой Сталин принял решение о модернизации артиллерии. Полевой, танковой – всякой. Война, если и начнется, то не раньше сорок второго, а к тому времени у немцев будут другие танки, не хуже наших. Это сейчас КВ да Т-34 должны пробивать лобовую броню их танков с полутора километров, оставаясь в полной безопасности, пока дистанция не сократится метров до пятисот³⁸... Долго это продлиться не может, полагал Сталин и решил усилить танковое (да и противотанковое) вооружение.

«Но инициатором этой кампании ему быть не следовало, да и аргументы должны быть другими – поглупее, что ли. Нельзя было раздражать Гитлера, приковывать его внимание к советской программе перевооружения, толкать его на невыгодные нашей стране шаги – от попытки создать "сверхтанки" (а что, хороших инженеров в Германии – а также в Чехии, Франции, Австрии, Бельгии, Голландии – хватало, могли бы и справиться с этой задачей), до

³⁵ ДУМЕНКО Борис Моисеевич (1888-1920), расстрелян (общепринятая версия – по инициативе Тухачевского и Троцкого) за "юдофобскую и антисоветскую политику"

³⁶ КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881-1936), царский полковник, с 8 июля 1919 по апрель 1924 г. – главнокомандующий вооруженными силами Республики. Скончался от сердечного приступа. Урна с прахом Каменева с воинскими почестями была захоронена в Кремлевской стене, где хранилась до 1939 г., когда он "посмертно" был обвинен в участии в "военно-фашистском заговоре".

³⁷ в 1920 г. – командующий стоящей возле Львова 3-й польской армии, в 1939 г. – верховный главнокомандующий Польши

³⁸ На самом деле, корпусная немецкая пушка К-18 поражала наши Т-34 и КВ с расстояния около километра. Этими орудиями был оснащен каждый немецкий полк, также в немецких частях были и вполне пригодные для борьбы с советскими танками 50-мм ПАК-38 и 88-мм зенитные пушки с возможностью стрельбы по наземным целям (ИСАЕВ).

превентивного удара по СССР. Гитлера советские действия должны были не настораживать – забавлять. А кто у нас самый забавный?

Так что выбор Кулика в качестве инициатора программы модернизации артиллерии был предопределен. Вызвал я его к себе, намекнул ему о каких-то данных разведки: дескать, немецкая армия в ускоренном темпе перевооружается танками со ста миллиметровыми пушками, с броней увеличенной толщины и повышенного качества – что первым в голову пришло, то и сказал. В общем, воодушевил маршала...

И воодушевленный Кулик все это пересказывал другим, говорил с умным видом, что против таких немецких танков вся наша артиллерия калибров сорока пяти – семидесяти шести миллиметров будет неэффективной. И предложил (от себя, конечно) снять "устаревшие" пушки с производства и начать выпуск ста семи миллиметровых, в танковом варианте в первую очередь. А когда ему стали возражать – данные разведки были у всех (в части касающейся, конечно) – стал ссылаться на Сталина. Но ему, конечно, не все верили, мол, Сталин тут не причем. Особо активным в этом споре был Ванников.³⁹

Имел право спорить, он – нарком, а Кулик – всего лишь замнаркома. Посему Ванников мог себе позволить публично сомневаться в истинности сведений начальника главного артиллерийского управления РККА о том, что немцы смогли обеспечить "*такой большой скачок в усилении танковой техники*".

Умный, конечно.... Только почему не учел, что Кулик ничего от себя в принципе говорить не может? Хотя, глупость нести каждый способен, может, потому и принял он эту глупость за инициативу самого маршала», – Сталин слегка повел плечами и стал вспоминать, как мешал ему нарком в реализации намеченного.

Пришлось его вызвать в начале 41-го, показать докладную записку Кулика (тот за любое дело брался с бульдожьей хваткой, да и писучий был, за что и держали), внимательно (для вида) выслушать его возражения и, опять же для вида, создать комиссию во главе с Ждановым – тот как раз в его кабинет вошел. Мол, "*ты у нас главный артиллерист, вот и возглавь комиссию*". Жданов тогда еще сказал: "*Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы*". А сам Сталин в конце разговора бросил: "*107-миллиметровая пушка – хорошая пушка...*"

«Жданов все правильно организовал, на его комиссии говорили только военные: сам Кулик и те, кого он с собой приводил – Ванникову сотоварищи просто затыкали рот. Но он все равно продолжал упорствовать, тот же Жданов на него постоянно жаловался.

Опять пришлось Ванникова к себе на ковер вызывать, но он и там сопротивлялся, замолчал лишь тогда, когда ему было показано постановление Совнаркома. Хоть здесь хватило ума остановиться, понять, что решение окончательное.

Попил моей кровушки... И я сорвался – посадил по первому же поводу. Две недели назад...»

Сталин улыбнулся – «уж больно повод был смешной, анекдотический даже. Вызвали Ванникова на коллегия Наркомата госконтроля: не по его вопросу – по вопросу наркомата боеприпасов. Однако и к его – смежному – ведомству претензии были. Мехлис⁴⁰ ему их предъявляет, а тот сидит себе такой довольный, улыбается. И говорит своему соседу⁴¹ (шепчет, конечно, но довольно громко – председательствующему слышно): мол, "*имей в виду, Ваня: еврей еврей, как и ворон ворону, глаз не выключает*". А Мехлис – он не просто еврей, он – свой еврей (а, может, и в самом деле "интернационалист", потому и не поменял фамилию): позвонил товарищу Сталин и повез собеседников к нему, на Новую площадь.»

³⁹ Ванников Борис Львович (1897-1962), с января 1939 г. по июнь 1941 г. – нарком вооружения

⁴⁰ МЕХЛИС Лев Захарович (1889-1953), до июня 1941 г. –нарком Госконтроля

⁴¹ Ивану Владимировичу КОВАЛЕВУ (1901-93), тогда – замнаркому Госконтроля (именно он рассказал эту историю КУМАНЕВУ)

В сталинском кабинете нарком уже не хорохорился: де, спасибо Госконтролю, наркомат, мол, примет немедленные меры.... Сталин его прервал и потребовал повторить "шуточку". Тот повторил, а вождь в ответ спокойно так: *"Сейчас, когда советскому народу угрожает величайшая военная опасность, за подобные высказывания некоторые могли бы оказаться в тюрьме. Можете идти, мы с товарищами займемся другими делами"*. Нарком, выходя из кабинета, не знал, что в приемной его уже ждут не очень приветливые люди, а у подъезда стоит автомобиль совсем другой ведомственной принадлежности.

«Попал под раздачу, бедолага....»

С седьмого июня сидит. Выпустить, что ли? Что б пушки "устаревшие" выпускал – не до новых сейчас? Сейчас и старые сгодятся, нет ведь у Гитлера новых танков, – Сталин остановился на секунду-другую и пробурчал – Молодой⁴² справится. А этот пусть посидит, подумает. Да и товарищу Сталину подумать не помешает.

В самом деле, для чего все это было? Все эти игры с Куликом, да и не только с Куликом? Все эти пушки сто седьмого калибра, бетонные аэродромы на "новых" территориях? Для того, чтобы Гитлер мог быть уверенным, что мы на него (по крайней мере в ближайший год) нападать не собираемся? Или чтобы в этом не сомневались наши потомки: им то должно быть очевидно, что перевооружение и нападение – две вещи несовместные? Нет, в сорок втором все бы это пригодило, но в сорок первом все это не просто ненужно – вредно. Дать пушки дивизиям, воюющим или формируемым, мы не можем: новых еще нет, а старые уже не производятся. Летчики не могут перелететь на запасные аэродромы, на их месте – котлованы. При такой ситуации и потомков может не быть – некому будет анализировать.

Это Гитлеру и его генералам от моих решений – радость одна. Нет перед ними ни одной полноценной дивизии – все в стадии формирования; нет у этих дивизий авиационной поддержки – неоткуда взлетать нашим самолетам. А то, что солдат и техники у нас не меньше, да и техника лучше (хоть в это то можно верить?!), что толку? Будут сами на нашей технике с нами бороться.

Речь Гитлера и речь Молотова. Молчание Сталина и слова Черчилля.

А что до нашей невинности, то ему на нее плевать. И те, кто захочет (или кому будет выгодно), тоже наплюют. Благо есть на что сослаться», – Сталин все же взял один листок со стола, перевод радиообращения Гитлера:

"Германский народ, национал-социалисты, После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью. Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего договора о дружбе. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе, В течение ряда недель непрерывные нарушения этой границы. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки.

Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Принимая на себя тяжелые обстоятельства, я служу делу мира в этом районе, обеспечивая безопасность Европы и защиту всех стран Европейского континента. Сегодня я решил

⁴² 32-хлетний Дмитрий Федорович УСТИНОВ (1908-84) был назначен на пост наркома вооружения 9 июня 1941 г.

передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе."

«Не поможет тебе бог, сука. И слов ты внятных не нашел, хоть было у тебя время: ложь, да что-то про жидов (кстати, почему у нас переводят: "евреи"? "Жида" словарному запасу фюрера как-то более соответствуют. Дать указание, что ли? Нет, нельзя, неправильно поймут...). Пробубнил ты что-то по-наполеоновски несуразное. Тот свое корсиканское – "*рок влечет Россию*", а ты – свое, фашистское, про иудеев-поджигателей, да жидов-большевиков. У меня слова найдутся, но не сейчас, дай срок».

Сталин вдруг вспомнил: «А ведь у Александра времени тоже не было, но он нашел слова. Ведь также не оратор, да и царь – так себе, но отрывок из его речи до сих пор поминают. Добрым словом поминают: "*Солдаты! Вы защищаете Отечество, веру и свободу*". Сейчас все по-другому: и вера у всех разная, да и слово "свобода" приобрело новые смыслы. При Александре свобода – свобода от иноземного владычества, сейчас же все больше права да воля.

Хотя и прежний смысл остался, может помочь. И у других слов остался прежний смысл, вот и вставил я в речь, что прочел Молотов, "*отечественную войну*". И про Наполеона тоже вставил. И три последние фразы: "*Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами*." А остальное – плод коллективного творчества, с миру по нитке – нищему рубашка. И нищим этим я назначил Молотов, хотя понимал: мою речь ждали.

Как это у Пушкина:

"Будь молчалив; не должен царский голос

На воздухе теряться по-пустому;

Как звон святой, он должен лишь вещать

Велику скорбь или великий праздник."

Что ж ты не вещал "*велику скорбь*"? "*Великого праздника*" ждешь?»

Сталин вспомнил, что сказал Молотову, вернувшемуся с записи речи – мол, "*видишь, как хорошо получилось, что выступал именно ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступить, будет еще время и повод*".

«Объяснил, в общем. Точнее: извинился перед соратником – что тут объяснять. Да будь на руках вся информация, ее все равно в речи не используешь, только панику посеешь. А она и так есть, паника.

Будет еще время и повод, – Сталин медленно повторил свои слова. – Только время будет не лучше, да и повод помрачнее. Врать придется, изворачиваться. Говорить о потерях противника умалчивая о своих. Может, лучше вчера было бы выступить – да хоть с той же речью? А потом, как "повод" будет, отправить к микрофону Молотова?». Сталин встал с кресла, сделал несколько шагов на затекших от трехчасового сидения ногах, встряхнулся и подвел черту:

«Нет. Не царское это дело – оправдываться. А оправдаться было нужно – потому Молотов. Кто угодно – но не ты. Ты "вещать" начнешь, когда найдешь правильные слова. Пусть лживые, но – нужные народу. Или – когда не найдешь, но деваться будет некуда. Сейчас еще есть время. И, в конце концов, не так уж все и безнадежно. Может быть, все это – временные трудности. Лиха беда начало, не боги горшки обжигают и т.д., и т.п....»

Сталин вспомнил, что вчера, при принятии решения о создании Ставки Главного командования,⁴³ все собравшиеся в его кабинете предлагали возглавить этот "*чрезвычайный*" орган именно ему. Но он отказался, предложил Тимошенко.

«Нет, ты просто боишься ответственности. Не в словах дело... Ты просто не знаешь что делать. А слова...

⁴³ Таково было первоначальное (до 10 июля 1941 г.) название Ставки Верховного Главнокомандования

Но ведь Черчилль нашел, что сказать.» Сталин взял листок со вчерашней речью британского премьера и медленно прочитал:

"Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмиренными и связанными по рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу. ...

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий..."

«Может, он свою речь давно подготовил? Не в спешке, не за несколько часов? Может он знал об этой дате заранее? Может быть...

А ведь он пытался тебе об этой войне сообщить. В собственноручно написанном письме, странном письме, личном каком-то. Из нескольких строчек:

"Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов."

Он получил это письмо 23 апреля, с двадцатидневной задержкой: «Бардак все же в этой хваленой Англии. Сколько бы дней прожил тот, что посмел хоть на минуту задержать вручение личного послания товарища Сталина? А у них подобное – абсолютно нормальное дело: какой-то вшивый посол решил, что раз он сам чего-то такое недавно написал, то зачем повторяться? И зачем об этом докладывать начальству, он сам – начальство, целый сэр⁴⁴...»

Разведка незадолго до войны доложила ему о странных перипетиях с вручением письма английского коллеги. Он читал донесение, улыбался, в принципе ему это было уже не столь интересно, забавно, разве что. А тогда, в конце апреля, ему было не до улыбок. В самом деле, дней за двадцать до получения этой бумаги Вышинский⁴⁵ проинформировал его о пространной ноте английского посла, содержащей кучу претензий к политике СССР на Балканах и стандартные призывы "проводить энергичную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам оси" – обычная писулька, можно было и не докладывать. А тут – нечто конкретное, деловое, личное, к тому же. И актуальное: за день до получения письма советский посол в Германии подал немцам официальную жалобу на нарушения границы СССР германскими самолетами. 80 нарушений за 20 дней...

Потому он и дал приказ разведке разобраться с этим письмом. А когда разведка доложила (не по существу, отметил он сейчас, не про описанные Черчиллем немецкие танковые дивизии, а про перипетии с самим посланием), ему этот доклад был не нужен. Он уже все оценил, проанализировал и решил: у Британии все настолько плохо, что даже ее лидер готов выступить в роли провокатора.

⁴⁴ сэр Ричард Стаффорд КРИППС (1889-1952), с мая 40-го по январь 42-го – посол Британии в СССР

⁴⁵ ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883-1954), первый зам. наркома иностранных дел СССР (1940 – 46)

«А сейчас у Британии все хорошо. Можно даже с гордостью про английские "рубцы" на немецких самолетах вставить – знай наших! Знаем – только рубцы и можете наносить. Сбивать надо, жечь!»

Но, признайся, и у нас не так уж плохо. По крайней мере, мы не одни. А ведь ты еще вчера не верил, что Англия нас поддержит, тому же Молотову перед тем, как выпустить его "в народ", сказал: мол, Гесс⁴⁶ скорее всего договорился с Черчиллем хотя бы о том, что он не будет предпринимать активных военных действий на Западе. Но *"Англия – это еще не все"*, мол *"найдутся и другие союзники"*... Ошибся... А, может, и не ошибся. Ну, сказал Черчилль свою речь – что с того? Речами войны не выиграются и "рубцами" тоже. А вот чужими руками... В два этапа – если мы проиграем, или в один – если Гитлер проиграет нам. С собственным участием (посильным, естественно, зачем ради русских задницу рвать), или без такового. Нет в его речи ничего конкретного: *"мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем"* конкретным обязательством не назовешь.

И врагом нашим он остался, даже не скрывает этого:

"Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем."

Начало речи, первый абзац... Сразу взял быка за рога. А накануне (как мне вчера сообщили), сказал при многих свидетелях: *"Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин."*

Так что и о тебе он будет "благожелательно отзываться". То есть про то, что ты "крокодил", не скажет, а вот про *"образцовый интеллект"* упомянуть не забудет. А также про то, что бои в России – лишь важные эпизоды великой битвы за Британию:

Гитлер *"хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления."*

Его вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последнего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара."

Но хоть "свободными" нас назвал, и на том спасибо. И за слова *"не станет договариваться, никогда не вступит в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки."* Это важно, все же публично сказано, даже с уточнением – *"с кем-либо"*.... Опять же, по просьбе Майского⁴⁷ сказано: заранее показал свою речь нашему послу английский премьер и советами его не побрезговал. Свои слова обратно не возьмет, но наши – вставит.

⁴⁶ заместитель Гитлера по партии, совершивший 10 мая 1941 г. перелет в Англию, Там он был интернирован, но подробности его пребывания в Британии неизвестны до сих пор. Так же до сих пор вызывает вопросы и его смерть в тюрьме Шпандау в 1987 г. (официальная версия – самоубийство).

⁴⁷ МАЙСКИЙ Иван Михайлович (1884-1975), в 1932-43 – посол СССР в Великобритании

Так что ты к нему несправедлив. Вот, читай: "Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии". Тебе это ничего не напоминает? Его двухлетней давности речь в парламенте? Его "теперь нет вопроса о правом или левом; есть вопрос о правом и виноватом"? Тогда тебе эта фраза очень понравилась. Ты даже подумал: будь у них премьером Черчилль, все было бы по-другому. А он лишь депутатом тогда был, бесперспективным к тому же, все достижения и посты – в прошлом. А премьером был Чемберлен, тот еще фрукт.»

Поиск союзников: Англия и Франция (1938-39 г.г.). Две попытки, переговоры, тупик

Сталин вспомнил весну 38-го года. Когда после присоединения Австрии к Германии Литвинов⁴⁸ (по согласованию с ним, конечно) сказал на встрече с представителями прессы: советское правительство "готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны...". В тот же день это заявление было официально передано властям Великобритании, Франции, Чехословакии и даже США. С сопроводительной нотой в придачу: мол, это не личное мнение наркома, это – "позиция Советского правительства в отношении актуальных международных проблем".

«А нота – не интервью, на ноту полагается отвечать. И англичане ответили, столь же быстро, сколь и мутно: мол, мы приветствовали бы созыв конференции по разрешению европейских проблем, но раз не все страны захотят в ней участвовать, "она не обязательно окажет благоприятное воздействие на перспективы европейского мира". Однако, разглядеть позицию Британии и через эту муть было несложно: раз им "коллективные действия" против агрессии не представляются необходимыми, то и конференцию эту "не представляется возможным организовать". Будь иначе, мы бы ее "тепло приветствовали". Тепло... "Ибо не холоден ты и не горяч, а тепел, и выблюю я тебя", – примерно так в Апокалипсисе.⁴⁹ Но не время было следовать этому совету, хотя блевать, конечно, хотелось. И не в ведро – на них. На Галифакса⁵⁰ прежде всего.

Этот лорд и граф за несколько месяцев до нашей ноты встречался с бывшим ефрейтором и весьма одобрительно отнесся к словам фюрера: дескать, "два *реалистических* народа, германский и английский, не должны поддаваться влиянию страха перед катастрофой. Всегда говорят, что если не произойдет того или другого, то Европа пойдет навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм".

Одобрительно... Так одобрительно, что убедил и Чемберлена (ну, того, наверное, и убеждать не нужно было), и Даладьё⁵¹ в необходимости Германо-Британского "реализма". И когда Гитлер стал активно требовать решения Судетского вопроса, француз не стал вспоминать об обязательствах своей страны перед Чехословакией. Напротив, выступил вместе с англичанином с совместным обращением к чехам – мол, вступайте с немцами в переговоры.

Чехи какое-то время потрепыхались, даже к нам обращались (имели право, был у нас с ними договор о взаимной помощи⁵²) – их Бенеш⁵³ лично с нашим послом общался. Мы на

⁴⁸ Максим ЛИТВИНОВ (1876-1951), с июля 30-го. по май 39-го – нарком иностранных дел.

⁴⁹ каноническая версия: "Как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих"

⁵⁰ граф ГАЛИФАКС, он же – лорд Эдвард ВУД (1881-1959), в 1937 г. – лорд-председатель Совета (второе лицо правительства), в 1938-1940 г.г. – министр иностранных дел Великобритании. В 40-м, на момент отставки Чемберлена, именно он (не Черчилль) был главным кандидатом на пост премьера.

⁵¹ Эдуар Даладьё (1884-1970), премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938-40.

⁵² от 16 мая 1935 г.

⁵³ Эдвард БЕНЕШ (1884-1948) – президент Чехословакии в 1935-38 г.г. и в 1945-48г.г. (в 1940-45 г.г. – президент в

все его вопросы не просто дали положительный ответ: мы с полсотни наших дивизий в боевую готовность привели – Литвинов в Лиге наций публично обо всем этом сообщил. Хорошо, кстати выступил, красиво, как теперь можно сказать – пророчески:

"Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения appetitов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе пакта Лиги наций".

Нас уговаривать не пришлось, а вот французов чехи не уговорили. Все было наоборот: в день, когда наш нарком вещал с женеvской трибуны, французы (вместе с англичанами, конечно) уговорили чехов отдать немцам свои Судеты. Мол, *"французское правительство считает, что, отвергая предложения, Чехословакия берет на себя риск войны."* То есть, не настаивайте на своей позиции и *"подумайте о способе, как принять англо-французское предложение, что является единственной возможностью предотвратить непосредственную агрессию Германии"*. Англо-французское предложение.... То есть повторение немецкого: отдать Гитлеру все территории, где немцы составляют больше половины населения, но – с сохранением гарантий обрeзанной Антанты обрeзанному союзнику. Обрeзанному по живому – именно в Судетах находилась линия чехословацкой обороны. Мощная линия – ничуть не хуже линии Маннергейма. А за линией и на линии – два десятка прекрасно вооруженных дивизий. Но в них, увы, служили не финны – чехи. Как там у Маяковского:

*"Нежен чех, нежнее чем овечка,
Нету средь славян нежнее человека.
Дуют пивечко из славных кружечек,
И все уменьшительно – пивечко, млечко..."*

Могли бы и без посторонней помощи постоять за родину, но предпочли дуть пивечко. Или млечко. Возможно, этот Бенеш и не виноват вовсе в сдаче без боя своей страны – просто понимал, что не создан его народ для войн. А, скорее, просто не подготовлен властями (тем же Бенешем, в том числе) к самостоятельной борьбе: не говорили власти народу, что если никто ему на помощь не придет, то разберемся с немцами и без посторонних. Но власти верили союзникам и получили сполна за свою веру.... Словами Черчилля: *"если бы чехов предоставили самим себе, если бы им сказали, что они не получают помощи от западных держав, они могли бы добиться лучших условий, чем те, которые они получили"*. Сразу после Мюнхена произнесены – с парламентской трибуны. Так что есть в Англии приличные люди.... Не только Черчилль, их военно-морской министр⁵⁴, например, протестуя против сговора с Гитлером, ушел в отставку, сказав напоследок в том же парламенте: *"Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он, лучше понимает язык бронированного кулака..."* А Черчилль добавил: *"западным демократиям вынесен ужасный приговор: тебя взвесили и нашли легковесным"*.

Бенеш, кстати, в знак протеста тоже в отставку ушел. Выполнил мюнхенское решение своих старших товарищей и – ушел. Что б в сороковом вернуться на прежний пост, но не в свою страну – ее уж два года как не было. Наверное, вскоре придется признать его "правительство в изгнании", да и польское⁵⁵, кстати: надо ж нам сделать хоть что-то приятное новому союзнику – Британии.

А тогда, при Чемберлене, Британия напрашивалась в союзники не нам – Рейху. В том же Мюнхене подписал сей Нэвилл с Гитлером целую декларацию: мол, все вопросы отныне они будут решать мирно, консультируясь друг с другом по любому поводу. И этой филькиной грамотой он от всей души размахивал по возвращении из Германии: смотрите, *"я принес мир для*

изгнании)

⁵⁴ Дафф КУПЕР

⁵⁵ Чехословацкое и польское правительства в изгнании были признаны в июле 1941 г. (18 и 30 соответственно), подробно об этом в главе "40-я ночь..."

нашего поколения"! Что, должно быть, раздражало Даладье: не уважил его Гитлер – предпочел британца французу. Но не долго длилось это раздражение: в декабре тридцать восьмого и про него вспомнили, подписали с ним такую же декларацию. Небось радовался, настолько радовался, что не заметил, как в промежутке между подписанием этих деклараций Гитлер натравил на Чехословакию своих (или почти своих) шакалов – Польшу с Венгрией. Небось, с его подачи стали они предъявлять претензии чехословацкому обрубку: мол, чем мы немцев хуже, отдайте нам заселенные нашими братьями территории. И, не дождавшись ответа, ввели на эти территории свои войска. Сперва польские, затем – венгерские.

Ну ладно, нас это особо не касалось, но в тридцать девятом началось нечто новое, нам не безразличное.... Разговоры про Закарпатскую Украину. Как публичные, так и приватные. Некий близкий к Чемберлену сэр⁵⁶ сообщил нашему Майскому: Гитлер покушается на ваши территории. Мол, договаривается он сейчас с Польшей, чтобы та дала автономию украинским территориям, а после стала бы требовать от СССР (вместе с Германией, конечно), чтобы к этой автономии была присоединена и советская Украина. Мол, вы ж согласны с правом наций на самоопределение, так вам и карты в руки. Точнее – карта, чехословацкая карта. Именно игральная, не географическая, с географией в этих рассуждениях наблюдалась полная неувязка.

Но неувязка – неувязкой, а престиж – престижем. Государственный престиж. Пришлось мне лично на XVIII съезде выступать, аж в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) эту тему затронуть. До сих пор могу слово в слово повторить свои мартовские слова:

"Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований..."

Нет, Гитлер может и вынашивал какие-то планы в отношении Закарпатской Украины, велись в Германии подобные разговоры, но вряд ли эти планы напрямую были направлены против нас. Скорее всего, ему нужен был дополнительный повод для нападения на ту же Польшу. Эдакий политический штришок – мол, мы не только требуем отдать Рейху заселенный немцами Данциг, мы и о других нациях думаем. Опять же: зачем думать, разрабатывать какой-то польский вариант захвата Польши – вполне сгодится и чехословацкий.

При этом и англичане относительно этих планов могли вполне добросовестно заблуждаться. Читали же они «Майн кампф», запомнили небось, что *"жизненное пространство» для Германии может быть найдено только в экспансии на Восток, а экспансия на Восток означает, что рано или поздно весьма вероятно столкновение между Германией и Россией".*»

Что ж, он тоже читал эту книжку. Читал и перечитывал. И все важное запомнил. В том числе и это:

"Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены."

«И то, что далее следовало, не забыл:

"Для нашей политики мы сможем найти в Европе только одного союзника: Англию. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход."

⁵⁶ сэр Горацио ВИЛЬСОН, главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности

Но к марту тридцать девятого всем было уже не до цитат из гитлеровского опуса, да и не до Закарпатья. Начались волнения в Словакии, парламент этой автономии объявил Словакию самостоятельной, и пятнадцатого марта для защиты живущих уже на чешских землях "несчастных немцев" гитлеровские войска вошли в Прагу. Всем было понятно: конфликт был создан Германией, опирающейся на этих самых "несчастных" (полмиллиона человек, вооруженных в том числе. Кстати, в Поволжье их не меньше, одно радует – не вооруженных. Пока не вооруженных, а там.... Не забыть!).

Всем понятно, но – не Чемберлену. Тот все воспринял по другому, сугубо официально. И официально же заявил:

"Словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство его величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством".

Гитлеру это заявление, наверное, понравилось. По крайней мере, выводы он сделал верные: практически тут же его правительство потребовало от Литвы Мемельской области. А через три дня и получило – при полном молчании гарантов литовской территориальной целостности. То есть англичан и французов. Нет, без свидетелей они очень даже возмущались: только не немцами – литовцами. Когда те заикнулись о старых гарантиях, британский посол в Литве аж разгневаться соизволил. И вошла германская армия в бывший Клайпедский край, красиво вошла – вместе со своим фюрером. По морю аки по суку пришел, сука, весенним днем⁵⁷, на большом линкоре.

Но англичан с французами все это не смутило, они продолжали давать гарантии, на этот раз наступил черед Польши, затем – Греции и Румынии⁵⁸.

Зачем давали? Сейчас это сложный вопрос, без ответа. Ведь Гитлер уже начал решать "польский вопрос" по "чешскому" сценарию, одно слово поменяв: Судеты на Данциг. Не могут же они и в тридцать девятом пойти по старой схеме, добиваться согласия Польши на обрезание? Забыть, что поляки – не чехи, поляки – люди с гонором. Как и англичане – превращать некогда первую в мире державу в последнюю публичную девку мало кому из них хотелось. По крайней мере, публично.

Зачем они снова давали гарантии? Невозможно понять это сейчас, в сорок первом, а в тридцать девятом все казалось очевидным: Чемберлен с Даладье наконец-то осознали всю реалистичность замыслов "Майн Кампф" и решились на нечто более серьезное, чем дача пустых обещаний. Или вспомнили, наконец, в той же Англии, что не Англия она – Британская Империя; не крохотные островки на северо-западе Европы – четверть земной суши, где живет под четыреста пятьдесят миллионов человек.»

И он подумал: наконец-то появляются реальные шансы на обретение союзников в предстоящей войне с Гитлером. Тогда, два года назад, он ни на секунду не сомневался в предстоящей войне, и все его предпочтения в выборе союзников были на стороне Англии и Франции. Он шел им во всем навстречу, а они брезгливо от него отворачивались;

«Особенно Англия, французы вели себя вполне по-французски: вежливо, гордо и трусливо. Как французский бульдог: внешность – бульдожья, характер – болонки. Может облаять, но драться... Забавно, а ведь породу эту англичане вывели, они же и название ей дали. Понимают национальный характер соседей: по виду – англичане, только помельче и без бойцовских качеств. Результат наполеоновских войн, где "гвардия умирала, но не сдавалась". Новые поколения французов рождались, прямо скажем, не от "гвардейцев". И воспитывались не в "гвардейском" духе. Экзистенциалисты, мать их...

⁵⁷ 23 марта 1939 г.

⁵⁸ к 19 апреля 1939 г. все эти три страны получили гарантии от Франции и Англии

Вон, в тридцать пятом французы даже захотели пакт с нами заключить – о взаимной помощи в случае возникновения агрессии. Три дня в Москве торчал их министр иностранных дел, мы его, подонка⁵⁹, радушно принимали, на разные темы говорили.... Действительно на разные: Лаваль попытался заступиться за русских католиков – мол это поможет ему в делах с Римским папой. А товарищ Сталин ему в ответ: "*Папа. А у него сколько дивизий?*". Полудурок, принял юмор за чистую монету! Нет, почему меня держат за идиота? Как им в голову приходит, что богослов-большевик может не понимать значение религии – хотя бы как формы идеологии? Надо быть поосторожнее с шутками, а то сперва не поймут, а потом на голубом глазу всему миру расскажут. Как, собственно, этот Лаваль и сделал.

А вообще, зачем приезжал, зачем встречался?» Тот самый пакт Сталин был готов подписать хоть в первый день – пустая была бумага, но как почин вполне годилась. И на ратификацию ее сразу отправил – чего тянуть. Французы же, получив подписанный документ, в парламент его сразу не отдали, от обсуждения военного приложения к нему уклонились – целый год франко-советский договор так и оставался простой бумажкой⁶⁰. «Сам же Лаваль из Москвы уехал в Польшу, к врагам, можно сказать. И ладно – к врагам в конце концов, похороны Пилсудского – повод вполне приемлемый, но в Варшаве он общался не только с поляками – с Герингом. Приватно общался, без свидетелей. Но о чем общался мне очень скоро сообщили, по немецким, скажем так, каналам – сплошные гадости про СССР и его руководство.

Зачем приезжал? Лишь одно объяснение⁶¹ было у товарища Сталина: на самом деле французам было нужно лишь его официальное заявление с одобрением "*политики национальной обороны, проводимой Францией*". Они как раз затеяли и перевооружение, и призыв в армию на два года – вот и понадобилась им поддержка "Советов" (да, симпатии простого народа иностранных государств к СССР и его вождю – не только наша пропаганда). А когда его страна (то есть он, Сталин) сделала нужное им заявление, французские власти утратили к ней интерес. Зато мне интересно – прав я в своем анализе или нет? Или прав сам Лаваль, не стеснявшийся говорить при многих свидетелях: "*Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь большие преимущества, когда буду договариваться с Берлином*"?

А также непонятно, зачем была нужна французам их эта новая "*политика национальной обороны*" – ведь легли под немцев особо не сопротивляясь? Что, Париж стоит не только мессы, но и Франции? Испугались, что их столица будет разрушена немецкой авиацией, а потом изнасилована той самой (по Черчиллю) "*серой вымуштрованной массой свирепой гуннской солдатни*"? И решили сдать без боя, хотя бы для того, чтоб насильник был посимпатичней: не солдатня – "*щеголеватые прусские офицеры*". Таким и отдаться приятно, можно даже страсть изобразить. Лягушатники.... И лягушатницы.... Правильно о них в тридцать девятом Суриц⁶² говорил: "*Франция наших дней – это великая держава второго ранга, считающаяся великой державой больше по традиции... И – странно! – французы с этим как-то примирились*".

Англичане же вели себя по-другому. Вполне по-английски, со всей присущей им спесью и презрением. Держа своих собеседников за полных идиотов. Как всегда, как еще в восемнадцатом веке... Ведь знали отлично, что Павел претендовал на Мальту, любил наш странный император мальтийские игрушки. Но захватили сей островок сами, а Павлу сообщили: дескать, мы взяли Мальту, а ты – бери Корсику. Мы против этого совсем не возражаем. Тебе, кретину, должно быть, невдомек, что за свой островок Бонапарт кому угодно глотку перегрызет, тебе лишь нужно знать, что мы – не против. А он, царь, хоть действительно странным был, может даже и ненормальным, но не в такой же степени. И толкнули вы его не на завоевание Кор-

⁵⁹ Пьер ЛАВАЛЬ (1883-1945). С 1940 г., после разгрома Франции – активный деятель режима Виши. При де Голле по приговору парижского суда был расстрелян за государственную измену.

⁶⁰ Обмен ратификационными грамотами франко-советского договора состоялся 27 марта 1936 г.

⁶¹ так же объяснил цель визита Лавала и ЧЕРЧИЛЛЬ в своей "*Второй мировой войне*"

⁶² Яков Захарович СУРИЦ (1882-1952), в 1937-1940 г.г. – полпред СССР во Франции

сики, а на завоевание Индии. И в объятия Наполеона. Таков был последний приказ императора и последнее его письмо. Не убей его собственный сынок (при полной вашей поддержке, а, может, и по полной вашей инициативе), все было бы по-другому. Взбеленили вы царя, довели до ручки. И до смерти.

Это товарища Сталина убить совсем не просто. Ему о готовящемся покушении обязательно доложат. Кто бы это убийство ни готовил – пусть даже дочь любимая, не говоря уже о друзьях-товарищах. Которых, по правде, и нет вовсе.

И взбеленить его не просто. Он – терпеливый, если раньше терпел унижения от ленинских "соратничков", что ж сейчас не потерпеть от "посторонних"? Французы, хоть и лягушатники, а все ж есть у них национальная мудрость. Вот, поговорку придумали – "*предают свои*"! Чужой предать не может, на него даже обижаться не след.... Вот и терпел товарищ Сталин оскорбления-унижения от Англии-Франции, провокации всякие, но – до поры до времени...

Англичане начали свои издевательства в марте тридцать девятого. Тогда (кажется, восемнадцатого числа) англичане официально спросили "*может ли Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах?*" Литвинов им, естественно, отвечает: мол, а вы-то сами что делать в этом случае собираетесь? И, опять же, почему об этом вы спрашиваете, а не румыны? Но этим письмом Литвинов не ограничился, в тот же вечер вызвал к себе очередного "сэра" (или как там его величать?⁶³) и передал ему советское (то есть мое) предложение: "*немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции*"... Все заинтересованные стороны, даже Польшу включили – не было тогда у СССР общей границы с Румынией... Что ж, ответ был дан без проволочек, целый лорд и граф (не "сэр" какой-то), сам Галифакс, министр иностранных дел, на следующий день сообщил советскому полпреду что "*он уже консультировался с премьером по вопросу о предлагаемой Вами конференции, и они пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным*". То есть говно у вас на лаптях не обсохло аглицких аристократов учить. Нам, мол, ничьи советы не нужны, мы сами все подготовим.

И довольно быстро подготовили: уже через неделю (правда, не лорд, а тот самый "сэр") вручил Литвинову британский проект декларации четырех стран (почему-то без Румынии и Турции). И заявил еще при этом: "*декларация составлена в таких не обязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения*". И в самом деле, все обязательства сторон – совещаться друг с другом о "*шагах, которые должны быть приняты для общего сопротивления агрессии*". Пустота.... Но как почин.... Посему уже на следующий день мы официально приняли британское предложение. А в ответ – сперва молчание, ну а недели через две безапелляционное шипение: "*вопрос о декларации следует считать отпавшим*".

Зачем им все это было надо? Может, как тому же Лавалю, чтоб собственный народ был доволен? Тем, что британское правительство ведет переговоры с СССР, борется за мир, ну и все такое-прочее? Общественность должна радоваться – в особенности, если ее в детали не посвящать?

А детали такие – до сих пор вспоминать противно. Например, в середине апреля англичане с новой инициативой выступили: мол, не желаете ли сделать заявление – дескать, в случае агрессии против какой-либо европейской страны СССР окажет ей помощь.... Если та, конечно, этой помощью не побрезгует? Когда-то мы были жандармами Европы, а теперь мы кто – спасатели? Вы, как всегда, в стороне, а мы, как всегда, в боях? И, как всегда, бесплатно? Без ответных обязательств, хотя бы словесных? Нет, конечно, вы дали гарантии трем лимитрофам, но чего стоят ваши гарантии? И как вы можете их реализовать, не имея с той же Польшей общих

⁶³ Посла Великобритании в СССР Уильяма СИДСА (1882-1973), сэра, естественно

границ? Гарантии – ваши, а солдаты – наши? Даже Ллойд Джордж, вчерашний враг,⁶⁴ все это безобразие понимал и говорил об этом Майскому. Другими словами, конечно...

Достали... И семнадцатого апреля тридцать девятого правительствам Англии и Франции были официально, публично (с публикацией в их газетах) вручены мои предложения. Простые и ясные, как все, что выходит из-под моего пера: в случае агрессии в Европе против любого из подписавших пакт остальные его участники должны немедленно оказать ему помощь, военную, в том числе.

Но властям этих стран сей документ оказался ненужным. Особенно английским: французы уже окончательно легли под бриттов.... Должно быть, готовились к немецкой оккупации, привыкали к позе.

Одно радовало: хоть какая-то публичность при обсуждении – парламентские дебаты от людей не спрячешь. Выяснилось хотя бы, что у сталинского предложения есть аж два заметных (и постоянных) сторонника, они же – бывшие заметные (и постоянные) враги: Черчилль и Ллойд Джордж. Да, в их круг входил и Иден⁶⁵, но тот свою известность получил лишь в тридцатые (кстати, лично ты знаком только с ним: в тридцать пятом весьма мило побеседовали)...

Но парламент что – ширма. Реальные решения принимает правительство, а там у трехстороннего договора был лишь один сторонник, да и тот – "врач"⁶⁶. Остальные же смотрели на Чемберлена да Галифакса – им было на что смотреть.

Галифакс всегда считал нас эдаким недоразумением, он еще в марте тридцать девятого говорил: *"Если выбирать между Польшей и Советской Россией, то совершенно ясно, что Польша представляет большие ценности"*. Ценности этого лорда и ему самому вряд ли понятны, корчит из себя истового христианина, нас ненавидит по *"религиозным соображениям"* – сам об этом говорит на каждом шагу. Но куда его вера пропала, когда он с Гитлером общался? Например, в тридцать седьмом четко дал понять фюреру, что Британия не будет мешать ему в Восточной Европе – значит, в той же Польше. Когда стенограмму совещания мне разведка показала, я даже руками развел. Мало того, что подлец (ну тут ничего нового, именно он, служа вице-королем Индии, Махатму Ганди в тюрьму упек), так еще и дурак...

Вместе с Чемберленом. О глупости и полной бездарности британского премьера постоянно Майский докладывал – еще в бытность того министром финансов. Переговорщик – просто никакой, а если так считает простой полпред, то как его оценивает Гитлер? Ну, когда-то оценивал, сейчас ему, небось, не до Чемберлена. Да и тебе, по правде, тоже....»

Но Сталин не мог остановиться. «Нет, заявлять при куче свидетелей (при "враче", в том числе), что, *"ощущает серьезное недоверие к России и не уверен, что нуждается в помощи от этой страны"*. С такими ощущениями – да к психиатру... В итоге восьмого мая нам было предложено принять одностороннюю декларацию: мол, мы обязуемся в случае войны немедленно оказать содействие Польше и Румынии (а захотим – и Великобритании с Францией).

(Да, разозлили они меня. Но злость я сорвал не на них, чужих, а на своем, Литвинове – снял его с поста. Тот, правда, сам в отставку попросился, но это потому, что умный. Заметил, что когда Молотов назвал его политику в Англии и Франции *"политическим головоуятиством"*, я был на стороне Вячеслава, даже головой кивал – вот и попросился. Ия его по-хорошему снял, с формулировкой *"ввиду серьезного конфликта между председателем СНК тов. Молотовым и наркоминделом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому"*. Лаврентий до сих пор обращается за санкцией, но я ее не даю. И не дам:

⁶⁴ Дэвид ЛЛОЙД ДЖОРДЖ (1863-1945), в 1916 – 1922 г.г. – премьер-министр Великобритании, затем (до конца жизни) – депутат палаты общин.

⁶⁵ Энтони ИДЕН (1897-1977), в 1935—1938 и в 1940—1945 г.г. министр иностранных дел, в 1955—1957 г.г. – премьер-министр Великобритании

⁶⁶ Министр здравоохранения Вальтер ЭЛЛИОТ, состоял в приятельских отношениях с Бернардом ШОУ, а через него – с нашим полпредом Иваном МАЙСКИМ.

Максим мало того, что приятель – он еще и умный. Дурак бы не стал говорить правду, что англичане нас пошлют с нашими предложениями куда подальше, он бы тянул до последнего. А тот сообщил свой неутешительный прогноз – да еще в абсолютно утвердительной форме – дней за пять до английского отказа. Потому живой, не судимый, даже не подсудный. Скоро понадобится.

Но не на прежнем посту, занят пост. Даже удивительно: Молотов вполне даже профессиональный дипломат оказался. Хотя, конечно, наш ответ на их ответ готовил не Вячеслав, но он его озвучивал. И все эти официальные *"принципы взаимности"*, *"взаимные гарантии"*, *"действенная взаимопомощь"* у него от зубов отскакивали. А когда Германию посещал, даже новую дипломатическую формулировку выдумал. Его спрашивают, согласен ли он с речью фюрера, а он в ответ: *"согласен со всем, что я понял"*. Наш советский Меттерних. Или Талейран – но не предатель. Как про таких Черчилль – *"их мало, но они преданны"*. Я бы добавил *"лично преданны"*. Правда, Молотов конечно не Бисмарк, тот – *"железный"*, а этот – *"каменный"*⁶⁷. Но и не его это роль – принимать решения, он должен их мне предлагать, а потом – озвучивать. Но жестко: по-сталински – не по-литвиновски....

От наших предложений провести переговоры на тему *"эквивалентной помощи"* англичане напрямую не отказались, но поиздевались вдоволь (Небось, удивились ультимативному тону нашей ответной ноты: или тройственный пакт взаимопомощи, или крах переговоров. А крах им был не нужен, как после краха гарантии лимитрофам реализовывать?).

Сперва больше двух недель тянули с ответом. Потом⁶⁸ все же снизили, предложили свой вариант пакта взаимопомощи. Мы через неделю – свой. Надо обсуждать. Но на встречу с Молотовым (главой Правительства!), был послан не Галифакс, а некий чинуша из Форин-офис⁶⁹. Отправлять в Москву министра *"было бы унижительно для нас"*, объяснил Чемберлен своим подчиненным. Хорошо хоть, не публично: пришлось бы официально обидеться. Нет, с Гитлером им общаться не унижительно, а вот со Сталиным....

Хотя бы Идена послали (он предлагал свои услуги), но не свой для них Иден. Тем более что Иден приехал бы с целью заключить пакт, а не с целью затянуть переговоры. Тут нужен свой, опять же, не политик – чиновник.

А пакт они заключать не хотели. В общем, это было и в мае понятно, но в июле Майский нашел и доказательство – фразу Чемберлена *"я все еще не потерял надежды, что мне удастся избежать подписания этого несчастного пакта"*. Сказал он это приватно, по-дружески, какому-то министру⁷⁰, а тот проболтался. Они же все болтливы, демократы непуганые.

Но мы, тем не менее, своей надежды на пакт не потеряли. Да и Майский время не терял, опять же, и Вячеслав с аглицким послом и чинушей этим поработал – к июлю почти все расхождения в проектах были сняты. Правда, им не пакт был нужен, как тот же Гамильтон в июле говорил: *"Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией"*. Понимал, чем все может закончиться.... А мы, понимая его понимание, понимали и другое: никуда англичане от нас не денутся. И хотя бы из страха перед возможностью нашего пакта с Гитлером заключат пакт с нами. Пусть, ограниченный", но не беда: начнем с ограниченного, а там дойдем и до полного. Как там по латыни: *"капля дробит камень не силой падения, а частым попаданием"*⁷¹?

Жаль, капли эти было направлять не на кого. Хотя и пошли бритты навстречу в главном нашем предложении – заключить пакт одновременно с подкрепляющей его военной конвен-

⁶⁷ Одно из прозвищ Молотова, прилипшее к нему еще до революции, – каменная задница.

⁶⁸ 25 мая, то есть через два с половиной месяца после первой советской ноты

⁶⁹ Заведующий центрально-европейским департаментом британского МИДа Вильям СТРЕНГ.

⁷⁰ Министру авиации маршалу Кингсли ВУДУ

⁷¹ *"Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo"* (цитата из Овидия, тогда – общеизвестная)

цией (пусть и секретной в некоторых положениях), но кого они нам прислали для ведения переговоров? Не министра, не заместителя министра: их делегацию возглавил человек, отвечающий за городскую гауптвахту, да за организацию патрулей в этом городе⁷²... Майский о нем ни слова сообщить не мог, поскольку даже имени его не слышал. Все, что сумел нам доложить полпред (не сразу, причем), так это то, что сей старичок "близок ко двору", а также, что "саботаж тройственного пакта продолжается".

Но это мы и без него знали – в том числе потому, что делегация эта (вместе с французской, состоящей тоже не пойми из кого) прибыла к нам лишь через десять дней после ее создания. А мы их – честь по не чести (или по нечисти), официальные приемы по первому разряду (лучше бы по первой категории), состав нашей делегации – выше некуда, там и нарком, и начальник Генштаба... Весь синклит, двумя словами. А у этих нет даже официальных полномочий на заключение конвенции. У французов хоть права на ведение переговоров наличествовали, у англичан же вообще никакой бумажки не было. Но мы с ними все равно общались (аж семь заседаний провели!), и статус своей делегации не понизили – тот же Ворошилов с Шапошниковым на них свое время теряли... До двадцать первого августа – в этот день Клим сделал заявление о "перерыве" в переговорах. По указанию товарища Сталина.... Да и не будь товарища Сталина, решение было бы тем же:

"...делегации Великобритании и Франции представляли довольно плачевную фигуру. "Вы видите этих господ? – говорили хозяевам Кремля агенты Германии: если мы с вами разделим Польшу, они не посмеют шевельнуть пальцем". Подписывая соглашение, Сталин мог, в своей ограниченности, надеяться, что большой войны вообще не будет. Во всяком случае он покупал для себя возможность уклониться от участия в войне на ближайший период. А дальше "ближайшего периода" сейчас не думает никто."

Иудушкины слова. Смесь гадостей в мой адрес с признанием правоты обгаженного. И это не единственное, что Троцкий по этому поводу сказал, в целом верно сказал:

*"Было бы, в самом деле, слишком наивно думать, что сотрудничество Сталина с Гитлером основано на взаимном доверии: эти господа слишком хорошо друг друга понимают. Во время переговоров в Москве летом прошлого года германская опасность могла и должна была казаться не только вполне реальной, но и совершенно непосредственной. Не без влияния Риббентропа в Кремле, как сказано, предполагали, что Англия и Франция останутся неподвижны перед совершившимся фактом разгрома Польши, и что у Гитлера руки могут оказаться развязанными для дальнейшего движения на Восток. В этих условиях вопрос о союзе с Германией естественно дополнялся вопросом о материальных гарантиях – против союзника. Весьма вероятно, что инициатива в этой области принадлежала динамическому партнеру, т. е. Гитлеру, который предложил **осторожному и медлительному Сталину** взять самому "гарантии" вооруженной рукой."*

"Осторожный и медлительный Сталин"... Осторожный и несуетливый – так будет правильной. И этот Сталин, настоящий Сталин, внимательно оценив все "за" и "против", принял взвешенное и единственно возможное решение – пойти на мир с Гитлером. Что-то типа "брестского мира", но не столь похабного (или "похабнейшего" – если ленинскими словами). Напротив, совсем не унижительного, очень даже выгодного. Мир лучше не Брестского – Тильзитского: как и в 1807 получаем новые территории (тогда – Финляндию и Бессарабию, теперь – часть Польши и Прибалтику), а за это лишь обязуемся не нападать на нового басурманина. Никакого военного союза, никакой блокады враждебных не нам государств – всего лишь дружественный нейтралитет. И никаких уговоров: сами все предложили, сами все дали – как у Миши.

⁷² комендант Портсмута адмирал Реджинальд Планкет Эрл Эрле ДРЭК

Тоже поиск союзников: Булгаков, Пастернак, Замятин, церковь

Сталин вспомнил фразу из неопубликованной и даже не отданной автором в издательство рукописи – весь круг читателей книжки составлял только он да несколько чекистов. «Как ее – "Евангелие от сатаны?" Или просто "Сатана?" Хотя, сколько там было названий: больше, чем вариантов – тех было три и все сфотографированы. В самом деле: если автор интересен товарищу Сталину, то и *рукописи не горят*.»

Ему действительно нравился Булгаков, "Дни Турбиных" он смотрел во МХАТЕ больше 10 раз. И когда встречался с драматургами после разгона РААП⁷³ и в преддверии создания Союза писателей сказал: *"пьесы авторы-коммунисты пишут плохие, им надо поучиться у превосходного профессионала Булгакова"*.

«Интересно, когда Миша говорил, что на его вещи было опубликовано три похвальных отзыва и двести девяноста восемь *"враждебно-ругательных"*, он мой отзыв посчитал? Наверное, нет – не опубликован. Дал бы указание... Но – не дал. Будь тот разговор сейчас, дал бы, конечно, но тогда, в тридцать втором.... Одно дело – что-то сказать в узком кругу; другое дело – сей круг расширить.... Так – просто слова, а так – государственная политика. "Соратнички" по большей части были живы, еще как влияли на большинство ЦК: можно ль давать им такую кость в зубы? Мол, Сталин против создания "социалистического искусства"? А ведь он – за, только решать, что "социалистическое", а что – нет, будут его люди, а не люди Троцкого. Не авербахи с прочими киршонами...⁷⁴ И его люди (точнее те, кто войдет в их круг, в том числе благодаря сталинским словам *"можно быть хорошим художником и не быть марксистом-диалектиком"*) должны смотреть на то, чтобы было не только "социалистическое" – но и "искусство". За которое перед потомками не стыдно. Не *"взвейся – развейся"*, а хотя бы *"предвестьем льгот приходит гений"* ...

...И гнетом мстит за свой уход, – продолжил Сталин пастернаковскую строфу. – А ведь это он про мой гнет.... Тоже мне, герой – все они смелые, когда с бумагой или друг с другом общаются. А когда ты с ними говоришь – сердце в пятки уходит. Вот позвонил тому же Пастернаку, спросил: *"Вы хлопчете за вашего друга Мандельштама?"* А тот в ответ: мол и дружбы у нас не было, и общением с ним он всегда тяготился, а вот с вами, товарищ Сталин, я всегда пообщаться мечтал.

Сталин слово в слово помнил свою гневную отповедь. Или – свои воспоминания об этой отповеди: *"Мы, старые большевики, никогда не отрекались от своих друзей. А вести с вами посторонние разговоры мне незачем."*

«Нет, трусы... Притом, глупые трусы. Как Пушкин говорил – поэзия должна быть глуповата? Вот и отдают они свой долг поэзии: глуповаты-с. Что поэты, что писатели... . Есть, конечно, исключения, Замятин тот же. Еще в двадцатом все о нас (нет, о них...) понял, в своих "Мы" это изложил.... К тому бы все и пришло, если бы ты, тогда совсем незаметный, не начал борьбу с ленинскими любимчиками и их общими идеями. Да и в начале тридцатых Замятин все правильно понимал: когда ты разрешил ему выезд из СССР (именно выезд, с сохранением гражданства, с нашим паспортом и т.п.) он тут же по приезде в Париж сказал своему парижскому другу⁷⁵, сторонничку перманентной революции, про *"смягчение режима диктатуры"*. Тот не понял ничего – как же, ведь там РАПП такой хороший разогнали, и вообще... А Замятин и за границей себя прилично вел, его за это и в Союз писателей приняли, и как со своим в нашем посольстве общались.

⁷³ Российская ассоциация пролетарских писателей, создана в 1925 г., распущена постановлением ЦК в 1932 г.

⁷⁴ Критик Леопольд Леонидович АВЕРБАХ (1903-37) – генеральный секретарь РАПП, драматург Владимир Михайлович КИРШОН (1902-38) – секретарь РАПП. Расстреляны за принадлежность к *"троцкистской группе в литературе"*

⁷⁵ Юрию Павловичу АННЕНКОВУ (1889-1974), художнику и писателю, оставшемуся в Париже в 1924 г.

Миша, наверное, тоже все понимал, и за границей тоже б вел себя прилично – если бы ты его отпустил. Но он же не просил о выезде, как Замятин, он поставил вопрос: либо – либо. Либо его высылают, либо дают работу. Выбор за тобой, ты и выбрал. Сам ему позвонил⁷⁶ (сильный же), предложил обратиться во МХАТ: мол, вам не откажут. Посмели бы отказать. Но той ли работы Миша хотел – он же о писательстве думал. Однако просил о работе во МХАТе, ее и получил: значит – сам виноват. Ведь спрашивал я его: "*может быть, правда, вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?*". Была бы честь предложена: "*не может русский писатель жить вне Родины*" – значит так тому и быть.

Интересно, а он знал что его прослушивают, когда рассказывал о своих выдуманных встречах со мной? Когда вождя якобы цитировал – мол, все меня гениальный да великий, а мне водки выпить не с кем. . . . Может, он тебе так дружбу предлагал? А ты не принял его предложение, вот и бубнишь сейчас сам с собой. . . И, в самом деле, не с кем посидеть по человечески . . .

Но не о чем жалеть – ни о несостоявшейся дружбе, ни о несостоявшейся встрече (а ведь сам Булгакову о готовности встретиться сказал), ни о том, что не помог Мише с публикацией его последнего романа. Не мог ты ему в этом помочь, потому все остальное было тоже бессмысленно.

Нет, издать его "Сатану" году в тридцать девятом было, в принципе, можно: во главе партии никого из твоих открытых врагов не осталось, прототипы московской части булгаковской книжки давно в сырой земле – никто бы и не вякнул. И среди писателей, приличных писателей (да и среди приличных читателей), твоих сторонников бы поприбавилось. Но это делать было бы глупо: одной рукой ты прекращаешь прежние гонения на церковь, запрещаешь аресты священников, приказываешь Берии освободить тех из них, что сидят лишь за то, что священники, даже указание самого учителя "*О борьбе с попами и религиями*" отменяешь⁷⁷, а другой рукой разрешаешь издание этой сатанинской книги. Чтобы церковь, которую ты хочешь взять в свои союзники (а, может, и в соратники?), думала, что затевается какое-то очередное обновление? На базе Мишиной ереси? Зачем тогда было храм Христа-Спасителя взрывать⁷⁸?

Так что не получилось ни помощи Булгакову, ни дружбы с ним – только слово "Миша" осталось.

Париж стоит мессы, а церковь стоит Миши», – усмехнулся Сталин. «Стбит и стоит. Как положено стоит – на защите Отечества».

Он взял со стола вчерашнее («позавчерашнее, уж семь часов как позавчерашнее», – поглядел на часы Сталин) "*послание пастырям и пасомым*" митрополита Сергия и зачитал:

"Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женищинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства."

«А ведь не прими я того решения и не борись против полного удушения церкви с соратниками, пока те были при власти (в меру сил, конечно, но вполне эффективно), молчал бы сейчас местоблюститель Патриаршего престола.

⁷⁶ 18 апреля 1930 г., если верить Е.С. БУЛГАКОВОЙ (или, что точнее, самому Булгакову: в 30-м он был женат на Л.Е. Белозерской, воспоминаний не оставившей)

⁷⁷ Перечисляются пункты из протокола № 98 заседания Политбюро от 11.11. 1939 г.

⁷⁸ В 1922 г. Храм был отдан обновленческому Высшему церковному управлению и оставался в руках "обновленцев" (как кафедральный собор, т.е. резиденция, место проведения крупных мероприятий, и т.д.) вплоть до закрытия в 1931 г. (подробнее об обновленцах и взрыве Храма будет рассказано во II томе)

Как молчит сейчас эта "Настя в рясе"⁷⁹ (хотя что ему говорить, он еще в тридцать восьмом Гитлеру написал "лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в вас вождя в мировой борьбе за мир и правду"). Сам молчит, а его присные публично хвалят "освободительный поход" вермахта. Дескать, "коммунистический режим – гораздо большее зло для России". И у нас было бы также, но не при товарище Сталине. Наш-то Сергей и про эту зарубежно-православную не забыл намекнуть – без упоминания названия, конечно, но кому надо поймет:

"Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо поглядывать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснятся еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу..."

Снова поиск союзников. Гитлер

«И про "жалких потомков врагов православного христианства" ввернул. Хотя, не такие уж они и "жалкие". Да и врагами были лишь в прошлую войну.»

Сталин вспомнил фразу Гитлера из его телеграммы, полученной им в тридцать девятом, вскоре после "перерыва" в тройственных переговорах: "Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий".

«Да, столетиями дружили с Германией – даже когда ее на свете не было. Послушай последний царь своего последнего умного советчика⁸⁰, который ему и об этом писал (с подробностями!), глядишь, и остался бы в живых. И обе страны названия бы не поменяли, и правила бы в них императоры. Не де-факто – де-юре.

Так что не было у наших стран исторических противоречий. Ты это знал, посему и разрешил своим подчиненным вступить в переговоры с гитлеровцами. Инициативу проявили они, мы же с ними просто согласились. А кто бы не согласился? Как можно не соглашаться с объективным ходом развития того самого исторического процесса?

"Поворот Гитлера в середине прошлого года в сторону Москвы имел веские основания. Со стороны Великобритании Гитлер получил все, что мог получить. Нельзя же было, в самом деле, надеяться на то, что Чемберлен, в придачу к Чехословакии, подарит Гитлеру еще Египет и Индию. Дальнейшая экспансия германского империализма могла быть направлена только против самой Великобритании."

Это Троцкого слова, тогда еще живого Троцкого. А есть и слова Черчилля, сказанные ровно через месяц после немецкого нападения на Польшу:

"Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть..."

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного

⁷⁹ митрополит Анастасий, в миру – Александр Алексеевич Грибановский (1873-1965) – председатель Архиерейского Синода Русской церкви за рубежом (1936-64)

⁸⁰ т.е. Петра Николаевича Дурново (1845-1915), написавшего в феврале 1914 г. свою знаменитую "Записку")

моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России."

.... А вели себя фашисты как паиньки: и наши национальные интересы учитывали, и дипломатический протокол соблюдали – сперва переговоры на уровне послов, затем – эта телеграмма фюрера, и, наконец, визит Риббентропа. Прибывшего в Москву со всеми полномочиями – оперативно прибывшего и на короткий срок. От начала переговоров и до их завершения – одна неделя.

"Перехитрил Гитлера," – хвалился ты тогда перед своим окружением. Что ж сейчас не хвалишься? Хотя бы перед собой?

Перед собой... Нет, хвалиться, конечно, нечем, но и виниться не стоит. Два года назад у тебя и армия была в три раза меньше, и военная промышленность только создавалась, да и не знал ты тогда ни Жукова, ни Ватутина, ни Василевского. Не опробовал их на высоких должностях, не завершил их обучение. Молодым-то еще придется поучиться, а вот Жуков как пионер – готов. И представь себе, если бы немцы пошли на нас со старых границ – они бы на следующий день оказались у Смоленска и Киева....

Но признайся⁸¹ – а ведь ты был готов на пакт с Гитлером еще в марте тридцать девятого? До всех этих переговоров с "Антантой"? Ты ведь понимал: после Мюнхена (и не только Мюнхена) ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут? И даже в таком случае от них будет мало проку?

Нет, трудно установить момент, когда товарищ Сталин окончательно отказался от намерения сотрудничать с "демократиями", предпочтя им Гитлера. А, может, и не было этого момента вовсе? А если был, то не ранее марта тридцать девятого? Когда появились проблемы с военными поставками от "Шкоды". Уже не было ни правительства, с которым был заключен контракт, ни Чехословакии, а вместо Чехии возник немецкий "протекторат Богемия и Моравия". СССР сию "географическую новость" не признал – но что с контрактом делать? Не пустяк какой – по нему мы должны были получить военную технику с чертежами и полным описанием технологических процессов на три с половиной миллиона долларов с лишним.

Товарищ Сталин тогда долго думал, с месяц наверное. И в середине апреля поручил полпреду⁸² напроситься на прием в германский МИД. Целый год (с момента вручения верительных грамот) этот Мерекалов туда и нос сунуть боялся, указаний не было, а тут...

Приняли нашего дипломата сразу и на приличном уровне⁸³, на вопрос о чешских поставках ответили довольно прямо: мол, атмосфера сейчас не вполне благоприятная, вы тут пакт против нас хотите заключить, какая ж тут военная техника... Но знал наш человек что сказать в ответ:

"Идеологические разногласия ... не обязательно должны явиться препятствием... У России нет причин, по которым она не могла бы поддерживать с Германией нормальные отношения. А нормальные отношения могут делаться все лучше и лучше". С тех пор и началась "нормализация" отношений с Германией – параллельно переговорам о тройственном союзе против германской агрессии.

Кстати, снимая Литвинова, ты думал о предстоящих договоренностях с Гитлером? О том, например, что не стоит посылать еврея на переговоры с антисемитом? Или о том, что немцам отставка сия понравится? Ты ведь не просто монарший гнев проявить соизволил, ты ведь и это в расчет принимал? А информация западным правительствам, что "перемена не озна-

⁸¹ Далее в этом параграфе фактически излагается версия Черчилля, по мнению автора весьма близкая к истине. Используются (без кавычек) и цитаты из книги ЧЕРЧИЛЛЯ "Вторая мировая война".

⁸² Алексею Федоровичу МЕРЕКАЛОВУ (1900-83)

⁸³ С ним беседовал статс-секретарь германского МИДа Эрнст фон ВАЙЦЕКЕР

чает изменения во внешней политике СССР" была лукава? Как переговоры с "демократами", по крайней мере, с мая тридцать девятого?

Ведь ты же заметил, что после смены наркома в рейхе перестали называть свою политику антибольшевистской, обратив всю брань в адрес "*плутодемократий*". И что статьи в их газетах стали заверять тебя, что германское "жизненное пространство" не распространяется на русскую территорию. И ведь доложили тебе, как изменился Шуленбург⁸⁴ после поездки на родину: просто лапочкой стал, начал товарные кредиты предлагать, выгодные и долгосрочные. И проблема со "Шкодой" была снята, и торговый договор был заключен. Собственно, та гитлеровская телеграмма и начиналась со слов: "*Я искренно приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений*".

"Перестроились", что тут скажешь. А заново перестроиться ты не успел. Сам то, может быть, и успел, но перестроить других не смог. Это Гитлер все успел – не ты.

Лишь полтора месяца назад, пятого мая, хоть что-то сказал о предстоящей войне и ее конфигурации. В своем последнем тосте на встрече с выпускниками военных академий:

"...Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, – теперь надо переходить от обороны к нападению....

Главная угроза идет сейчас от Германии. Спасти Родину мы можем только лишь победой над Германией. Поэтому я предлагаю выпить за войну, за наше наступление в войне, за нашу победу в этой войне. Да здравствует активная наступательная политика Советского государства!"

Ни этот тост, ни предшествующая тосту речь не транслировались и даже не стенографировались, но свидетелей было несколько сотен – столы для банкета стояли аж в пяти залах. И их, слушателей, не предупреждали о секретности, напротив, я в своей речи всячески настраивал их на распространение этих мыслей. И органы (в высоких звеньях) были предупреждены: нельзя чинить "академикам" препятствий – если у кого то из "трансляторов" появлялись проблемы с местными особистами, они снимались окриком из Москвы.

А Жданову, моему заместителю по партии (моему Гессу, – усмехнулся Сталин) указания изменить пропагандистскую работу я дал даже раньше чем военным, пусть на несколько часов, но – раньше. Собственно, на Жданове я свои мысли и обкатал: сперва с ним поговорил, а потом – с военными. Жданов-то все понял и начал пропагандировать "*сталинскую стратегию перехода от пассивной политике к наступательной*", одно за другим совещания в ЦК провел, тезис "*всей партийно-воспитательной политике необходимо придать боевой, наступательный характер*" на этих совещаниях выработал и стал проводить его в жизнь. Но не успел, сам жаловался на партийный аппарат: "*Улита едет*". Собственно, моим ближайшим соратникам смена политики должна была стать очевидна, как только Жданов стал вторым (де-факто) секретарем ЦК: как-никак единственный человек, смевший сомневаться при самом товарище Сталине в невозможности нападения Германии на СССР.

А вот у военных с пониманием какие-то проблемы. Десять дней с даты того выступления прошло, а они уже свои "*Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза*" тащат. Где все "*быть может и умно, да больно непонятно*" (спасибо, Миша, за фразу). Непонятно: они что, в мою речь не вслушивались? Что им, генштабистам, не была видна преувеличенная товарищем Сталиным оценка возможностей Красной армии? Моя ложь про триста боеготовых советских дивизий, из которых треть – механизиро-

⁸⁴ Германский посол

ваны? А две трети из механизированных – танковые? Все это для Гитлера (чтоб боялся), для выпускников академии (чтобы не боялись), "моменты" же знают реальные возможности армии лучше, чем "вождь и учитель". А они – один удар на Краков, второй – на Варшаву, остальные – в активной обороне.... То ли наследники "великой" русской военной мысли образца тысяча девятьсот тринадцатого года, то ли пруссаки в краснорубашечных мундирах: *die erste Kolonne marschieren, die zweite Kolonne marschieren*... Без бензина, вспомогательной техники, средств связи, полной укомплектованности личным составом *marschieren*... Прогнулись. Пусть прогибаются, "соображатели": товарищ Сталин не стал их тогда ругать – просто оставил документ без последствий⁸⁵.

Год еще был нужен, год. И мы многое бы успели за этот год – как успели за предыдущие два. Все в основном было сделано: и армия увеличена в три раза, и боевой техники у этой армии больше, чем у вермахта, и образованность командиров возросла. Но нужен был год на шлифовку, на полную механизацию, на мелочи всякие нужные, на пропаганду ту же. Не я сказал, Наполеон: на войне моральный фактор относится к материальному как три к одному.

А ведь я верил, что хотя бы год у меня есть – ведь ни с кем Гитлер не начинал войны без предупреждения. Тот же чехословацкий вопрос длился больше года, Польшу он предупредил за три месяца, на Францию напал почти через год после официального начала войны. Опять же, провокации устраивал: прежде чем начать войну с той же Польшей, передел в польскую военную форму своих уголовников, дал им, дуракам, приказ захватить радиостанцию на немецкой территории, а когда, после выполнения приказа, их уничтожили немецкие пограничники, представил трупы "мировой общественности". Мол, смотрите – не я первым начал.

А с нами все по-другому – ни предупреждения, ни серьезных провокаций. Нет, провокации, конечно, были – те же нарушения границы немецкими самолетами, обстрелы наших пограничников – но это так, мелочевка, не серьезно. Значит, выделяет он нас из этой серой массы, боится хоть чуть-чуть.

Бойся. Я тебя не боюсь. Или боюсь?

Нет, мне никогда не нравился Гитлер. Никому я не говорил о нем добрых слов, не распространялся об эффективности его действий. У меня не найти таких цитат про фюрера: *"Он не только восстановил положение своей страны, но даже в очень большой степени изменил результаты первой мировой войны,.. Что бы ни подумали об этих усилиях, они, безусловно, находятся в ряду наиболее выдающихся достижений в истории человечества."* Да и найти Гитлера в моем списке *"Великих современников"*⁸⁶ также невозможно – впрочем, отсутствует такой список. Нет сейчас великих – за одним исключением, разве что. И не я это исключение. Но....

Сталин вспомнил еще одну фразу британца, произнесенную (не написанную а именно произнесенную – с парламентской трибуны) в том же тридцать пятом: *"Если бы моя страна потерпела поражение, я надеюсь, что мы должны были бы найти такого же великолепного лидера, который возродил бы нашу отвагу и возвратил нам наше место среди народов"*.

Легко ему рассуждать: если не его – моя! – страна потерпит поражение, то не придется никому искать "великолепного лидера", не даст нам фюрер такой возможности. Так что придется самому быть "великолепным".»

Шесть лет назад Сталину не очень понравились эти самые *"Великие современники"* (в том числе зияющим отсутствием его имени), но книгу он прочел внимательно и запомнил многое. В том числе такую фразу:

⁸⁵ по мнению Павла СУДОПЛАТОВА, представленный Жуковым и Тимошенко "замысел наступательных операций мало чем отличался от планов наступательной кампании русской армии в Галиции и Юго-Восточной Польше, разработанных царским генштабом еще в 1913 г.". Кроме того, на подлиннике этих "Соображений..." нет ни инициалов Сталина, ни его пометок, что позволяет считать: вождь этот документ вообще не видел (Дэвид ГЛАНЦ)

⁸⁶ Именно так называлась книга Черчилля (опубликована в 1935 г.), откуда и взята вышеприведенная цитата

"Хотя никакие последующие политические действия не могут заставить забыть неправильные деяния, история полна примерами, когда люди, добившиеся власти при помощи суровых, жестоких и даже устрашающих методов, тем не менее, если их жизнь рассматривается в целом, расцениваются как великие фигуры, деятельность которых обогатила историю человечества. Так может быть и с Гитлером"

«И со Сталиным», – добавил он в 35-м. «Но если победишь», – добавил он сейчас.

«Собственно, ничего нового Черчилль не сказал, разве что привязал к современности древнее *"Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы"*⁸⁷. Да и Гитлер в своей книжке ничего нового тоже не сказал.»

Сталин взял со стола слегка потрепанный томик "Майн Кампф", изданный для высшего руководства в начале тридцатых, открыл ее в самом конце (на загнутой странице десятой главы) и зачитал подчеркнутый цветным карандашом текст:

"Эти господа исходили из того правильного расчета, что чем чудовищнее солжешь, тем скорей тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, нежели маленькой. Это соответствует их примитивной душе. Они знают, что в малом они и сами способны солгать, ну а уж очень сильно солгать они, пожалуй, постесняются. Большая ложь даже просто не придет им в голову. Вот почему масса не может себе представить, чтобы и другие были способны на слишком уж чудовищную ложь, на слишком уж бессовестное извращение фактов. И даже когда им разъяснят, что дело идет о лжи чудовищных размеров, они все еще будут продолжать сомневаться и склонны будут считать, что вероятно все-таки здесь есть доля истины. Вот почему виртуозы лжи и целые партии, построенные исключительно на лжи, всегда прибегают именно к этому методу. Лжецы эти прекрасно знают это свойство массы. Солги только посильней – что-нибудь от твоей лжи да останется."

Ну, разве что это. Хотя и здесь новым является не само высказывание – его публичный характер. Да Гитлер, впрочем, и не претендует на авторство, авторы – *"эти господа"*⁸⁸, он лишь выносит вердикт: *"правильный расчет"*.»

Когда вышел "Майн Кампф" Сталину не были интересны ни книга, ни ее автор. Желание ознакомиться с гитлеровским опусом не появилось у него даже после взлета Гитлера: ни тогда, когда он стал одним из самых заметных и перспективных немецких политиков, ни тогда, когда он эти свои перспективы реализовал. "Фашистскую библию" вождь взял в руки лет через шесть после прихода Гитлера к высшей власти:

«Это англичане Гитлером интересовались, издавали "Майн Кампф" многократно (один раз даже в "благотворительных целях"⁸⁹), признавали его "человеком года"⁹⁰. Им, наверное, было приятно видеть, что у их очередного Чемберлена появился столь заметный продолжатель. Кстати, интересно: сколько в Англии Чемберленов? Куда ни ткни – Чемберлен, и в какого ни ткни – враг⁹¹. Вот и Гитлер враг, притом враг – неинтересный, вторичный какой-то. Своих идей – нет, технологий их достижения – тоже. Единственный вклад в теорию – внятное изложение чужих идей. А в практику – довольно толковое их применение.

Нет, сделал он, конечно, немало. Принял нищую, униженную страну и вернул ей статус великой державы. Наплевав при этом и на мнение собственной элиты, и на внешний контроль.

⁸⁷ Цитата из "Книги Екклесиаста или проповедника"

⁸⁸ Так в своей книге Гитлер называл не только евреев, но и тех, кто по его мнению расшатывал режим германской монархии в первую мировую, или был у власти после поражения

⁸⁹ доход от продажи одного из изданий пошел в пользу "Красного креста"

⁹⁰ в 1938 г. (по версии журнала "Time")

⁹¹ Известных – как минимум 12. "Очередным Чемберленом" Сталин называет Хьюстона ЧЕМБЕРЛЕНА (1855-1927), создателя "нордической" теории, германофила и теоретика антисемитизма (премьеру Британии тридцатых – лишь однофамилец).

А как когда-то можно было "шутить" с Германией, с полудурками из Веймарской республики! Как скромные сотрудники Наркомвнешторга легко и непринужденно разоряли немецких капиталистов, получая от них все и не расплачиваясь ничем. Как немцы были вынуждены платить нам за обучение своих офицеров, осуществляемое в нашей стране их же преподавателями и на закупленной за германские деньги технике. Наши военные много чему научились от немцев, можно было даже курсантов туда не направлять (хотя направляли): все в этих школах находилось под полным контролем Разведупра⁹².

Но пришел Гитлер – и все изменилось. Никто (то есть, ты) не мог этого предположить, но все изменилось, все появилось: дороги, военные заводы, мощная армия, сильный флот, новые территории. Да, ты не мог себе даже представить, что у простого (ну, пусть способного, ну, пусть талантливого, ладно) демагога найдется целая уйма настоящих организационных талантов. Признайся, ты не хотел завидовать этому сочетанию ораторских и деловых способностей. Не хотел, конечно, но – завидовал. А посему не занимался Гитлером лично – пусть им занимается Коминтерн.

Тот им давно занимался – еще под руководством Зиновьева. "Соратничек" целую теорию "третьего периода" придумал и на шестом конгрессе Коминтерна утвердил. Мол, начался с двадцать восьмого новый, решающий этап в развитии коммунистического движения – мировой кризис капитализма и, как следствие, скорый приход диктатуры пролетариата в Европе. Одна беда (именно одна, не две): фашисты и социал-демократы. Буржуи уже не в счет, но эта парочка (слившаяся в едино-целое) хуже всех буржуев.

Вскоре Зиновьев ввел для этой парочки и новый термин, "социал-фашизм"; даже не термин – теорию целую⁹³. Основоположник хренов...

Но и у социал-демократов свои теоретики имеются, стали доказывать, что "*красные равны коричневым*", да и за практиками дело не стало – как с той стороны, так и с этой. Одни коммунистическую демонстрацию расстреляют, другие фашистов в чем-то поддержат.

Тогда, в двадцатых, да и в начале тридцатых, меня это лишь забавляло. Не до "детских игр" было: я державу выстраивал, НЭП ликвидировал... Интерес появился лишь тогда, когда в этот спор вмешался Троцкий. Что ж, Иудушка – на стороне демократов, а я стало быть – на другой стороне. Нет, не на стороне Зиновьева, среди противников Троцкого были и приличные люди – Тельман, например. Жаль, правда, что товарищ Сталин поверил Тельману в тридцатом. Честный человек, небесталанный, но... Даровит, но не умен – вот и все "но". Утверждал, что восемнадцать процентов, полученных Гитлером на выборах, это его максимум, "*лучший день Гитлера, за которым не последует лучших дней, но только худшие*". Увы, через два года за фюрера проголосовало в два раза больше....

Хотя и это меня тогда не волновало, куда больше меня заинтересовал распространяемый по Коминтерну зиновьевский бред о Сталине, как о главном виновнике победы Гитлера. Вместе с германскими социал-демократами, конечно – как без них?

Нет, прав Гитлер: "*чем чудовищнее солжешь, тем скорей тебе поверят*". Сперва сам придумываешь этот самый "социал-фашизм", затем вбрасываешь термин вместе с теорией в возглавляемую самим собой организацию, а потом, оказавшись не у дел, приписываешь свою идею тому, кто тебя от дел отставил.

Мразь. Трус и дурак. Написал мне из тюрьмы "*Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Вас и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял всё, что я готов сделать всё, чтобы заслужить прощение, снис-*

⁹² Разведывательное управление штаба РККА (с 1943 – ГРУ). О советской разведке будет рассказано во второй части: в 41-м Сталин вряд ли сколь либо глубоко понимал суть этого института.

⁹³ Социал-фашизм – теория, согласно которой европейская социал-демократия представляет разновидность фашизма

хождение." Не заслужил. Сапоги потом расстрельной команде лизал, даже его собрат по несчастью (по делам его, так точнее) Каменев и то возмутился: "*Перестаньте, Григорий, умрем достойно*". Так и сдох – с измазанной гуталином мордой.

Но и таким негодьям верят. Кто будет помнить, что Гитлера назначил канцлером (еще до самых успешных для него выборов) не советский "секретаришка" Сталин, а немецкий президент Гинденбург? Что от объединения социал-демократов с коммунистами в том же тридцать третьем ничего не зависело – на пару они и трети голосов не собрали? И о том, что гитлеровская НСДАП шла на выборы не в гордом одиночестве, а вместе с дружественной ей партией фон Папена⁹⁴? И за эти две партии проголосовало больше половины немцев?

Ничего не будут помнить. Собственно, и не помнят. И не знают многого – даже правильного названия гитлеровской партии. Не "Национал социалистическая немецкая рабочая партия" зовут ее в твоей стране, по другому ее зовут: и слово "рабочая" отсутствует, и "социалистическая" стала "социалистской". Тебе одно не нравится, другим – другое; так живем, так и жить будем. Вместо истории – интерпретация, вместо анализа – агитация, вместо работы – имитация, вместо идеологии – профанация... А результат – оккупация. Рифмоплет...

Направление главного удара вермахта. Эвакуация

Оккупация. Будет оккупация, будет. Уже началась. Но не России – части России... Шансы есть всегда, только недостаточно в них верить – их надо видеть. Шансы Гитлера, шансы свои. Знаешь, на что он может рассчитывать – значит знаешь что делать. Значит, имеешь шансы.

И ты стал свои шансы реализовать с первого дня – со вчерашнего. Ты не мог ошибиться с направлением немецкого главного удара – понял сразу, что нанесут они его по Украине. В направлении Донецка, и далее – на Моздок, Грозный, Баку. Нет у них других шансов на успех, любое другое наступление – чушь. Не могут же они не знать слов Кутузова, что помнит каждый русский школьник: "*с потерей Москвы не потеряна Россия*". Готовились же они к войне, изучали нашу историю. Посему должны знать: захват Москвы, Киева, Минска, Ленинграда – да хоть Свердловска с Ташкентом! – к победе не приведет, лишь злее будем. А вот если лишимся Кавказа, нам не сдобровать. Нет нефти – нет страны⁹⁵.

Конечно, если они хотят повоевать подольше, если им нравится сам процесс... Но они все же не совсем идиоты (точнее, совсем не идиоты), и если даже Ллойд Джордж в тридцать девятом понимал, что "*основная военная цель диктаторов – добиться быстрых результатов, избежать длительной войны*", то и Гитлер не может этого не понимать. Тянуть не будет – основные силы бросит на кавказское направление.

А раз так, то правильно товарищ Сталин распорядился главным полководческим ресурсом, Жуковым – послал его на Украину. В Белоруссии лишь обманный удар, пусть и наиболее успешный. Так что там и Кулик справится, всяк кулик справится.

Только с чем они все справятся? Ранним утром двадцать второго, когда в твой забитый людьми кабинет вбежал Молотов и сообщил содержание переданной ему только что германской ноты, всеобщее молчание прервал громкий голос Жукова: "*Разрешите немедленно обрушиться на вторгнувшегося противника ... и задержать его дальнейшее продвижение.*" "*Не задержать, а уничтожить!*" – уточнил Тимошенко. Все приосанились, взбодрились, стали обсуждать наш ответ Гитлеру. И ушла в войска подписанная Тимошенко директива номер два,

⁹⁴ Партия традиционных националистов

⁹⁵ Именно на Кавказе (близ городов, названных Сталиным) добывалось порядка 95% общего объема советской нефти. Были еще Сахалинские верфи, но их едва хватало на потребности Дальнего Востока. В Татарии и Башкирии нефть была только разведана, а в Сибири ее даже не начали искать.

вся из себя оптимистическая: "обрушиться", "уничтожить", но границу пока не переходить – до "особого распоряжения". Твоего, наверное, распоряжения...

Что ж не распоряжаешься? Почему и следующую директиву подписал Тимошенко? Ведь там войскам как раз разрешалось (даже предписывалось) совершить "выход на территорию противника". Что, не веришь в "могучий удар" по "вражеской земле"?

А вот в необходимость эвакуации, напротив, веришь. Понимаешь, что реальная задача Красной Армии – не отбросить, не уничтожить, не удержать хотя бы. Нет, реальная задача твоих войск – задержать, притормозить... А твоя реальная задача – успеть за это время хоть что-то спасти от нашествия, эвакуировать в глубь страны. Именно этот вопрос был последним, что ты решал в своем кабинете перед уходом, так сказать, "ко сну". Сперва хотел поручить эвакуацию Берии, но он – да и другие "посетители", Вознесенский, Молотов – тебя отговорили. Пусть НКВД решает проблему вывоза (да и уничтожения, конечно) заключенных, архивов, своего имущества... А эвакуацией населения, учреждений, предприятий и всего прочего пусть займется специально созданная ("чрезвычайная", конечно) структура. Вчера они решили, что назовут ее Советом по делам эвакуации, а положение о ее работе представит Лазарь⁹⁶. Он уже назначен главой этого Совета, но – устно, сегодня все утвердим, так сказать, в комплексе.

И да, комплексное решение – всерьез и надолго. Вопрос-то был мелко поставлен: что делать с архивами Вильнюса и Риги, затем кто-то упомянул про Львов, дальше возник Минск и пошло-поехало... Военные, кстати, и сделали это уточнение: мой кабинет как проходной двор, всяк зайти может. Вот и зашли два наркома, Ватутин⁹⁷ с ними, вклинились в разговор ближайших соратников, проявили пессимизм... Своим подчиненным приказывают немедленно разгромить врага, а своему начальству советуют заниматься эвакуацией. Проститутки...

А сам ты кто? Они-то вынуждено на панель вышли, а ты, значит, по зову сердца? Знаешь, как это по-русски называется?

Но ведь и ты не б... да и они не проститутки. Страх (перед тобой, прежде всего) и уверенная поступь врага – тут не до разумной последовательности действий. Ты свое решение вспомни, тобой подписанное. Ты ведь мало что за эти два дня подписал? Потому и помнишь наизусть фразу из постановления Совнаркома: "*При Ставке организовать институт **постоянных** советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, **Мерецкова** ...*" Сегодня подписываешь, а завтра одного из "*постоянных*" сажаешь? И еле успеваешь дать указание эту фразу не публиковать в печати? Нет, сам-то ты кто?

Слава богу, хоть запретил строить на западе военные заводы. Лишь один раз допустив отклонение от этого правила, точнее, сам его инициировав. Предложил Ванникову в сороковом построить на Украине два артиллерийских завода и два завода по производству стрелкового оружия. Большие заводы, с маргеновскими цехами. А когда Ванников, как водится, стал возражать: мол нет в этих предприятиях необходимости, мол лучше вложить деньги в заводы, строящиеся на Востоке, ты хоть и не стал отвергать доводы наркома вооружения, но обосновал свое указание – мол, есть политическая необходимость в военной промышленности на Украине....

Ванников, Ванников, пора тебя возвращать, засиделся. Интересно, ты специально затянул выполнение моих указаний? Если да, то – молодец; немцам достанутся не заводы – котлованы. А завезенное на стройки оборудование с материалами мы вывезем. Или взорвем – неустановленное и взрывать проще. Если успеем, конечно. Успеем, должны успеть...

Сталин вновь бросил взгляд на "Великих современников" Черчилля. «"Неправильные деяния..." Неточность перевода: может быть – "неправедные"? Хотя вряд ли – сей аристократ

⁹⁶ Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ (1993-1991), нарком путей сообщения, член Политбюро

⁹⁷ Нарком обороны Семен Константинович ТИМОШЕНКО, нарком ВМФ Николай Герасимович КУЗНЕЦОВ и первый зам. начальника Генштаба Николай Федорович ВАТУТИН,

на мораль особого внимания не обращает. И сам не брезгает "суровыми, жестокими и даже устрашающими методами". Неправильные, именно неправильные. Талейран британский, рад, небось, повторять классика: "это хуже преступления, это – ошибка".

Ну что – ошибался я, не без того. Проморгал, не учел... Как все. Как все эти Чемберлены, Галифаксы, Даладье, Лавали... Список невеликих современников – вот куда ты попал. Но есть, есть еще шанс из него выйти, вернуться в сонм великих... В сонм великих...

Спи, дарагой, тебя ждут великие дела...»

8-я ночь (с 29 на 30 июня 1941-го).

Прострация.

Жуков. Василевский, Фрунзе. Паранойя.

"Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий.

Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника.

Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью".

В руках у Сталина был проект полевого устава РККА. До войны его не успели утвердить, но жили по нему. Пусть, проект, но – действующий.

«Действующий? Пропагандистская брошюрка. Только задницу подтереть. Тут есть из чего выбирать: хочешь – уставами, хочешь – передовицами газет, хочешь – моими речами, хочешь – из песенников страницы выдирай. Подтирайся и пой:

"В целом мире нигде нету силы такой,

Чтобы нашу страну сокрушила.

С нами Сталин родной, Тимошенко-герой,

Нас к победе ведет Ворошилов!"

Теперь и новая версия есть. Не сильно отличная от исходной, просто время поменяли – с будущего на настоящее. "И пехота пошла в свой победный поход, и помчались лихие тачанки..." А куплет со мной вообще менять не стали: я ж ведь по-прежнему "родной", "Тимошенко – герой", а про то, что Ворошилов уж не тот, Лебедеву-Кумачу как-то не доложили. Еще в тридцать восьмом забыли это сделать, да и сейчас не удосужились. Правда, он, может, сам это понял – переделал же в "Священную Войну" свою "Песнь о Климе Ворошилове". Хотя нет, про Клима другой поэт написал, но на ту же музыку⁹⁸. В общем, что-то понял, вместе с Александровым понял: и про "орду", и про "смертный бой", и про то, что не до "вражьей земли" сейчас. Пессимистическая песня получилась, сейчас лучше про "тачанки", поболе как-то⁹⁹...

Но эти песенники действительно что-то почувствовали, да и я тоже многое осознал. Жаль только, до сих пор понять не могу: кто ж нас ведет-то? И куда?»

Сталин вспомнил свою фразу, произнесенную возле здания наркомата обороны. Он уже собрался сесть в машину, но остановился и мрачно бросил своему ближнему кругу: "Ленин оставил нам великое наследие, мы, его наследники, все это проср..." И, даже не поглядев на реакцию, уехал в Кунцево.

«Небось, перекосило соратничков? А уж как сейчас выглядят их морды – ведь не звонит им вождь почти сутки, да и на звонки не отвечает. Думают, небось, что вождь в прострации? Нового вождя подыскивают? А что, часов пятнадцать-двадцать прошло, срок немалый, могут приступить...»

⁹⁸ "Песнь о Климе Ворошилове" была создана в 38-м композитором А. В. Александровым на слова О.Я. Колычева, по мелодии эта песня похожа на "Священную войну", написанную на стихи В.И. Лебедева-Кумача (опубликованы 24 июня) и впервые исполненную 26 июня.

⁹⁹ "Священная война" стала ежедневно звучать в радиоэфире лишь с 15 октября 1941 г.

Сталин поглядел на часы – было около пяти. Надвигался вечер, но для него продолжалась вчерашняя ночь. Все подсчитанное им время он не раздевался, может, и подремал слегка, но в кресле – не в кровати. То дремал, то думал. Но не о дворцовом перевороте: эта мысль пришла ему в голову только сейчас, притом случайно. И не лица сподвижников – в его памяти постоянно возникало лицо человека, еще не ставшего таковым. Он пока не ввел его в ближний круг, но рассчитывал на него весьма серьезно. Пару дней назад еще рассчитывал. Сейчас же он вспоминал его заплаканную физиономию, осознавая: опереться не на кого.

«Жуков, Жуков... Генерал армии. Моей армии. Мой генерал. С тридцать девятого, с Халхин-Гола: *"Мне нужен такой командир, чтоб он не просто разгромил японцев, а свирепо порвал их на куски..."* И он нашелся – умелый, свирепый. Тогда молнии из глаз сверкали, а сейчас – слезы льются. Был свирепый, стал сопливый....

Обиделся на мои слова, барышня в лампах? *"Что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?"* От чего плакать? У тебя что, есть связь? Ты знаешь хоть что-то про ситуацию в Белоруссии? Ну ладно, на Украине ты хоть какой-то порядок навел, но ты же начальник Генштаба, а не мальчик на побегушках. Что, надо было тебя из Киева не в Москву вызывать, а высылать в Минск? Что ты три дня в Генштабе делал? Почему сам никого на запад не отправил – для установки связи хотя бы? Для чего мне в Москве такой работничек? Точнее – работнички, два работничка, Жуков да Тимошенко. Два героя...»

Вечером двадцать девятого в его кремлевской квартире собрался ближний круг: Молотов, Микоян, Маленков, Берия. Говорили о Белоруссии. Обсуждать было нечего: как идут дела никто не знал, просто всех интересовало – что там, как там... Сталин взял трубку, соединился с наркомом и, услышав общие слова, предложил всем отправиться на улицу Фрунзе...

«...В гости к Тимошенко. Нарком был не один, коротал время с Жуковым и Ватутиным. Спокойная такая троица, да я и сам был спокойным. Полчаса задавал вопросы, слушал ответы. Короткие вопросы, короткие ответы... Где командование Западного фронта – неизвестно. Какая с ним связь – никакой. Почему допустили прорыв немцев – не знаем. Почему не знаете – связи нет. Когда связь установите – мы стараемся... И вообще: мы здесь трудимся в поте лица, а тут еще вы со своими вопросами....

Здесь я и взорвался. Три фразы всего сказал, ну, прокричал, конечно, не привыкли к моему крику, не так часто я на них ору. Но все равно, не гоже плакать в ответ. Прямо как баба этот Жуков: разрыдался, убежал.... За ним – Молотов, успокаивать. Успокоил, минут через семь привел: глазки еще мокренькие, но голосок уже не дрожит: "так точно" да "слушаюсь" произносить способен. Согласился (вместе с остальными "воинами") послать на связь Кулика, согласился и на сопровождающего¹⁰⁰, предложенного Микояном. Тот вечно своих людей предлагает, и имеет их везде – что в мясе-молоке, что в армии. И пока с ними не ошибается, хоть на место Жукова ставь. Хотя не Жукова это место – Шапошникова. А после Шапошникова (плох совсем, хоть моложе меня) – его учеников, того же Ватутина, а лучше – Василевского. Хороший он парень, Василевский¹⁰¹.»

Сталин давно следил за Василевским, выделяя его из общей когорты генштабистов. Куда ни посмотрит, да хоть в анкету – все замечательно:

«В Генштаб пришел с должности командира полка – главной должности для будущего военачальника. Опять же, не за красивые глазки обрел это назначение – за то, что свой полк

¹⁰⁰ Гай Лазаревич ТУМАНЯН (1901-71), политработник, военный дипломат.

¹⁰¹ Александр Михайлович ВАСИЛЕВСКИЙ (1895-1977), в начале войны – заместитель начальника оперативного управления Генштаба, генерал-майор

вывел из плохеньких в отличные. И не от кого-то должность в Генштабе получил – сам Триандафиллов¹⁰² хлопотал.

В Генштабе работал в разных подразделениях – тоже плюс, с кругозором все в порядке. В полном порядке: он и Генштаб постоянно покидал – то служил в окружных штабах, то работал в Академии Генштаба, то учился в этой академии. Даже военным дипломатом успел побывать: с финнами мирный договор готовил, в Германию с Молотовым ездил. Знает главных врагов в лицо.

Еще один плюс (они все думают, что минус, дурачки) – учился в духовной семинарии. Как я, как Микоян, причем не просто учился – окончил. Есть о чем поговорить с человеком.»

Он и поговорил – зимой сорокового состоялось их личное знакомство. По его, Сталина, инициативе. Он тогда предложил всем участникам заседания Политбюро отобедать в своей квартире, все, естественно, любезно приняли это приглашение, но Василевского Шапошников отправил в Генштаб, чтоб обеспечил выполнение свежепринятого решения партии:

«Неправильно поступил Борис Михайлович, но Поскребышев мне Василевского вернул. Лично Поскребышев, чтоб все (и, главное, сам Василевский) понимали: это мой назначенец, это я его буду по жизни вести.

И тост я за его здоровье произнес. А как выпили, спросил, почему он "в поны" не пошел – то ли в шутку, то ли всерьез спросил. А он серьезно ответил, рассудительно: мол, ни сам не хотел, ни отец не хотел, вот и ни он, ни его братья священниками не стали. Смешной мальчишка: что, я не знаю, кто его родственники? Знаю – я про всех, кто мне нужен, знаю. Все, что мне нужно, знаю.

Я с ним тогда и воспитательную работу провел: мол, почему ни вы, ни ваши братья родителям не помогают? Не бедные все ж люди: врач, агроном, летчик, да и вы ... Отец же ваш еле существует, он из-за этого и служит в своем приходе – надо же что-то есть. А Василевский правильно отвечает, откровенно: мол, с двадцать шестого года порвал связь с родителями – иначе бы его и в партию не приняли, и в Красной армии бы не оставили, и в Генштаб бы не взяли. Вот, дескать, ему сейчас письмо от отца пришло – первое за многие годы – и он сразу об этом в парторганизацию доложил. И сейчас ведет себя так, как ему секретарь парткома предписал: "сохраняет во взаимоотношениях с родителями прежний порядок". То есть, не имеет с ними связи.

Мы все удивились (вернее, сделали вид: чему тут удивляться – правильно поступил!), я сказал ему, чтоб и связь с родителями установил, и материально им помогал, и в свой партком сообщил. Об указании товарища Сталина...¹⁰³

А потом мы долго с ним так не общались – лично, доверительно. Уж полтора года как ни общались. Обычные служебные разговоры: на совещаниях – не на обедах. Выдерживал я его, как хорошее вино выдерживал. Но не готово это вино, молодое еще.

А ведь постарел ты, кацо, сорока пятилетнего мужика молодым считаешь. Сам в его возрасте генсеком был, пост, конечно, не тот, что нынче, но позаметнее, чем должность замначо-перупра. В любом случае, не парнем ты себя считал, не мальчишкой – мужчиной. И Фрунзе, умершего в сорок лет, тоже...

Умершего... Или убитого? Наверное, все же убитого, уж больно много потом людей положили – следы замечали, суки. За месяц до съезда все сделали: чтобы не просто возвратить в свои руки армию – всю страну.

¹⁰² Владимир Кириакович ТРИАНДАФИЛЛОВ (1894-1931), в 1931 г. – зам. начальника штаба РККА, военный теоретик

¹⁰³ командующий Авиацией дальнего действия ГОЛОВАНОВ так дополнил этот эпизод: "Сталин подошел к сейфу, достал пачку квитанций почтовых переводов и показал Василевскому: – Теперь вы долго со мной не расплатитесь! Оказывается, Сталин каждый месяц анонимно посылал деньги отцу Василевского, а тот наверняка думал, что это от сына..." (Ф. ЧУЕВ. Солдаты Империи)

Не получилось. Полностью не получилось. От руководства страной товарища Сталина устранить не смогли, напротив, укрепилось его руководство. Но реформу в армии пришлось отложить на десять с лишним лет. Слухи же о том, что смерть Фрунзе была им, Сталиным, организована, до сих пор ходят. Как и запрещенная повесть Пильняка¹⁰⁴. Прав Гитлер: "*солги посылней – что-нибудь от твоей лжи да останется.*"

Да, он, Сталин, не возражал против той злополучной операции, напротив, всячески советовал Фрунзе на нее согласиться. Но стал бы он давать подобные (публичные!) советы, если бы готовил смерть соратника на операционном столе? Нет, он нашел бы других советчиков, тех, от которых потом не жалко избавиться....

Кому выгодно? Смешно, наша молодежь думает, что этот вопрос Ленин сформулировал. Пусть думает, меня, слава богу, не при Луначарском, меня при Александре учили. Я даже помню, как это по латыни звучит: "*cui prodest?*"

Всем выгодно. Всем, кроме меня. Каких трудов мне стоило добиться назначения Фрунзе на пост наркомвоенмора после смещения Троцкого. Как я радовался, что все мои соратнички не обратили внимание на то, что занял он этот пост, не освободив всех остальных – оставшись и начальником Генштаба, и начальником Военной академии. Не увидели, убогие, что "нейтральный" Фрунзе будет осуществлять в армии и высшее руководство, и текущее, и кадровую политику. И не поняли, что он не просто нейтральный: его нейтралитет – дружественный. Товарищу Сталину дружественный. Есть такой термин в дипломатии – "дружественный нейтралитет", но соратнички так и померли, его не узнав – они кроме марксизма ничем не интересовались.

Хотя, конечно, не могли не интересоваться тем, что касалось их собственной шкуры. И не могли не увидеть, как готовился начать кадровую чистку "нейтральный" нарком. И как помогает ему в этом вчерашний троцкист Бубнов¹⁰⁵, ставший начальником Политуправления РККА. Уже не креатура Троцкого, а его, Сталина, креатура, Буденным предложенная. И, небось, окончательно все поняли, когда с подачи Фрунзе на пост зам наркома был назначен Котовский. Его, Сталина, друг, соратник и единомышленник.

А потому: сперва – Котовского, затем – Фрунзе, а на сладенькое – Сталина. Сперва – политически, затем – физически.... Но не удалось им реализовать свой замысел полностью, не по зубам я им оказался. Только нагадить удалось. Правда, по крупному нагадить.

Да, я смог поставить во главе армии Ворошилова. Но не на три поста – на один. И не факт, что на самый важный: нарком непосредственно армией не руководит, он это делает через Генштаб, который пришлось отдать Тухачевскому. А кадры подбирает через единственную тогда академию. Получившую имя Фрунзе, но оказавшуюся в руках не его, Фрунзе, ученика, а в руках сподвижника Троцкого, лесника-недоучки¹⁰⁶. Большого специалиста по подавлению восстаний, взятию заложников, публичным расстрелам... Тот еще знаток военного дела, но – неколебимый борец за дело мировой революции.

Всех их в тридцать седьмом к стенке поставили: и Тухачевского, и Эйдемана, и прочих Якиров-Уборевичей... А потом и других – Блюхеров, Корков, того же Бубнова – для порядка. Лишь в тридцать восьмом появилась возможность заняться армией всерьез. Двенадцать потерянных лет – вот чем была для страны смерть Фрунзе.

А в личном плане... Он мог мне и другом стать, уж больно похожи наши биографии. Соратнички этого никогда не понимали, они все больше на классовое происхождение смотрели. Что им с того, что этот человек все дореволюционные годы в России боевыми организациями командовал: сам стрелял, в него стреляли, каторги, одиночные камеры, смертный

¹⁰⁴ "Повесть непогашенной луны", написана и опубликована Борисом Пильняком в 1926 г.

¹⁰⁵ БУБНОВ Андрей Сергеевич (1884-1938), в 1924-29 г.г. – начальник Политического управления РККА

¹⁰⁶ Роберт Павлович ЭЙДЕМАН (1895-1937), в 1925-32 начальник и комиссар Военной академии им. Фрунзе. До революции учился в лесном институте (не окончил)

приговор... Что у такого может быть общего с жившими без риска соратничками? Кроме партбилета, конечно? А вот со мной, чрез строй прошедшим, с Котовским... Я это понимал еще до назначения Фрунзе, они и перед смертью вряд ли что-то поняли.

Cui prodest? Всем prodest, кроме меня. Но все равно на меня эти смерти пытаются свалить: и смерть Фрунзе, и смерть Котовского, и смерть Кирова. Умри сейчас Ворошилов – значит, и это я организовал. Почему я? А кто ж еще! Я ведь псих.... Многие так считают, даже Микоян и то в узком кругу говорит: с конца тридцатых Сталин – "совершенно изменившийся человек: до предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорит уже в третьем лице. По-моему, он просто спятил." Смешной человек: если б я спятил, ты бы сейчас не жил. Но живешь – значит есть остатки разума у твоего начальника.

Правда, я не просто псих, я – особый псих, параноик, этот диагноз мне сам Бехтерев поставил. Мне об этом, конечно, не сообщил, но трепался о моей паранойе на каждом шагу. Он вообще много каких диагнозов поставил: Ленину, например, сифилис мозга... И ему в двадцать седьмом диагноз поставили – отравление консервами. Небось, мои присные в эти консервы яду подсыпали... Например, его вторая жена, племянница Ягоды. По моему приказу, конечно: то ли за себя я обиделся, то ли за своего учителя.»

Когда Сталину доложили о поставленном ему диагнозе, он не преминул полистать кое-какую литературу ("словари всякие", раздел "щб" из его библиотечного классификатора) и имел определенное представление о психиатрии:

«А что – действительно параноик. Оба симптома налицо: "необоснованное недоверие к окружающим и повышенная восприимчивость". Интересно, как эти психиатры определяют: обосновано недоверие или нет? И относительно кого или чего повышена моя восприимчивость? Откуда им это может быть известно? С чего они взяли, что мы, большевики – одна команда, что у нас общие цели, задачи, идеалы, все – общее? Что никто из нас не рвется к высшей власти, и, следовательно, доверяет другим большевикам во всем и не ждет от них пакостей – крупных и мелких? Нет, это кто псих: реалист, понимающий чужую психологию, или идеалист, видящий в людях только себе подобных и не верящий в то, что кто-то здоровый может бороться за власть, не брезгуя ничем? Какие книжки в детстве эти психиатры читали? И какие в юности? Они вообще хоть что-то читали кроме собственных трудов? Где содержатся подобные определения:

"Психическое нарушение характеризуется подозрительностью и хорошо обоснованной системой сверхценных идей, приобретающих при чрезмерной выраженности характер бреда. Эта система обычно не меняется; она была бы совершенно логична, если бы исходные патологические идеи были правильны."

То есть, вся проблема в исходных идеях. Стало быть, идея власти как самоценности, или хотя бы как ценного инструмента для реализации своих целей, по их определению – патологическая. Люди без воображения... Люди без кругозора... Нет, чья это цитата, скажите, господа ученые?

"Люди без воображения не могут не только представить себе, но и поверить на слово, что есть другой соблазн, сильнееший, чем все соблазны мира, – соблазн власти. Ради власти совершались самые ужасные преступления, и это о власти сказано, что она подобна морской воде: чем ее больше пить, тем больше хочется пить"¹⁰⁷

Молчите? Не удосужились прочесть? Не согласны? Тогда хоть сделайте вывод, обусловленный вашей безграмотностью, а потому для вас естественный: во власти находятся либо параноики, либо – случайные люди. Это, по крайней мере, логично. А раз вы, психиатры, такого вывода не сделали, позвольте мне самому поставить вам диагноз. Очевидный диагноз – шизофрения. Один из вами же описанных симптомов которой (даже название помню – "когни-

¹⁰⁷ Александр КУПРИН. "Ленин. Опыт характеристики."

тивный диссонанс") налицо. Налицо те самые "затруднения с рациональным познанием мира, с восприятием, обработкой и анализом информации". Равно как и "проблемы с построением и осуществлением программы действий".

У меня этих проблем не было. Я знал и что делать, и как делать. И не стеснялся об этом говорить:

"Быть воздем-организатором – это значит, во-первых, знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки, во-вторых, уметь расставить работников..."

Двадцать четвертый год, можно сказать, ответ на слова Учителя:

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью".

Сможет, Владимир Ильич, сможет. Смог. По крайней мере, до войны вполне справлялся. И был не просто "достаточно осторожен" – был предельно осторожен. Все делал не просто чужими руками – совсем чужими. Сперва стал чистить партию (от ваших, товарищ Ленин, соратников, вы уж извините) руками Ягоды, затем – руками Ежова, и лишь когда решил остановиться (в массовом, конечно, плане), поставил над НКВД своего – Берия. "Освободителя" Берия.

И армию пытался очистить с помощью чужих – Фрунзе и Бубнова. Но тогда не удалось, по крайней мере, не сразу удалось. Все пришлось делать поэтапно, шаг за шагом. Сперва ЦК, затем ЧК, и лишь в конце – РККА.

И все из-за осторожности, моей осторожности. Не мог же я дать указание "чужим" Ягоде да Ежову (не говоря уже о Менжинском-Дзержинском) убрать от власти всю эту сволочь, что думала не о стране, а о мировой революции? Всех, кто видел в России лишь плацдарм для победы коммунизма во всем мире? Нет, не мог я дать такое указание, более того, я и от идеи мировой революции не мог публично отказаться. Да и зачем – ведь как удобно объяснить свою политику (внешнюю, в первую очередь) не державными интересами, а идеями Маркса?

А раз нет точных указаний, то не может быть и точности в их исполнении. Сколько лишних полегло – не сосчитаешь. Добро бы только лишних – нужных. Сейчас особенно нужных. И своих, и чужих.

Тем более, что и чужой мог стать своим. То, что не удалось Бубнову, Ягоде, Ежову, вполне получилось, например, у Вышинского. Меньшевик (до двадцатого года меньшевик!), сподвижник Ежова и Ягоды, но – умный. Понимал с полуслова, и делал все от и до. Без фанатизма, спокойно и качественно. Потому и жив, и при должности. Другой должности, но не менее заметной¹⁰⁸.

Но почистил ты страну с их общей помощью знатно. Заметно почистил. Так, что и за океаном заметили. А некоторые даже поняли причины.»

Союзники Сталина. Джозеф Дэвис

Сталин взял со стола листок с переводом статьи из американской газеты, свежей статьи из "Санди Экспресс" с гарвардским выступлением своего старого знакомого, бывшего посла в СССР Джозефа Дэвиса, и прочитал вслух:

"Совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне... Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены".

¹⁰⁸ Андрей Януарьевич ВЫШИНСКИЙ (1883-1954), в 1935-39 г.г. – прокурор СССР, в 1940-46 г.г. – зам. председателя Совнаркома и первый зам наркома иностранных дел.

«Спросили его, что он может сказать о наличии в СССР нацистской пятой колонны. Тут то он и ответил: *"Её больше не существует – все расстреляны"*. И далее по тексту...

А в самой речи (до вопросов еще) внятно произнес: *"мир будет удивлен размерами сопротивления, которое окажет Россия"*. Редкий оптимист, и все без экивоков, четко и внятно.»

Сталину было приятно вспоминать Дэвиса: и было что вспомнить, и не было от чего огорчаться. Именно то, что ему сейчас было нужно – отвлечься, успокоиться.

Первый посол США в России¹⁰⁹ ему мало запомнился:

«Обычный западный дипломат – улыбки на официальных приемах и гадости в донесениях.... *"Зловещие стороны сталинского режима"* и т.п. Хотя при его назначении Рузвельт явно хотел сделать мне приятное – ведь этот Буллит был мужем вдовы Джона Рида¹¹⁰, нашего друга. Правда, бывшим мужем, который вряд ли продолжал любить бывшую женушку (а уж ее первого мужа он и до развода вряд ли обожал). Польза от этого посла, конечно, какая-то была, при нем в тридцать пятом первое торговое соглашение между нашими странами заключили.... Но когда Рузвельт его через год во Францию отправил, я, прямо скажем, не огорчился.

И если нынешнего посла¹¹¹ куда-нибудь отправят, тоже не огорчусь. Постоянные протесты (публичные, официальные) против *"плохого обращения советских властей с американскими гражданами в Советском Союзе и на территории оккупированной Польши"*. И – ничего больше.

А вот когда был отозван второй посол, Джозеф Эдвард Дэвис (тот случай, когда помнишь и все имена человека, и его биографию), было очень жалко. Наш был человек. Отец умер рано, но был богатый дядя, помог с образованием. Стал Джозеф юристом, женился на дочери миллионера – не случайно женился. Не случайно потому, что был лучшим с точки зрения американского миллионера женихом – молодым, перспективным, здоровым. То есть *"здоровым в духовном и физическом отношении, здоровым по всему своему подходу к работе, к делу"*, – так я немцу Людвигу говорил лет за семь до знакомства с Дэвисом. Вместе со словами *"мы уважаем американскую деловитость во всем, – в промышленности, в технике, в литературе, в жизни"*...¹¹² И в поиске женихов для дочерей, но это не для интервью.

Не прогадал миллионер: зять его далеко пошел – и в политике, и в профессии. То успешной президентской кампанией Вильсона руководит, то комиссию по торговле возглавляет, то в гольф с Рузвельтом играет, то собственной адвокатской конторой командует. Не только банки с корпорациями консультирует – целые страны. Мексику, Нидерланды, Грецию....

Когда товарищу Сталину принесли досье на нового посла, он сразу решил познакомиться с тезкой (Иосиф, Джозеф – одно имя), произвести впечатление. И произвел – тот остолбенел, когда сразу после вручения верительных грамот Калинину меня увидел. Сам об этом написал в своем дневнике....»

Сталин достал из укромного места переводы дневниковых записей посла и зачитал вслух:

"...я просто остолбенел – в глубине комнаты открылась дверь и вошёл Сталин, с ним никого не было. Мне и в голову не могло прийти такое... Ни один дипломат не встречался с ним так, будь то в официальной или неофициальной обстановке. Фактически, он избегает встреч. Любая его встреча с иностранцем становится почти историческим событием.

Так вот, когда он вошёл, я, конечно, поднялся навстречу. Он тепло приветствовал меня, улыбаясь, держался очень просто, но одновременно величественно. Он производит впечатление человека сильного, собранного и мудрого. В карих глазах – тепло и доброта. Ребёнку бы понравилось сидеть у него на коленях, а собаке ласкаться у ног..."

¹⁰⁹ Вильям БУЛЛИТ (1891-1967), посол США в СССР в 1933-36 г.г.

¹¹⁰ коммуниста, автора книги про октябрь 17-го *"Десять дней, которые потрясли мир"*.

¹¹¹ Лоренс СТАЙНХАРДТ (1892-1950) или Лоуренс ШТЕЙНГАРДТ (современное написание), посол США в СССР в 1939-41 г.г.

¹¹² цитаты из интервью Эмилио ЛЮДВИГУ, данного Сталиным 13 декабря 1931 г.

«Ведь не для меня написал – для себя. Такого подхалимажа я и своим не позволяю – что про дитя на коленях, что про пса под ними. Подобное только для себя напишешь – от чистого сердца.

Впрочем, он мог догадываться, что не только для себя или для истории пишет. Ведь про наших "радиолобителей" они знали отлично: всем гостям посольства тамошние сотрудники выдавали открытки с предупреждением: мол каждая комната и сад прослушиваются советскими секретными службами. Еще бы не знать: соответствующие устройства постоянно обнаруживались посольскими в самых разных местах – в каминах, вентиляционных отверстиях, во внутренних перегородках. Но всего не найдешь, поэтому создавали американцы помехи нашим микрофонам, постукивали ложкой по металлу и стеклу во время секретных разговоров. Стукачи американские, смешные люди...

А в тридцать седьмом поймали нашего чекиста с поличным. Чекиста-педераста... Во всех смыслах слова педераста. Обнаружили посольские нишу для размещения микрофона, а вокруг – окурки. Характерные такие, со следами губной помады. Вспомнили сразу, кто из советской obsługi¹¹³ губы красит – и вычислили. А потом задержали на чердаке возле той самой ниши, но – по-тихому. Обошлись без официальных протестов – Дэвис запретил. Мол, помешает скандал выполнению его главной задачи: *"сгладить те противоречия, которые возникли в советско-американских отношениях во время пребывания на посту посла его предшественника"*.

Но кроме прослушки была и приглядка. Вся обслуга – советская, по большей части – чекистская, а не каждый чекист – извращенец...

Сталин вспомнил резиновый член, изъятый у Ягоды, слова про *мужеложство* в приговоре Ежова (*"действуя в антисоветских и корыстных целях совершал акты..."*), улыбнулся и добавил:

«Есть конечно и такие. Но мы с ними ведем постоянную и непримиримую борьбу.

А Дэвис – молодец. Редкий экземпляр капиталиста. На свои деньги посольство обустроивал, холодильники-морозильники всякие закупал, на своей яхте в Россию все привозил – и оборудование, и продукты. Причем, не только свою семью – посольских кормил.»

Сталин вспомнил, как ему доложили о вывозе какого-то секретного груза из американского посольства. Потом оказалось, что груз этот – скисшие сливки, почти полтонны. Слишком много оборудования посол установил, провода не справлялись с нагрузкой: электричество постоянно отключалось – бывало и на несколько дней, сливки этого не любят.

Вспоминать о Дэвисе было настолько приятно, что Сталин захотел продлить удовольствие: стал неспешно перелистывать листочки из "дэвисовской" стопки, обращая внимание на подчеркнутые цветным карандашом места:

"... на улице нельзя обнаружить каких-либо признаков нужды. Все выглядят прекрасно."

"...русским удалось сделать за 7 лет столько же, сколько Америке за 40."

"В советской практике планирования больше всех поражает смелость в принятии решений и упорство в их осуществлении."

«А как он о Тухачевском: *"Сталин избавился от своего корсиканца."* Наблюдательный – многое наблюдал и многое видел. Потому что под правильным углом смотрел:

"обвиняемые говорят правду, признавая свою вину в совершении тяжких преступлений."

"заговор существовал и подсудимые виновны. Они с юных лет вели подпольную борьбу, многие годы провели за границей и психологически предрасположены к заговорицкой деятельности."

Ну ладно, результаты индустриализации-коллективизации мог не увидеть только слепой (хотя слепых среди дипломатов больше, чем в глазной клинике), а поверить в то, что попытка

¹¹³ Слово "прислуга" в высших слоях советского руководства не употреблялось, его заменило слово "обслуга" (в быту) или "обслуживающий аппарат" (в официальном обороте)

может превратить подсудимого в великого актера, способен только идиот... Но Дэвис заметил и нечто большее, то, что не видит даже мое окружение: "Правительство отказалось от многих коммунистических принципов". Это лишь заголовок записи, а уж текст:

"Советское правительство отказалось, в силу необходимости, от многих своих коммунистических принципов. Идея "бесклассового" общества разрушалась и продолжает разрушаться на практике. Само правительство представляет собой бюрократию со всеми признаками класса: особые привилегии, лучшие условия жизни и т.п. Повсюду сверху донизу видны признаки классов. Писатели, художники, даже руководители джаз-ансамблей получают высокую компенсацию за свой труд и пользуются правами, которые дают деньги в виде роскоши и удобств.

В промышленности классы развиваются на основе принципа более высокой оплаты за более производительный труд. Видимо, коммунисты-теоретики, столкнувшись с реальностью, были вынуждены учитывать особенности человеческой психологии: личный интерес и награда за труд. "Бескорыстная" система производства, как выяснилось, ведет к застою.

Даже в армии бывшая идея братства офицеров и рядовых с ее простотой была замечена званиями, аксельбантами, эполетами, наградами и красивой формой, которые отличают один класс от другого.

Еще одним удивительным свидетельством отхода от старых коммунистических идеалов стало отношение руководства к вопросам семьи, развода, материнства, отечества и патриотизма. Идея мирового пролетариата и мировой революции отложена в сторону, чтобы освободить место для идеи националистической России. Для утверждения националистических принципов подключены огромные пропагандистские силы."

СССР до войны: новая идеология. литература, кино, образование, церковь

Еще какие силы. Лучшие. Только не пропаганда это, не агитация – результат труда людей с убеждениями. Своими убеждениями. Конечно, родившимися не на пустом месте и не без моего участия. Опять же, у людей, мной отобранных и облаканных.

Один Союз писателей чего стоит. Сколько ты времени на него положил? Личного времени – все эти встречи с поэтами и прозаиками у Горького, все это общение с самим Горьким, попытки примирить врагов и обрести друзей... И ведь ты его создал, этот Союз: своими методами, но их руками. Хотя, три последних слова – лишние: твои методы – значит, чужие руки.

Правда, была здесь и методическая особенность, эдакий нигилизм. Несвойственный тебе нигилизм. Сперва, как по совету тургеневского Базарова, место расчистил – РАПП ликвидировал, затем дал писателям два года пожить без собственной организации и лишь потом позволил им ее создать. Проявить, так сказать, разумную инициативу. Разумную: не зря ж ты два года с ними нянчился – ел, пил, тосты говорил.

Хотя, почему два года – целых девять лет ты выстраивал свою систему работы с писателями. В тридцать четвертом ты лишь завершил то, что начал в двадцать пятом. Когда своей рукой вписал в "литературное решение"¹¹⁴ указание "вместо разрушительной задачи ставится теперь задача положительного строительства, в которое под руководством пролетариата должны вовлекаться **все более широкие слои общества**". Хотя, о каком твоём указании могла идти тогда речь? Нет, ты, "секретаришка", просто добавил что-то свое в решение партии, тебе тогда неподвластной. И смог сохранить в тексте важные для тебя слова – про необходимость "поставить на службу революции техническую и всякую иную интеллигенцию"

¹¹⁴ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. "О политике партии в области художественной литературы". Оттуда и цитаты.

и про "величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом". А также весьма полезные оценки реальной деятельности тогдашних организаторов писательского дела: "тон литературной команды", "казенно-бюрократические псевдорешения", и, особо, "барство в литературе". Что может быть для "пролетария" страшнее обвинения в барстве? Разве что оценка его собственного творчества как "макулатуры и отсебятины".

Сталин с удовольствием вспомнил, как в 30-е годы рапповец Киришон поинтересовался его мнением о спектакле "Хлеб".

– Не помню такого спектакля.

– Как же, Иосиф Виссарионович, вы же его вчера смотрели? Мне, как автору этой пьесы очень важно знать ваше мнение.

– Все равно, не помню. В 13 лет я смотрел спектакль Шиллера "Коварство и любовь" – помню. А вот спектакль "Хлеб" не помню.

«В 30-е ты уже мог себе позволить публично оценивать конкретных людей и конкретные произведения. Это в двадцать пятом были только намеки – РАПП с его видными представителями ни в том решении, ни в твоих выступлениях даже не упоминался. Зато в тридцать втором ты уже мог позволить себе открыть карты и разогнать эту ассоциацию вместе с ей подобными – почти две сотни этих псевдомарксистских структур сидело на шее нескольких десятков владеющих пером людей. С ума сойти! Нет, действительно, была "опасность превращения этих 173 организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости". Посему и ликвидировали мы РАПП с прочими "раппообразными", предложив "объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей".

И проект нового решения¹¹⁵ ты правил куда серьезнее, чем тот, что был в двадцать пятом – одной фразой не ограничился. Не только по мелочи – по сути правил. Заменял "стоящих за политику советской власти" на куда более мягкое "поддерживающих платформу Советской власти", оставил "сочувствующих социалистическому строительству", но убрал продолжение – "и готовых его поддержать". А, самое главное, вычеркнул дополнение "действительно" к словосочетанию "советские писатели и художники": хотели, небось, мои присные сохранить за собой право определять: кто там действительно советский, а кто – притворяется. Фигушки, не им это решать – это моя обязанность. И право... Раз печатается в СССР – значит советский, раз не печатается – значит... Да что угодно значит, что мне угодно, то и значит...

И все два года, что жили писатели без своей организации, ты не вылезал из квартиры Горького, постоянно общаясь что с "пролетарскими" литераторами, что с обычными. Направлял, побуждал, объяснял, уточнял.

Они не знали, что тебе нравится, что – нет. Вот, Бабель, например, пытался обратить на себя внимание рассказом о своей встрече с Шаляпиным. Мол, какой он, Бабель, хороший, пытался уговорить певца вернуться в СССР, и какой Шаляпин плохой – отказался. По меркантильным соображениям отказался: "Большевики отняли у меня дом и автомобиль. Что мне делать в России?" Дескать, давайте, товарищ Сталин, вместе осудим этого невозвращенца. А я ему: "Мы, большевики, строим дома, наш автозавод начал выпускать автомобили. А Шаляпин всё равно гордость и голос народа". Приятно было глядеть на этого угодливого "конармейца": провалиться сквозь землю был готов, сам понял, что не угодил, а угодил... Куда не надо, угодил.

¹¹⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. "О перестройке литературно-художественных организаций", цитаты этого и предыдущего абзаца взяты из него.

Но и среди "пролетариев" были приличные люди – Катаев, например. Сын священника, ученик Бунина, в германскую войну – то ли прапорщик, то ли подпоручик, два георгиевских креста. Непонятно, правда, кем был в Гражданскую: что воевал – известно, а вот на чьей стороне... Хотя есть информация, что в одесской ЧК по белогвардейскому делу сидел и уцелел лишь по случайности. А в тридцатые уцелел уже не по воле случая – по моей воле. Сам, наверное, до сих удивляется – и старое дело не подняли, и нового не завели. А ведь хватало доносов, публичных в том числе. Но ты все ему простил: за четыре строчки, что ли? Что, вспоминал их, когда боролся со сторонниками?

*"Так что ж! Неужели же силы,
Чтоб снять этот тягостный гнет,
Чтоб сгинули все юдофилы,
Россия в себе не найдет?"*

Еще в гимназии написано. Да, потом поменял свои убеждения, но ему, пожалуй, всегда удавалось органично совместить старую любовь к "черной сотне" с приятием новых советских идей. Союз русского народа с Советским Союзом. Старое членство с новым гражданством. Друзей-евреев с антисемитизмом.

Такие вот "пролетарии" были в РАППе. Умеющие и себя сохранить, и власти помочь. Не только Катаев – хватало и других полезных рапповцев, Сурков¹¹⁶ например. Правильно он на первом съезде писателей сказал: *"не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полковых многотиражек"*. Наступило это время. И есть кому стихи писать. Да и многие старые сгодятся – стихи, повести, романы, фильмы. Есть организация, есть в ней люди – мои единомышленники. Два года я их отбирал и они сами себя отбирали. Отсеивали лишних.

А тогда я добродушно мирил всех со всеми, радуясь каждой своей неудаче. Вот, например, предложил помириться Фадееву с Авербахом: Фадеев руку протянул, а Авербах убрал свою за спину. Никому не понравилось – только мне. Я даже пошутил – с серьезным видом, как и положено: мол у Фадеева *"совсем нет характера. Зато он есть у Авербаха. Он может постоять за себя."* Можно было, конечно, усилить шутку, добавить – "у стенки", или заменить "постоять" на "посидеть", но это слишком примитивно. И не смешно.

В итоге новая парадигма появилась. Или парадигмы. Не попутчики – "пролетарии", а воспитанные – невоспитанные. Писатели – не писатели. Талантливые – бездарные. Катаев рядом с Шолоховым, Киршон – с Авербахом, Горький – над схваткой, в небеси, а Ставский¹¹⁷ – внизу, посерединке между спорящими. Не писатель – организатор, такие тоже нужны. Я даже специальное заседание Политбюро провел, дал этим рапповцем высказаться, сам меньше них говорил. Все демократично, правильно. И уважительно.

Как я их уважил, обласкал даже – *"инженерами человеческих душ"* назвал. Правда, не на Политбюро – в преддверии, на квартире Горького, двадцать шестого октября двадцать шестого года. Можно сказать, историческая дата, потому и помню. Именно в тот вечер я сформулировал суть их главного метода:

"Художник должен правдиво показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведёт её к социализму. Это и будет социалистический реализм".

А также пообещал этим "инженерам" материальную базу для реализации метода – литературный институт, писательский городок с гостиницей, столовой, библиотекой... А где горо-

¹¹⁶ Алексей Александрович СУРКОВ (1899-1983), член правления РАПП. Автор слов песни "В землянке" (1942 г.)

¹¹⁷ Владимир Петрович СТАВСКИЙ (1900-43), прозаик, в 1928-32 г.г. – секретарь Московского отделения РАПП, в 1936-41 г.г. – генеральный секретарь СП СССР. Инициатор гонений на Мандельштама, писал доносы на Катаева, Шолохова... Герой Халхин-Гола, Испании, Финской войны, погиб в бою в Великую Отечественную.

док, там и дачи, пруды с лебедями: догадались, небось, товарищи литераторы? И от радости некоторые перестали за языком следить.

Один сибирячок, Зазубрин кажется, стал меня хвалить-нахвалять, дескать "ходите в простых брюках и в простом костюме, у вас рябина на лице, но при вашей скромности и неброскости вы великий человек". Писатель называется, он бы еще про мою большую руку сказал, да про волосы рыжие, а к "неброскости" еще и "убогость" добавил. Но мало ему этого "комплимента", он еще меня стал с Муссолини сравнивать – мол у того есть "условный рефлекс на величие", а у меня нет. А поэтому не нужно рисовать меня "как членов царской фамилии, с поднятыми плечами"... Нет, он сам хоть понимал, что говорит? Какой такой "условный рефлекс на величие"? У меня один рефлекс – на дурака. Не условный – безусловный. Но он это вряд ли понял – даже когда у стенки встал¹¹⁸. Со связанными за спиной руками, а потому и поднятыми плечами.

Не надо иметь талант, чтоб понимать неуместность таких слов! Даже Павленко, не бог весть какой литератор, сразу заметил своему соседу: "Вот и позови нашего брата. Бред!". Не талантливый, но – понимающий.... И поэтому до сих пор пьесы пишет, даже один хороший фильм по его сценарию поставили – "Александр Невский". Он за него мою премию получил, и не простую – первой степени. Вместе с Эйзенштейном, Черкасовым, Абrikосовым.»

Сталин помнил список лауреатов своей премии 1941 года. Первый список, поэтому попасть в него можно было не только за прошлогодние заслуги, но и за достижения последних 6-7 лет. Хоть проект списка готовил специальный комитет, решения выносил он лично.

«Еще бы – первый раз, все-таки. Да и деньги не государственные – свои, кровные, гонорары за зарубежные издания моих трудов. Самая конвертируемая русская литература – сочинения товарища Сталина. Поэтому и премия – Сталинская.

В итоге – двенадцать разделов¹¹⁹ (от А до М), только первых премий четыре десятка, а лауреатов по памяти не сосчитаешь: и по десять человек на одну премию приходилось, и по одному.

Хотя, никто не в обиде: сто тысяч рублей, даже если на десять поделить – все равно большие деньги. Я таких и в руках не держал – ни ста тысяч, ни десяти. Директора заводов со стахановцами по две тысячи рублей в месяц получают, а тут...

Так что все были довольны: я – в первую очередь. Товарищ Сталин и сейчас этими списками доволен: это же его ума результат – сбалансированность.

Вот, например, в кинематографе было десять первых премий и шестнадцать фильмов-лауреатов. Один – про современность, две комедии, два национальных, семь революционных и четыре исторических¹²⁰. Кто бы мог подумать еще семь лет назад, что за исторические фильмы будут премии вручать? Что их вообще будут ставить – ведь тогда даже в школе историю не проходили?! И уж каким воображением нужно было обладать, чтоб представить, что цари да князья в советских фильмах будут выглядеть положительными персонажами? Невский, Петр, Суворов, Пожарский – положительные герои? Да, то же самое, но без знака вопроса.

Не все таким воображением обладали, мягко скажем, не все. Да не только воображением – соображением. Взять Бедного, хотя бы. До середины тридцатых нес всякую чушь про русскую историю, публично нес, то – в стихах, то – в доносах. Писал нам, например, что памятник

¹¹⁸ Редактор литературно-художественного отдела журнала "Колхозник" Владимир Яковлевич ЗАЗУБРИН (1895-1937) был расстрелян за принадлежность к диверсионно-террористической организации правых

¹¹⁹ Здесь речь идет только о Сталинских премиях в области литературы и искусства, тогда же, в 40-м, были введены и Сталинские премии в области науки, военных знаний и изобретательства

¹²⁰ соответственно "современный" – «Трактористы» (1939); "комедии" – «Цирк» (1936) и «Волга – Волга» (1938); "национальные" (грузинские) – «Арсен» (1937) и «Великое зарево» (1938); "революционные" – «Чапаев» (1934), «Щорс» (1939), «Юность Максима» (1934), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1938), «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1938); "исторические" – «Александр Невский» (1938), «Пётр I» (1938), «Минин и Пожарский» (1939) и «Суворов» (1940)

Минину и Пожарскому нужно выбросить, а их самих – забыть. Я его тогда назвал *"Иваном, не помнящим своего родства"* и добавил, что *"историю мы выбрасывать не можем..."* Про то, что его, Бедного, мы выбросим без всякой жалости, я ему, правда, не сообщил, но он и сам мог догадаться. Благо я еще в тридцатом ему писал (писал – не говорил!), что все его последние произведения, – это *"клевета на СССР, на его прошлое, на его настоящее..."* Но он, дурак, небось, по-прежнему считал, что *"Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что лень и стремление сидеть на печке является чуть ли не национальной чертой русских вообще"*. И думал, что это можно делать публично: осмеять, например, в своем дурацком либретто крещение Руси. И не в двадцатые, при иудушке Троцком, а в тридцать шестом, при товарище Сталине! Не получилось: его опера *"Богатыри"* вылетела с репертуара, а сам он – из партии.

И никогда его произведения не окажутся в списке лауреатов моей премии. Не место его опусам рядом с *"Петром"* Толстого, *"Севастопольской страдой"* Сергеева-Ценского и *"Тихим Доном"* Шолохова. Короткий, кстати, у литераторов список получился. И не сбалансированный совсем: два исторических романа и один – контрреволюционный. Ничего веселого, современного и революционно-военного. Что ж, нет у меня других писателей, да и кино поважнее литературы будет. Не только потому, что так Ильич считал (он ведь еще и про цирк говорил)... Нет, книжки да статьи можно и в войну печатать, это со съемками в войну могут быть трудности. Значит, запас фильмов нужен.

И есть этот запас. Вот *"Невский"*, например – что может быть сейчас актуальней? А что я в тридцать девятом запретил его показывать – так по понятным же причинам. Запретить – запретил, но через два года – наградил. За три месяца до начала войны. Умному достаточно. А фильм сейчас опять во всех кинотеатрах идет, люди под музыку Прокофьева на фронт идут. *"Вставайте люди русские, вставайте на бой с немцами..."* – из всех громкоговорителей разносится. Да и три месяца назад, как газету *"Правда"* с утра открыли, так сразу, небось, в памяти зазвучало: *"на родной земле, на родной земле не бывать врагу"*. Гениальный композитор, что тут скажешь, как я его с премией обошел, сам не пойму. Но не страшно, у него все впереди¹²¹. Если, конечно, новый немецкий удар отразим и оба живы останемся.

И если научимся бороться с вражеской пропагандой. Обнаглевшей в конце пропагандой, радиопропагандой. Под Москвой ее услышать можно, а уж рядом с передовой....

И никто из наших разведчиков-контрразведчиков, чекистов, мать их..., мне не доложил. Нарком связи доложил, а нарком внутренних дел – нет. Если бы я не отправил за день до войны Пересыпкина в Прибалтику, и если бы он возвращался оттуда на поезде, я бы вообще ничего об этом не знал. Но за ним машину выслали, из кремлевского гаража машину – где радиоприемник установлен. Вот он его и включил. И вместо последних известий услышал антисоветчину (*"страшную антисоветчину, товарищ Сталин! Клеветают, что Красная Армия разбита и через несколько дней германские войска будут в Москве!"*), *"Зиг! Хайль!, Хайль! Гитлер!"*, фашистские марши... На многих частотах слышал. И как приехал, на следующий день мне доложил.

Молодец нарком, наблюдательный. Надо его начальником связи РККА поставить – с сохранением поста наркома¹²². Сейчас вся связь на армию работать должна – как и весь тыл.

А бороться с вражеской пропагандой все равно придется, одним изъятием радиоприемников не обойдешься¹²³. Еще неизвестно, как Гитлер в России себя поведет. Если будет как

¹²¹ Всего Сергей ПРОКОФЬЕВ получил 6 сталинских премий

¹²² Нарком связи Иван Терентьевич ПЕРЕСЫПКИН (1904-78) был назначен начальником управления связи РККА 22 июля

¹²³ по постановлению СНК СССР *"О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств"* от 25 июня 1941 г. вся эта техника подлежала сдаче в 5-дневный срок "на временное хранение"

Наполеон в церквах лошадей размещать, людей грабить, колхозы в своих целях использовать – одна ситуация, а если будет вести себя иначе, то ...

Но не важно, принципиально не важно. "*Мы не рабы, рабы не мы*" – каждый наш человек еще из букваря знает, с младых ногтей... Должно до сердца дойти.

История нашей страны тоже должна в сердце у каждого быть. Не важно, по учебнику ее учили, или по фильмам, книжкам художественным – всякий должен помнить о том, что защищает великую страну. Страну с тысячелетней историей, страну Суворова, Кутузова, Петра, Минина, Пожарского, Невского, Донского. Страну, что всех побеждала – и французов, и немцев, и шведов, и турок, и монгол с татарами. Последних, правда, скорее поглотила, чем победила, но это не важно – результат тот же.

В 34-м я велел (да, именно велел, в первый раз, наверное, попробовал велеть) ввести историю в школьный и вузовский курс¹²⁴. И учебники потом лично смотрел – чтоб все правильно было. Исторически правильно, диалектически, воспитательно. Зачем, например, детям знать, что никаких великих побед кроме победы над Наполеоном, Россия последние полтора века не одерживала? Или о том, что флот Российский был хорош лишь при Орлове да Ушакове? Да, о поражениях говорить надо, но с объяснением – во всем цари виноваты. А армия у нас всегда была великой, все и всегда ее боялись. Каждый должен знать слова времен Екатерины "*без нашей воли ни одна пушка в Европе не выстрелит*". А знать, что стреляли эти пушки (да еще как стреляли!) не обязательно. Интересно, была ли известна эта фраза Робеспьеру, Марату, Дантону? Вообще, знали ли они о самом существовании в России этой императрицы? Или о том, что она – великая? И считались ли они с этим? Наверное, придется ответить "нет" на все эти вопросы – иначе бы не было массовых казней знати с помощью артиллерии.

Но это – не нужная информация. Правильная, но – нецелесообразная.»

Сталин ухмыльнулся. Он уже говорил эти слова – на встрече с редактором "Смены", вызванного к нему на ковер для (как, наверное, этот редактор думал) строгой проработки. Было за что прорабатывать: опубликовала ленинградская газета злой фельетон на Демьяна Бедного, описала его рвачество – и денег в два раза больше положенного требовал, и свои вирши сразу в несколько газет-журналов посылал.

«Все бы ничего, но статью эту на Западе перепечатали, против нас использовали. Демьян мне лично жаловался. Но я не стал ругать газетчика, просто объяснил ему – на будущее:

"Правильный ли это фельетон? Правильный. Мы давно знаем, что Демьян любит деньги. Ещё до революции в "Правде" мы никому не платили, а ему платили. Целесообразно ли было печатать фельетон? Нецелесообразно. Не всё, что правильно – целесообразно.

Вот, например, Горький приехал из Италии. Мы знаем, как он себя вёл. Плохо вёл. Есть материалы о его ошибках и плохом поведении. Правильно ли это? Правильно. Но целесообразно ли сейчас вспоминать об этом? Нет, нецелесообразно. Так что фельетон печатать не следовало".

Но Бедный с той поры перестал получать за строчку пять рублей, стал получать по два с полтиною – как все. А последние несколько лет вообще ничего не получает, говорят, свою библиотеку по частям распродает. Бедный Ефим Придворов: бедствует, последние ефимки считает – но при дворе живет, в кремлевской квартире¹²⁵.

Но Бедного не за стяжательство наказали и даже не за бездарность – за неуважение к русской истории и русскому народу. Не только ему характерное – даже Бухарчик, вроде умный человек, всякие гадости на эту тему писал. Например, о том, что единственным русским, пре-

¹²⁴ Из решения Политбюро от 20 марта 1934 г.: "*Считать необходимым создание к июлю 1935 г. следующих учебников: 1) История древнего мира, 2) История средних веков, 3) Новая история, 4) История СССР, 5) Новая история зависимых и колониальных народов.*"

¹²⁵ имя Демьяна БЕДНОГО при рождении – Ефим ПРИДВОРОВ, ефимки – старинные русские монеты.

одолевшим такую "универсальную черту" русского национального характера, как обломовщина, был Ленин.

Пришлось ответить старому другу – через передовицу "Правды". Без подписи, но авторство всякому понятно было. Хотя бы по названию "Об одной гнилой концепции". Да и по тексту:

"Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей "концепции" как это "нация Обломовых" могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять, как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов".

Тридцать шестой год, особый год. Год, когда пришлось самым внимательным образом изучать итоги новой политики в области образования. То, что в школе стали преподавать историю, это даже не полдела, так – разминка. Что успели сделать созданные в том же тридцать четвертом исторические факультеты ведущих университетов? Какие кадры там подготовлены, какие труды там написаны? Кто и что преподает – вот в чем суть.

И дело не в том, что Покровский¹²⁶ со своими учениками не сочли должным отразить роль товарища Сталина в истории – ну, не только в этом... Дело в том, что эта "Школа красной профессуры" со всеми ее основателями и выходцами способна лишь поливать грязью все, что было в стране до революции. Зачем новому поколению такая история? Зачем ему обсасывать кровавые дела Петра и Иоанна, зачем ему слушать или читать всякую чушь про борьбу пролетариата против буржуазии в древнем Новгороде? Нет, Покровский, может, был и прав, когда писал, что "история ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет", но тогда и знай свой шесток! Ты что, политик? Нет, ты не политик, ты бывший политик, сейчас ты – обслуга. Вот и обслуживай политиков, спрашивай их мнение, а еще лучше – думай сам, догадывайся, что политикам нужно. Но он помер, так этого и не поняв, хорошо, что его ученики оказались попонятливее. Тот же Шестаков, что написал в тридцать седьмом новый учебник, смог догадаться: стране нужен патриот, а не коммунар без страны и национальности. Что в преддверии войны нужно мобилизовать традиционные национальные чувства, а потому школьник должен изучать национально-исторические традиции, военные традиции – не только классовую борьбу. Да, этот шестаковский учебник не бог весть какой получился, но свои задачи решает.¹²⁷ Вместе с "Кратким курсом истории ВКП (б)".

Но кроме вопросов "кто", "что", есть и вопрос "как". И ответ на этот вопрос был один – омерзительно. Школами руководили не учителя, не педагоги – педологи, подарок Луначарского. Интересно, он дружил с Тухачевским? Ведь спала сводная сестричка наркома с будущим маршалом¹²⁸, почему б и мужикам не подружиться, не начать советоваться друг с другом? В самом деле, близкие люди: политику вели одинаковую, обоим нравилось все новое, современное – именно за то, что новое, современное. А вот как это новое будет работать, и вообще – будет ли оно работать, их особо и не интересовало. Вот Тухачевскому хотелось вооружить армию совершенными автоматами – а поскольку их создать не удавалось, ни одного автомата в РККА при нем не появилось. Или – хотелось ему, чтобы каждая пушка могла стрелять и по танкам, и по самолетам, а в итоге не производились при нем ни полевые пушки, ни зенитки. Зато почти запустил в серию какой-то небывалый автожир с пропеллером наверху – штука, может быть, и полезная, жаль, только, постоянно падала. Если взлетала, конечно.

¹²⁶ Михаил Николаевич ПОКРОВСКИЙ (1868-1932) – руководитель Института красной профессуры и зам. наркома просвещения, создатель т.н. "школы Покровского". После смерти его учение было объявлено "антимарксизмом и вульгарным социологизмом".

¹²⁷ Андрей Васильевич ШЕСТАКОВ (1917-41), ученик Покровского, автор школьного учебника "Краткий курс истории СССР".

¹²⁸ была любовная связь или нет – неизвестно, известно лишь о наличии соответствующих слухов

А вот Луначарскому нравилась педология. Идея, конечно, неплохая – объединить с педагогикой медицину, биологию и психологию, а результаты этого симбиоза использовать в школе... Но это в случае, если есть результаты. Или, хотя бы, есть симбиоз.

Но какое там... "Универсальной наукой, призванной направлять все стороны учебно-воспитательной работы", чушь сия была лишь в буйном (точнее – вредительском) сознании ее адептов. Объявив педагогику "эмпирикой и наукообразной дисциплиной", они взяли на себя обязанности "направления всего учебного процесса с точки зрения педологизации школы и педагога". Ладно бы на самом верху – нет, в каждой школе имелась своя организация педологов, представители которой занимались "воспитательной работой". Воспитывать они, конечно, не умели, но лезли к школьникам и их родителям с дурацкими анкетами и тестами, чтобы потом, по сомнительным результатам своих экспериментов, отправлять ребятишек в "специальные школы и классы для детей трудных, умственно отсталых, психо-невротиков". И хоть мы разрешили им создать две-три такие школы на всю страну, они плодили их десятками. А еще осуществляли "контроль за политическими воззрениями" учителей и школьников с родителями, занимались "определением профессии оканчивающих школы" а также "педологический возраст и степень умственной одаренности" дошкольников. "Форменное издевательство над учащимися", "противоречащие задачам советской школы и здравому смыслу", – так, кажется, говорилось в нашем постановлении?¹²⁹ И не только это говорилось, было там и о "вредной деятельности" и о "преступной безответственности", и о "невежестве руководителей", и о "вопиющем невнимании" с "головотяпском пренебрежением к делу". На целый приговор набралось.

А он и был, этот приговор. Расстрельный приговор. Нет, там не было про невежество и головотяпство: за это у нас расстреливать нельзя – дураков на Руси жалеют. У нас за глупость не стреляют, у нас стреляют за шпионаж, вредительство... Вот и умер Бубнов¹³⁰ не дураком – врагом народа. Странно даже, почему я не заметил это слабоумие, когда с его помощью боролся с троцкистами в армии? Хотя, как заметить: начальник Политического управления РККА тогда просто выполнял мои указания, у наркома же просвещения был самостоятельный участок работы. Вот и показал себя. Дураком показал. Посему простым педологам было предложено стать педагогами, а их начальнику – полизать сковородки в аду. Вряд ли его на облачко определили и арфу в руки дали – не та музыка получится.

Хотя, в православии рай и, особенно, ад не очень подробно описаны. Это у католиков целое учение на сей счет имеется, но что нам до католиков. Их у нас пятьсот тысяч всего, а православных – сорок один миллион с хвостиком. С немалым, должно быть, хвостиком – не все же участники переписи в тридцать седьмом честно сообщили о своем безбожии.

Вопрос о вере по моей инициативе в переписную анкету был включен – как знал... Остальные не догадывались о бесплодности насаждения безбожия: посмотрели – прослезились. И начали мне записки писать: сперва Маленков, затем Ежов... Мол, добить гадину, запретить РПЦ, религиозные общества... Что ж, гадину добить надо, только троцкистскую гадину. А священников и так постреляли достаточно – тысяч восемьдесят, пора остановиться. Точнее, остановить.

Вообще-то, я еще в тридцать третьем это торможение начал. Правда, не со священников – с храмов.»

Сталин вспомнил принятое тогда решение Политбюро.¹³¹

¹²⁹ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. "О педологических извращениях в системе наркомпросов". Оттуда и цитаты.

¹³⁰ Нарком просвещения БУБНОВ Андрей Сергеевич (1884-1938), арестован в 37-м.,

¹³¹ от 12 сентября 1933 г.

"В период с 20–30 гг. в Москве и на территориях прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей. На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры и русского зодчества. Органы советской власти и рабоче-крестьянской милиции обязаны принимать меры вплоть до дисциплинарной ответственности по охране памятников архитектуры древне – русского зодчества.

«Впервые громко притормозил – по тихому я и раньше охлаждал пыл всех этих гонителей. Вместе с Калининным, которому Ильич с Троцким предписали быть главной публичной фигурой в борьбе с церковью ("с попами", как они говорили). Еще бы: один из немногих русских в высшей власти, при Ильиче – так просто единственный.»

Сталин вспомнил мятую, плохо отпечатанную листовку, полученную от чекистов в начале тридцатых. На листке этом было нарисовано что-то вроде речки с высокими берегами: на одном стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, на другом – он, Енукидзе и не то Микоян, не то Орджоникидзе. Под рисунком текст: *"И заспорили славяне, кому править на Руси"*:

«Интересно, как перекосило бы рожи авторов этого творения, если бы они знали, что мой сын сказал моей дочери (под большим секретом сказал!), что *"в молодости наш папа был грузином"*? Прошла молодость, не бесследно, но прошла. Ваш вождь (или ваш враг) – русский. Грузинского происхождения русский. И православного. Калинин это чувствовал (и чувствует), потому и адресовал свои слезные письма именно мне: мол, помоги, мол, спаси, мол, нет моих сил... Отмени расстрел этих, отмени расстрел тех... Если мог – помогал... А когда возможность мочь расширилась, стал это делать не по просьбе Калинина – по своей инициативе. Главное, чтоб вопрос созрел.

Как я объяснял молодым – Кагановичу, Кирову, Микояну – почему терплю в ЦК троцкистских недобитков: *"С таким делом торопиться нельзя. Во-первых, может быть, они ещё остепенятся и не доведут нас до необходимости исключения как крайней меры, во-вторых, надо, чтобы партия поняла необходимость исключения"*. Примерно тоже самое мог бы сказать и о причинах своего долготерпения всех этих антипоповских "штучек".

Партия должна понять. А для этого она должна постоянно меняться – и в своих низах, и в своих верхах. Низы соответствовать верхам, верхи – низам. И все должно соответствовать главному верху. А главный верх – остальным верхам и низам. Постепенность, плановость, здравый смысл. Если верят, что Бухарин – шпион, значит могут поверить, что и Сталин – изменник. Делу революции, марксизму-ленинизму, пролетариям всех стран... Пока цел последний партийный оратор, есть шанс, что поверят. Так ликвидируй этот шанс – вместе с оратором. Ораторами...

А потом можешь вести свою политику – с оглядкой, конечно, на массы, с разъяснениями, со ссылками на учение Маркса-Ленина.... А когда в число отцов-основателей учения добавится твоя фамилия, то не просто ссылайся – создавай ссылки на будущее. Такая вот комплексность в работе. Твой стиль, товарищ Сталин.

И в тридцать девятом ты подписал тобой же написанное (ну, надиктованное) решение. Невозможное раньше решение¹³²:

"Вопросы религии. В отношении к религии, служителей Русской Православной Церкви и православных верующих ЦК постановляет:

"1. Признать нецелесообразным впредь политику органов НКВД СССР в части арестов священнослужителей Русской Православной Церкви, преследования верующих.

¹³² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1939 г.

2. *Указания товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за №136666 "О борьбе с попами и религией", адресованное пред. ВЧК тов. Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК – ОГПУ – НКВД, касающиеся преследования служащих Русской Православной Церкви и Православно верующих – отменить.*

3. *НКВД провести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью. Освободить из – под стражи, заменить на наказание, не связанное с лишением свободы, осужденным по указанным мотивам...*

4. *Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих к иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.*

Секретарь ЦК И. Сталин."

Невозможно было раньше отменять указания Учителя. По тихому не выполнять – можно, но вот чтоб публично (пусть и секретно) – невозможно. Не всякий решится – здесь смелость нужна. Твоя смелость!

Главный удар: новое направление. Информбюро, Павлов, глупость, предательство.

Только вот где она сейчас? Скоро сутки, как прячешься от всех на даче, трубку не берешь. Сам только один раз позвонил – Жукову, чтоб Павлова в Москву вызвал. Пора ему ответ держать – за Минск, за Белоруссию, за убогое сопротивление врагу на главном направлении его удара.

Главное направление... Пять дней назад мне в голову не приходило, что немец выберет главной целью Москву, а вот теперь не стесняюсь говорить о своей ошибке – при свидетелях не стесняюсь. А куда деваться – ошибку исправлять следует. Не только мне – всем. Целые армии перебрасывать на московское направление – сотни тысяч людей с техникой... По забитым железным дорогам, по вставшим железным дорогам. Тот же Ковалев¹³³ должен знать не только свою задачу, но и осознавать ее важность. Потому и сказал я ему, при десятке людей в своем кабинете сказал: *"Мы считали, что немцы главный удар нанесут через Украину с целью захватить хлебную житницу, донецкий уголь, а потом и бакинскую нефть. Но они наносят главный удар на западном направлении. Через Минск, Смоленск на Москву. Нами даны указания перебросить две армии с Украины на угрожаемое направление."* Перебрасывает, с полторы сотни эшелонов на пустом месте собрал – эх, если б наши полководцы знали свое дело, как этот железнодорожник. А ведь он тоже военный, просто прикомандированный к НКПС, давным-давно прикомандированный. Может, зря его на гражданку – лучше бы в Академию Генштаба отправили. А потом – в войска.

Да, ошибся я с главным направлением, но только ли я? Они же умные – немцы; почему предпочли столицу страны ее закромам? Что, не читали Толстого, не изучали наполеоновский опыт, не узнали ни слов Александра, ни слов Кутузова? Что, хотите думать, что мы – Франция, что в России вам тамошний опыт пригодится? Так хотите, что закрываете глаза на некоторые русские особенности? О "дубине народной войны" не слышали? И на карту СССР не смотрели – не поняли, что нам есть куда отступать? И не смекнули, что с каждым днем отступления нас будет больше, а вас – меньше?

Может, они на другое надеются? Как их Шиллер сказал *"Россия может быть побеждена только самими русскими"*.... Что, ждут переворота? Заговора? Массового предательства? Надеются на то, что советский солдат перестал быть русским? Зря надеются, не перестал. И

¹³³ Иван Владимирович КОВАЛЕВ (1901-93), в начале войны – зам. наркома Госконтроля по ж/д транспорту, с 8 июля 1941 г. – начальник Управления военных сообщений Красной Армии.

заговора не будет: Чека – не русская жандармерия, там на результат работают. Все под контролем.

Глупые ваши надежды: победим мы – несмотря ни на что, победим. Слишком сильные у нас помощники – наша территория, ваша самонадеянность.... Глупость, точнее. Вы лишь по мелочам умны, а в целом – параноики в чистом виде, все у вас правильно и логично кроме исходных "патологических" идей. Да, после войны, точнее, после моей смерти, найдутся идиоты, которые будут смеяться над тем, что я не верил в войну, ибо Германия не запасается "зимними" вещами. Бараньими полушубками, в том числе. Нет, потомки, глупым будет ваш смех – над Гитлером надо смеяться. Не дойдут его войска до Камчатки в тонких шинельках – под Москвой замерзнут. Или под Свердловском. И танки их не дойдут – нет у них зимнего топлива. Если, конечно, разведка моя в очередной раз не ошиблась....

Эх, разведка, разведка, даже думать о ней не хочется. А о чем хочется? О сдаче Минска? О Павлове сотоварищи?

Нет, как чувствовал, еще двадцать второго июня в семь утра чувствовал. Именно тогда дал указание Пономаренко¹³⁴ "начать сбор сведений о положении противника через местные партийные органы". Мол, "не удовлетворяет меня получаемая от военных информация". Получаемая, какая к черту получаемая – просто не надо ему знать, что ничего я от Павлова не получаю....

А от белорусских большевиков теперь получаю. Вот, из Гомеля пишут:

*"Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу"*¹³⁵.

Благодаря таким командирам белорусским коммунистам приходится подпольные обкомы-райкомы возглавлять да партизанскими отрядами командовать. Не только белорусским – украинским, российским... Вот что мне из под Смоленска прислали, по своей инициативе прислали:

"Убедительно просим Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА ударить по паникёрам и всем, кто способствует порождению паники, приняв необходимые меры в отношении местных партийных и советских органов, в частности, по Смоленской области, ибо если дальше каждый командир или руководящий советский партийный работник начнёт заниматься эвакуацией своей семьи, защищать Родину будет некому".¹³⁶

"Эвакуацией своей семьи...". Если б только эвакуацией – просто бегут, забыв о семьях, детях, долге, чести. Как зайцы бегут. Так бегут, что трибуналы не справляются. Еле успевают в московские инстанции свои смертные приговоры отправлять, а потом положительные ответы читать. А уж расстрельные команды небось со счета сбились – если вообще учет "исполненных" ведут.¹³⁷

Но Павлова на месте судить нельзя. И по закону, и по здравому смыслу.... Хотя, какая тут разница – все наши законы на здравом смысле построены. Моем здравом смысле....»

Сталин вспомнил, как смеялся, узнав прохождение фразы "Да торжествует право и да погибнет мир":

«Не юристом сказано – императором. И не римским – германским. Опять же, лет через семьсот после крушения Рима. Наши интеллигентики эту фразу с восторгом декларируют, глазки закатывают, думают, что она к римскому праву отношение имеет. Никакого отношения

¹³⁴ Пантелеймон Кондратьевич ПОНОМАРЕНКО (1902-84), 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии

¹³⁵ Письмо секретаря Гомельского обкома Ф.В. Жиженкова:

¹³⁶ Письмо от штаба обороны города Ельня (Смоленская область)

¹³⁷ В соответствии с "Положением о военных трибуналах...", введенным 22 июня 1941 г., приговоры к высшей мере наказания направлялись в Верховный суд и прокуратуру СССР, и если в течение 3-х суток эти инстанции не отвечали, приговор приводился в исполнение. "Нерасстрельные" приговоры вступали в силу без утверждения.

– ни к Риму, ни к праву. Что для императора закон? Его воля по важным общим вопросам, выраженная в письменной форме. *"Да торжествует моя воля и да погибнет весь мир"* – вот правильный перевод этой *"fiat justitia et pereat mundus"*. Ничего парадоксального – только мир крушить не надо. Но я ж не Фердинанд какой, я ж в историю войду не за одну фразу...

А за одно поражение... Нет, не будет поражения: Гитлер свой шанс не использовал, не пошел на Кавказ – значит, будет победа. Не сразу, не сейчас, лет через пять, дай бог, но – будет.

Немец пока не по России идет – по ее пограничью. По "инорусским" землям – так, кажется, их называли? И воюет не с настоящей русской армией – с армией, составленной из инородцев. Но, главное: бьет он не полноценную армию – армию мирного времени. В которой нет и пяти с половиной миллионов человек, а в каждой дивизии – не более десятка тысяч.

Сотни полнокровных немецких дивизий с опытными солдатами и офицерами налетели двадцать второго на сорок недоформированных и неопытных советских. Прошли первый эшелон обороны, с ходу навалились на второй, затем на третий... И не я виноват, что не было над этими эшелонами никакого руководства, никакой координации. А в том, что не успели мы превратить РККА в армию военного времени, вообще никто не виноват – кроме Гитлера, разве что. Не могли мы увеличить ее на шестьдесят процентов, а каждую дивизию – на сорок¹³⁸. Только всеобщей мобилизацией, то есть, по Шапошникову – принятием ответственности за агрессивную войну. За войну, к которой мы не готовы.

Но сейчас мобилизационный план приведен в действие. С поправкой на потери приведен. Пять миллионов мобилизовано только за эту неделю, и продолжается эта мобилизация. Военным все права на прифронтовых территориях предоставили, партийно-политическая работа в войсках усилена мобилизацией коммунистов с комсомольцами, трибуналы, опять же, в военном режиме работают. Не только трусов в военной форме судят, но и гражданское отребье. Директорам тоже дополнительные права предоставили – привлекать подчиненных к сверхурочным работам. С компенсацией, конечно – в полуторном размере компенсацией, чтоб никому обидно не было. Отпуска отменили, тоже с компенсацией. Эвакуация вроде нормально идет, как и уничтожение того, что не успевают эвакуировать. Военное Информбюро правильно создали, вовремя¹³⁹, да и за газеты не стыдно....

И Левитан, опять же, сводки правильно читает. Не говорит – мобилизует. Жаль, что сводки плохие (как над ними не работай), но и в этом есть светлая сторона – звереет народ, правильно звереет. Плакатики всякие появились, с дурацкими, в общем-то словами, но пока и так сойдет. А, может, и не сойдет – пора к этому делу подключать серьезных поэтов.... А халтурщиков отправить на фронт: в дивизионные газеты – максимум. Вот, Маяковский, не самый любимый мной поэт, но – поэт. Уж давно нет ни его, ни Моссельпрома, но до сих пор помнишь *"нигде кроме, как в Моссельпроме"*. Не эти вирши:

"Врагу солнце не погасить, советский народ не победить",

"Кто с врагом дружен, тот Отчизне не нужен",

"Враг повсюду рыщет, в душу лазейку ищет",

"Враг хитёр, в нём звериная злоба: бди и гляди в оба",

"Мы врагов били, бьём и будем бить: так мы жили, живём и будем жить",

"Кто за Советскую Родину бьётся, тому сила двойная даётся",

"Кто не верен чести, тому смерть на месте",

¹³⁸ по мобилизационному плану (МП-41 февраля 1941 г.) по штатам военного времени в РККА должно было служить 8,68 млн. человек (служило же 5,45 млн. чел.), а в ее дивизиях – минимум по 14 тыс. человек (менее 10 тыс. чел.)

¹³⁹ Речь идет об Указах Президиума Верховного Совета Союза ССР *"О военном положении"* (от 22 июня), *"О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время"* (от 29 июня), о постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР *"О создании и задачах Советского Информационного Бюро"* (от 24 июня), о постановлениях ЦК ВКП(б) *"О мобилизации коммунистов и комсомольцев"* и *"О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества"* (оба от 27 июня) и о директиве ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей (от 29 июня)

*"Коммунистом быть – народу служить",
"Красная Армия не одна – с нею вся родная страна",
"И один в поле воин, если по-советски скроен".
"У советского солдата и рукавица – граната"....*

... а сноровка – винтовка. Также бездарно, но – актуально. Дожили, винтовок не хватает, пополнение вооружать нечем. Не самозарядных СВТ – обычных трехлинейек, мосинских, драгунских, образца 1891 года под патрон образца 1908... С империалистической миллионов десять осталось, с тридцатого их в модернизированном варианте не меньше выпустили (по две тысячи в день!) – на всех должно было хватить. С какого похмелья эти жомини недоделанные разместили склады возле границы? С оружием для резервистов? Зачем размещать на переднем крае миллионы винтовок? Вредительство? Глупость? И то, и другое? Сколько дураков, трусов и паникеров приходится на одного воина? *"По-советски скроенного"*? И сколько честных бойцов становятся трусами и паникерами из-за нескольких дураков-генералов?

Что делать с этими дураками? Стрелять? Понятное дело, стрелять – но за что? За шпионаж, заговорщицкую деятельность и вредительство? Или за глупость, халатность и нераспорядительность?

Не философские вопросы. И не дурацкие – важные, практические. Приземленные даже, но – с прицелом на будущее.

Что должны понять мои генералы, когда прочтут приговор в адрес своих коллег? Что не надо шпионить? Что не надо вредить?

А они этого не знают? И не знают, как готовятся такие приговоры? Как выбиваются наказания? В особенности, если суд проходит в закрытом режиме?

А он и будет закрытым – не в Колонном зале пройдет. Тот суд, что Павлова к стенке поставит. Не одного Павлова – Павлова с подельниками, но не это принципиально. Принципиально, не кого – за что. И что: что будет фигурировать в приговоре перед словами "к исключительной мере наказания – расстрелу"?

Этот Павлов, он же боевой генерал, Герой Советского Союза, главный теоретик танкового дела, бывший начальник Автобронетанкового управления РККА! Действительно герой – начальства не боялся, директив не выполнял, для повышения боеготовности вверенных ему частей ничего не делал – для противодействия тем же танкам противника, в том числе. Мол сам с усам, три высших военных образования, пять войн за плечами¹⁴⁰. И такие результаты – дал немцам за неделю пройти пятьсот километров. По территории, по которой вообще наступать невозможно – сплошные болота да чащи. Зато разместить в чащах и болотах артиллерию (как финны делали, он с этим лично сталкивался) – проще простого, все дороги под сплошным контролем оказываются. Но не прикрыл Павлов дороги, артиллерию разместил черти где, зенитки так вообще все под Минск упрятал. А наши предвоенные директивы просто в задницу засунул. Даже более чем конкретное указание, выполнимое без труда указание, распоряжение о переносе штаба ЗОВО на специально оборудованный командный пункт фронта¹⁴¹ и то не исполнил. Пять дней торчал в Минске, непонятно о чем думал и чем думал... Не мог же не знать, что защищенные линии связи протянуты не к столице Белоруссии, а к этому КП. В итоге полное отсутствие связи штаба с войсками и как следствие – разгром Западного фронта.

Мои орлы, конечно, будут шить ему с подельниками пятьдесят восьмую. Пусть попытаются, вдруг в самом деле заговор? Но они не получают особых прав, допрашивать будут без излишеств. Признается (с фактами, подробностями, вещественными доказательствами) – одна

¹⁴⁰ Павлов окончил Омскую высшую кавшколу, Академию им. М. В. Фрунзе, академические курсы Военно-технической академии; участник Первой Мировой и Гражданской, воевал в Испании, Финляндии и на Халхин-Голе

¹⁴¹ в Обуз-Лесны

ситуация; не признается – другая. Тогда и придется решать, как поступить. Может, настало время и за глупость отвечать? Официально отвечать?

Дурак на большом посту – особый дурак. Даже не вполне дурак, в целом – так даже умный. Если его по Фрейду разложить (читали, знаем...), то сознательное – слабое, а бессознательное – сильное. Все время подсказывает сознанию, как себя вести. Не объясняя – все равно не поймет. Умный человек как говорит: я подумал, я придумал, я проанализировал... А дурак – особый, "умный" дурак – говорит: мне пришло в голову, что-то мне подсказывает... Начитанный дурак еще и на интуицию ссылается. А вот когда окажется такой при должности, достаточной ему должности, он уже на бессознательное внимания не обращает, сознательным руководствуется. И получается... Сданный Минск получается, немец рядом со Смоленском получается, постановление ЦК получается – о вывозе из столицы всего, что хранится в Алмазном фонде и Оружейной палате.¹⁴²

А ведь много в твоей армии таких дураков. Должно быть много. Как военного в мирное время проверишь на соответствие должности? А никак: это про директора завода все понять можно, по результатам работы его предприятия понять можно; военные же в мирное время не воюют – имитируют только. Потому и рвутся "умные" дураки в военной форме к высшим должностям: благ много, а ответственности – никакой.

Но сейчас война, можно ввести эту ответственность. За глупость ответственность. Что б другие дураки остерегались на высокие посты карабкаться. Что б подсказывало им их бессознательное – не лезь. И чтобы слушали они свое бессознательное: не от ума – от страха слушали. И чтоб особо глупые не надеялись: я ж не шпион, меня серьезно не накажут.

Бог даст день, бог даст пищу. Завтра Павлова начнут допрашивать, вот окончат¹⁴³, тогда и подумаем про глупость. Про войну и глупость...

Способствует война глупости, даже умные люди в войну такое вытворяют... Вот Молотов, собирает на совещания по три десятка человек, произносит длинные речи, потом дает всем высказаться... На три-четыре часа отрывает от дела наркомов и их заместителей, в военное время отрывает. А когда ему Микоян с Берией замечания делают, мол "*началась война, обстановка требует и оперативных решений, и оперативных заседаний*", обижается на своих товарищей. А ведь правы товарищи, и по сути, и по личному опыту – тот же Микоян на своей комиссии¹⁴⁴ не разглагольствует, людей от дела не отрывает, все делает быстро. И оперативность Берии в подтверждениях не нуждается.

Каганович же отмочил, так отмочил – отправил двадцать третьего июня директиву о подготовке плане капиталовложений на развитие дорог западной части СССР. Оптимист хренов...

Ну и ты хорош: его, дурака, на следующий день поставил возглавлять Совет по эвакуации. Наш главный орган пока воевать не научимся – а ты его под Лазаря... Помнишь, что Горькому в тридцать четвертом сказал? А теперь себе то же самое скажи: нет у меня для вас, товарищ Сталин, других руководителей. И застрелись. Записку можешь оставить: "Кадры решают все. Нет кадров – нет решения. Кроме одного. Того, что я сейчас принял."

Параноик. Нервнобольной. Нет проблем с кадрами, не может быть проблем. Каждый директор завода – кандидат в наркомы, хороший кандидат, проверенный, успешный. Тыл – не армия, тыл в мирное время не бездельничает, не изображает деятельность. На каждого руководителя дело есть, где не только доносы лежат – отчеты о выполнении планов, о внедрении новой техники, о создании новой техники... Реальные люди – под любую задачу выбрать можно. И Кагановичу замену найти не проблема, да и его наркомату как таковому. Но не надо

¹⁴² Постановление ЦК ВКП(б) от 27 июня "О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля"

¹⁴³ Следствие было окончено 16 июля, в этот день Павлов был предан суду военного трибунала,

¹⁴⁴ на Комиссии Бюро СНК СССР по текущим делам, образованной 23 июня для принятия решений по неотложным вопросам, в составе Вознесенского, Булганина и Микояна

на мелочи размениваться – надо структуру создавать. Структуру войны, структуру победы, где все будет: и армия, и тыл, и взаимодействие армии с тылом. Быстро создавать, но – без спешки. Как всегда, как ты умеешь, как тебя Ленин учил: *"Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натывать" на эти общие вопросы."*

И пока не решены новые "общие вопросы", идущую по железным дорогам эвакуацию в рамках прежней общей схемы должен возглавлять нарком путей сообщения – то есть Каганович. Справится, тем более ему первый зам подыскан, Микоян: и подстрахует, и подправит, и подтолкнет – не в первый раз. Многостаночник: пища, боеприпасы, эвакуация, а надо – еще чего-нибудь поручу. Справится, потому и жив, хоть ведет себя не очень правильно. То гадости про меня говорит, то в моем доме пытается свои порядки установить, выделиться. В доме, где принято сидеть со всеми, пить по полной, тосты не пропускать, уходил на час-полтора из столовой – трезвел, видите ли. Но это раньше было, теперь вместе со всеми сидит. После того, как я ему сказал: *"Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть..."* Но это так, для порядка: пусть будет всех умнее – мне только лучше.

Пусть даже будет умнее меня. Пусть.... Жаль только, что все они умны задним числом. Что б ему мне не возразить двадцать четвертого, когда я поручил выделить *"3 тыс. тонн муки и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР¹⁴⁵"*. Сказать мне, что это мы немцам выделяем... Прущим как на дрожжах...

Прут немцы, прут – со скоростью Наполеона прут. Минск взяли, Днепр форсируют, глядишь, к сентябрю дойдут до Москвы. Что ж, может и дойдут. А, может, и не дойдут. Скорость-то, на самом деле, не наполеоновская, двадцатый век все-таки, танки, поезда, грузовики... Наполеон-то пешком шел, а вы на технике прете.... Встанет ваша техника, и что дальше? А она встанет, встанет обязательно, не хватит вашим танкам моторесурса до Москвы без ремонта прокатиться. И это не разведка докладывает, это настоящие специалисты определили, инженеры. И не анализ это – результат полевых испытаний. Так что график Бонапарта вам придется скорректировать – на месяц минимум. А скорее всего – на два. К морозам к Москве подойдете, а на морозы ваша техника не рассчитана. И люди ваши не рассчитаны: не знают, как сопли ледяные из мерзлого носа выковыривать.

К тому же, есть один интересный вопрос: почему так мало у Гитлера генералов с опытом войны против русских? Ведь все они были в империалистическую офицерами, все воевали, но почему подавляющее большинство нынешних генералов служило именно на Западном фронте? Случайность? Не бывает таких случайностей, есть только одно объяснение: трудно сделать военную карьеру, когда воюешь с русскими. Как они сами в ту войну говорили: *"На востоке воюет пехота, а на западе – артиллерийские бригады"*. А еще про *"ночные сражения"*, *"рукопашные схватки"*, *"лесные бои"*. Вот и предпочитали нынешние генералы Западный фронт Восточному, и кто мог – реализовал это предпочтение. Ведь нельзя стать генералом только за военные способности, здесь и другое умение нужно – отстаивать свои личные интересы перед начальством.

На самом деле, не такие уж плохие умения: если о карьере не думаешь, то карьеру не сделаешь. *"Плох тот солдат, кто не мечтает быть генералом"*? Нет, солдат, может, и не плох, а вот командир, что не мечтает об этом (не просто мечтает – думает, как им стать), вот он – плох. Пусть мечтают: могут даже не думать о том, как подняться в должности – война их сама поднимет. Сегодня хороший взводный – завтра ротный, сегодня хороший ротный – завтра батальонный... И так до дивизии, до корпуса, до армии, до фронта....

Сейчас и дураку понятно, кто из военных хороший, а кто – так себе. Воюют – не парады проводят. Потому и нет пока хороших военных, а вчерашние лучшие – сегодняшние средние.

¹⁴⁵ Цитата из постановления Политбюро от 24 июня

То есть плохие. Вон, 99-я стрелковая, лучшая в КОВО, а по мнению Тимошенко – во всей РККА. Ну и что сейчас про эту дивизию слышно? А то же самое, что и про другие дивизии – дезертирство, предательство, бегство от противника; восемьдесят человек, отказавшихся стрелять в немцев, сами расстреляны перед строем. И не потому, что ее командир (Власов, кажется) на повышение пошел – не в этом дело. Дело – в отсутствие разумных критериев оценки воинских формирований в мирное время. Их нет и быть не может – это война всех по местам составляет. И не на пьедестал почета – в позорную яму. Где у всех одно место – последнее. В грязи...

Нет, до чего доходит! Ладно, когда призывники с наших новых территорий предают, для многих из них это и не предательство вовсе. Что для них СССР, что для них Россия? Чужая страна, враждебная даже. Но вот такая история (Сталин взял со стола сводку и неспешно зачитал подчеркнутый красным карандашом абзац):

"28.6.41 г. старший политрук Григоренко в составе роты был выделен на охрану моста через реку Березина. Григоренко зашел под мост, откуда продолжительное время (пока его не обнаружили) вел стрельбу из автомата по нашим зенитным установкам и работникам НКВД. Его обнаружили замаскированным, стоящим по пояс в воде, с венком на голове. При аресте Григоренко оказал сопротивление... Органами НКВД старший политрук Григоренко расстрелян".

Если политруки, коммунисты, способны стрелять в своих товарищей, честно выполняющих воинский долг, то чего можно ждать от всех этих свежепризванных западников? Нет, не прав был Дэвис, не всю пятую колонну я уничтожил. Есть над чем работать, будет над чем работать. Вот окончится следствие по Павлову, Мерецкому, Рычагову, Штерну, прочим негодьям, появится информация, тогда и поработаем.

А сейчас одно понятно: зря мы в феврале сорок первого превратили особые отделы в армейские структуры. Армия должна быть под внешним контролем, под чекистским. И саму Чека зря разделили на НКГБ и НКВД. И комиссаров зря после Финской войны в замполитов превратили. Что ж, скоро повод появится – вернемся к прежней системе¹⁴⁶.

И к русской армии вернемся. Не по названию – по сути. К армии, где не западные хохлы с западными белорусами и прочими прибалтами, а русские будут большинство составлять. И просто русские, и русские украинцы, и русские белорусы, и русские грузины с евреями... Люди, привыкшие жить в России, люди, для которых эта страна – Родина. С большой буквы Родина, с большой буквы Отечество. Название не принципиально, но слово Россия мы теперь будем употреблять почаще. Может, даже почаще, чем СССР. А "русский" – чаще чем "советский".

Русские будут воевать за Россию. А еще, "за нас будут воевать наш климат и наша зима", – так кажется Александр французскому послу сказал? Да, так сказал, а кроме того произнес: "француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его". Что тут добавишь? Нет, можно добавить – за нас будет воевать и наш тыл. Мною созданный, мною развитый.

Тыл: индустриализация и западные фирмы

Мною созданный... Нет, дарагой, Троцкий начал его создание – ты лишь продолжил. Не к тебе – к "Иудушке", председателю Реввоенсовета, обратились в двадцатом немцы с предложениями о налаживании долговременного военного сотрудничества. Через турок обратились, через Энвер-пашу. А "Иудушка" не к тебе обратился, он через своих действовал – на "пре-

¹⁴⁶ 16 июля, в день окончания следствия по делу Павлова, был восстановлен институт военных комиссаров, ликвидированный в 1940 г. А на следующий день, 17 июля, трети управления НКО и НКГБ были объединены в управление особых отделов НКГБ. НКГБ вошло в состав НКВД 20 июля.

дателей" Уборевича и Карахана¹⁴⁷ опирался. И неплохо поработали эти "предатели", вместе с Красиным¹⁴⁸ конечно. Правильно тогда Уборевич говорил: *"немцы являются для нас единственной пока отдушиной"*. А мы – для них, это и их Сект¹⁴⁹ понимал: *"только в сильном союзе с Великобританией и Германией есть перспектива вновь обрести положение великой державы"*. Потому и проявили инициативу первыми – от нас требовалось только откликнуться.

Откликнулись, конечно, тут даже думать было не о чем – все сами предложили. Сами создали при своем военном министерстве специальное подразделение¹⁵⁰, затем – консорциум своих банков. Подразделение дает России военные заказы, консорциум их оплачивает, от нашей стороны всего-то требуется – привлечь для исполнения заказов немецкие фирмы по указанию этой структуры, и гарантировать непосредственное участие немецких сотрудников при выполнении ее заказов в России. Могли и не требовать: нам самим все это было выгодно – и выбор немцев принимать, и их инженеров у себя задействовать. А вот выгодно ли это было немцам? Вряд ли.

Юнкерс, например, покинул нашу страну без штанов. Сам небось, удивлялся, как такое может быть: целый завод в Москву перенес¹⁵¹ и ни копейки за это не получил. По миру бы пошел, если б немецкое правительство его фирму не спасло. Но сам виноват: думай, когда договор заключаешь – над каждым пунктом думай, с моих (да, тогда уже моих) ребят пример бери. А у тебя только инженеры хорошие, за что тебе большое спасибо – и завод создали, и наших инженеров многому научили.

Но Юнкерсу еще повезло – в наших тюрьмах не сидел. Как его соотечественники, электротехники – пришлось им отдуваться по "Шахтинскому" делу. Нет, недолго они сидели: кого-то оправдали, кого-то наказали условно – все в Германию вернулись. Без денег, но что им до денег: главное – живы. Пятерых их собратьев по несчастью расстреляли (наших граждан, конечно), так что было чему радоваться. Я между прочим, был против расстрелов, но Бухарин с Рыковым смогли убедить других членов Политбюро. Такие вот были времена: кому – демократическое обсуждение, кому – расстрел, а кому – просто отказ в оплате. Их работодатель¹⁵² кстати, тоже ни пфеннига не получил.

Но не со всеми немцами мы так обошлись. С теми, кто нам делал пороха и боевую химию, нарезал оружейные стволы, отремонтировал наш единственный прокатный стан, наладил у нас производство гранат и артиллерийских снарядов мы, все же, расплатились¹⁵³.

И с некоторыми американцами мы тоже поступили по товарищески. Пока это было можно, пока были деньги. У нас были, а у них – не было.

Вот тому же Кану, Альберту Кану¹⁵⁴ платили, года полтора платили. Когда наш человек к нему в двадцать девятом пришел, он сидел без дела, вот и принесли ему заказ – на проектирование Сталинградского тракторного завода. Не просто ему было согласиться, у нас тогда в США¹⁵⁵ даже посольства не было – один "АМТОРГ"¹⁵⁶. Он даже время на размышление взял,

¹⁴⁷ Расстрелянные в 1937 г. военачальник Иероним Петрович УБОРЕВИЧ и дипломат Лев Михайлович КАРАХАН

¹⁴⁸ Леонид Борисович КРАСИН (1870-1926), профессиональный инженер, в 1920-м году – нарком торговли и промышленности РСФСР, в 1923-25 г.г. – нарком внешней торговли СССР

¹⁴⁹ главнокомандующий сухопутными войсками Веймарской республики генерал Ганс фон СЕКТ, он же – Ханс фон ЗЕКТ (1866-1936).

¹⁵⁰ "Зондергруппу Р"

¹⁵¹ Завод по производству цельнофюзеляжных самолетов, размещенный в Филях, в корпусах Русско-Балтийского завода (впоследствии – завод им. Хруничева)

¹⁵² электротехнический концерн AEG

¹⁵³ Соответственно с компаниями Stolzenberg, Carl Walter, Mannesmann и Friedrich Krupp

¹⁵⁴ основатель и руководитель детройтского проектного бюро "Albert Kahn, Inc"

¹⁵⁵ я в курсе, что до 50-х эту страну крайне редко называли "США", употреблялись (в т.ч. в официальном обороте) сокращения САСШ или САШ, но не хочу отвлекать читателей от сути архаичной аббревиатурой

¹⁵⁶ частное акционерное предприятие, выполняющее функции торгового и дипломатического представительства СССР

сорока миллионами побрезговал, думал... А пока думал, Великая депрессия началась. Тут уж не до брезгливости: капиталист все-таки – додумал, согласился. Не на один проект согласился, на целый пакет проектов – в два миллиарда долларов ценой. Стал нашим главным консультантом по промышленному строительству, хорошим консультантом.

Полтыщи с лишним объектов мы с его помощью построили. Три тракторных (считай, танковых) завода, два автомобильных, три станкостроительных, пять литейных, пять механических, один подшипниковый... А еще четыре прокатных стана, семь кузнечных цехов, одну теплоэлектростанцию...

А этот Кан, на самом деле, и не проектировал вовсе – просто переносил в нашу страну готовые проекты американских заводов с американским же оборудованием. Был посредником между нами и западными компаниями. Именно западными, не только американскими – то немцев привлечет, то итальянцев.

И, что особо важно, наших инженеров учил. Учил нашего брата с помощью своего брата, Морица кажется, возглавившего "Госпроектстрой". Непринципиально, чем была эта структура, советским учреждением или филиалом фирмы Альберта: главное – эта организация стала крупнейшим промышленно-архитектурным бюро мира. Кузница заводов и кузница кадров: на двадцать пять американских инженеров приходилось две с половиной тысячи наших, а всего с четыре тысячи советских людей через "Госпроектстрой" прошло.

И этот "...строй" был не единственным, и Кан не был единственным. Самым заметным – может быть, но одним из многих. Например, появилось и существует до сих пор Центральное бюро тяжелого машиностроения, филиал немецкой фирмы¹⁵⁷ изначально. Или артиллерийское КБ-2 – хоть и померло, но в преемниках живо¹⁵⁸....

Но не только в подобных проектных структурах набирались уму-разуму наши инженеры: большинство из них получало нужные навыки в процессе конкретной работы – непосредственно на "великих стройках". И инженеры, и рабочие. На той же Магнитке американцы на строительстве первой печи консультировали все виды работ, на второй – только монтаж, на третьей – совсем какую-то мелочь, а вот четвертую домну мы построили сами. И если шахта первой печи была возведена за два с половиной месяца, то четвертую строили лишь двадцать дней. На первой стройке трудилось тысяча рабочих, на четвертой – двести. За считанные месяцы почти в двадцать раз повысилась производительность труда, и все это – на глазах самих работников. Важный политический момент: люди без всякой пропаганды стали верить в себя, в страну, в реальность планов, а значит, и в вождей, эти планы формулирующих. Стали верить в будущее и в себя в этом будущем.

А вожди стали верить в свой народ. И когда кончились деньги (а кончились они почти сразу), мы спокойно отказались от продления контракта с Каном, применив наш "немецкий" опыт к американским фирмам. Благо внешторговцы так освоили науку казуистики и крючкотворства, что ни один суд в мире не мог бы признать бесосновательность советской позиции – позиции отказа от оплаты контрактов. В самих контрактах изначально закладывалась возможность предъявить такие претензии подрядчику, что не мы – он становился должником. Как только основная работа была проведена, как только наши люди могли ее продолжить без иностранцев и их оборудования, подрядчиков посылали куда подальше. Вежливо посылали...

Объекты же продолжали строиться – на базе советского оборудования. Разработанного на Западе, но производящегося на советских заводах. И совершенствующегося советскими

в США

¹⁵⁷ ее учредителем была компания Demag

¹⁵⁸ создано по договору между компанией Rheinmetall и Всесоюзным оружейно-арсенальным объединением. В 32-м было объединено с сугубо отечественным КБ-1 в КБ ВАОО (с 33-го – ГКБ-38). В 1933-м по инициативе Тухачевского репрофилировано (фактически – расформировано), но все заводские КБ, куда ушли вчерашние конструкторы КБ-2, можно считать его преемниками.

инженерами. Я понимал, изначально понимал, что покупать завод "под ключ", не получая при этом технологий, позволяющих развивать этот завод, приводить в соответствие с новыми требованиями выпускаемую там продукцию – полная глупость. Это путь не в будущее, это путь в прошлое, царское прошлое. Путь к вассальной зависимости от Запада. Не дождутся. Да, все крупнейшие стройки в СССР были западными, международными проектами, но результат этих строек – советская промышленность. И советские кадры этой промышленности: люди, не нуждающиеся в западных подсказках, люди, способные самостоятельно развивать и совершенствовать вверенные им заводы и цеха. Инженеры и организаторы производства, уверенные в себе, в своей стране, в советской научно-технической школе.

Но не все были такими – уверенными; от многих пришлось избавиться. Я ж не Моисей: я не могу ждать сорок лет, пока без посторонней помощи помрут те, кто наиболее ясно видел все эти капиталистические аспекты социалистической индустриализации. Нет у меня сорока лет, пришлось ускорить их переход в мир иной. То есть практически всех, кто закупал оборудование для наших строек или непосредственно контактировал с главными консультантами. Можно сказать, из крупных фигур один Завенягин остался. Дельный и небрезгливый: может и с американцами работать, и заключенными командовать. Опять же, не ерепенится: предложил ему Молотов возглавить Норильлаг – сразу согласился, не стал ждать, когда его арестуют вместе с коллегами по строительству Магнитки¹⁵⁹. Дай ему бог сил, никель нам сейчас не просто нужен – как воздух необходим.

Нам много чего нужно. Да, все у нас, в принципе, есть, но – в принципе. Не хватает никеля для производства стали и боеприпасов, сурьмы для металлургии, серы для взрывчатки, меди, резины... Но это довоенная ситуация, сейчас она меняется на глазах. Не в лучшую сторону меняется.

Прет немец, прет. А мы эвакуируем, эвакуируем.... Заводы, а не месторождения. Кадры, а не посевные площади. На что рассчитывать? На кого рассчитывать? Кто нам все это восполнит? Союзники?

Союзники СССР.

Союзники? Союзник – помочь нам может лишь Америка. Англичане, может, и рады предоставить нам помощь, но у них нет ресурсов. Ни денег, ни сырья, ни техники. А то, что у них есть, им самим нужно, необходимо даже. Так что Черчилль нам не вполне союзник, он, скорее, наш помощник, наш лоббист перед Америкой. Своеобразный лоббист, посредник, отстаивающий не наши – свои интересы. Но понимающий, что его интересы пока совпадают с нашими. Пока мы были нейтральными, он нам мешал, но с началом войны будет помогать – в установлении хороших отношений со своим другом Рузвельтом.

Как до войны пытался поссорить меня со своим врагом, с Гитлером. Подло действовал, цинично. Пока не стал премьером, постоянно встречался с нашим послом, поддерживал нашу политику – и по Финляндии, и по Прибалтике. Сам предлагал в качестве нашего союзника и себя, и свою страну; мы были, конечно, не против, но Вячеслав правильно говорил Майскому про Черчилля и его команду: *"Вы можете при случае заявить, что советское правительство сочувствует их желанию, но, так как теперешнюю политику Англии определяют не указанные лица, то СССР не видит в данный момент благоприятных перспектив в этом деле"*

¹⁵⁹ Авраамий Павлович ЗАВЕНЯГИН (1901-56), в 1933-37 г.г. директор Магнитогорского металлургического комбината, в 1938-41 г.г. – начальник Норильлага, созданного для строительства горно-металлургического комбината в Норильске. В 1941-52 г.г. – первый зам наркома внутренних дел, осуществляющий в том числе общее руководство строительными подразделениями НКВД.

Правда, те, кто определял политику Британии, тоже хотели с нами подружиться. Тот же врач¹⁶⁰ говорил Майскому: "...в английских правительственных кругах сейчас наблюдается большая растерянность и незнание, как лучше подойти к советскому правительству с тем, чтобы восстановить более дружеские контакты". Черчилль же знал, как подойти, он первым делом не о себе говорил, а о своей стране. О том, что она выйдет из войны победителем "не только в силу своих гораздо больших ресурсов, но также и в силу свойства своего национального характера, который в обстановке мира делал из англичанина несколько изнеженного, зажиревшего сибарита, но в обстановке войны превращает его в злого бульдога, берущего мертвой хваткой свою жертву".

Придя во власть, он, конечно, сохранил свои убеждения, свою веру в победу. Уже не Майскому, всем англичанам с парламентской трибуны вещал: "Мы пойдем до конца. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем охранять наш остров, чего бы это нам ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на месте высадки, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах. Мы никогда не сдадимся." Но не только англичанам была адресована эта речь – нам и американцам. Последним, конечно, в первую очередь: чтобы помнили – не островком единым Британия исчерпывается. Главное, что есть у Британии – флот его величества и сила его подданных. Понятная американцам логика, очень понятная: они до сих пор с правительством Виши сотрудничают – лишь бы французский флот Германии не отошел. Де-факто, де-юре – не важно, те же сто итальянских подводных лодок не Гитлеру подчиняются, но считать их приходится вместе с пятьюдесятью пятью немецкими. Мягко скажем, солидная прибавка. А с французским флотом уже не прибавка – полное превосходство получится. В особенности, если британский флот будет потерян.

Но убеждения – убеждениями, а поведение – поведением. Нехорошо стал вести себя Черчилль, став премьером, нечестно. Постоянно предлагал нам пойти на сотрудничество, тайное сотрудничество, такое, чтобы Гитлер не узнал – но вся информация о секретных переговорах тут же сбрасывалась в прессу. Для Гитлера сбрасывалась. А Майского (непонятно, почему он Черчиллю разонравился, может, стал казаться слишком умным?) так просто решил уничтожить – обвинили его присные нашего посла в утечке конфиденциальной информации. И публично, и непублично – по всякому.... В сороковом году.... Думали, что раз поверил Гитлеру, то поверю и им? Чушь.... Не знаю, верю я в бога или нет, я другое знаю: человек не есть надлежащий объект веры. Или (как у Белинского): "вне религии вера есть никуда негодная вещь". Потому Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Майский даже – объекты не веры, а анализа. В общем, послал Вышинский бриттов с их доносами куда подальше....

Так что пришлось Черчиллю по-прежнему с Майским работать, иногда даже его советы слушать. Как двадцать второго июня – учел же он в своей речи пожелание посла, "придать еще более решительную форму, чем это имело место первоначально, непримиримости британского правительства в вопросе о продолжении войны до полной победы над Гитлером".

А нам – по-прежнему получать разумные оценки Майского: "Черчилль живет в уверенности германской атаки на Украину и ждет, что тогда СССР, как "спелый плод", сам упадет в корзину Англии".

Размечтался, фантазер английский: СССР, может, и спелый плод, но не для вашей корзины... Да и нет у вас ни корзины, ни приманки – слова одни.

Примерно год назад Рузвельт оценивал британские шансы на выживание как "один из трех". Не скажи¹⁶¹ Черчилль о том, что если даже Англия будет завоевана, ее военно-морской флот станет защищать империю, вряд ли американцы стали бы им помогать.

¹⁶⁰ Уже упоминавшийся в предыдущей главе министр здравоохранения ЭЛИОТ

¹⁶¹ 7 августа 1940 года

Помогли, хорошо помогли – в обмен на столетнюю аренду военно-морских и военно-воздушных английских баз в Западном полушарии. Аренда эта в любом случае останется, а вот останется ли Англия с ее флотом? В том же мае немецкие подводные лодки потопили судов вдвое больше, чем можно построить на английских и американских верфях вместе взятых. Несколько таких месяцев – и ни флота, ни Англии. Небось, на чудо надеялись? Не зря надеялись – произошло это чудо.

Дурацкое, невозможное – нападение Германии на СССР. Останется теперь Англия на свете – с нами вопрос. И другой вопрос тоже есть – придется ли нам падать в американскую корзину? Ту, где уже барахтаются англичане?

И что важно – они готовы нам эту корзину предложить? И когда? Пока не предлагают: двадцать второго их Госдепартамент заявил всего лишь, что США помогут русским, поскольку Германия представляет собой большую угрозу. Не забыв напомнить, что коммунистическая диктатура так же недопустима, как и нацистская диктатура. Мол, в бою между *"сатаной и Люцифером"* мы участие принимать не хотим, но поддержим все же менее опасного сатану.

А через два дня, меньше, чем неделю назад, сам Рузвельт на вопрос о возможной помощи России ответил весьма своеобразно: *"Задайте мне какой-нибудь другой вопрос"*. Его же подчиненные разъяснили: официальных просьб от советского правительства не получали.

Хотя, навстречу нам они все же пошли. Без всяких просьб со стороны СССР разморозили почти сорок миллионов наших долларов в их банках и разрешили своим кораблям вести товары в *"неокупированные советские порты"*.

Спасибо, конечно, тридцать девять миллионов – большие деньги, но как они станут себя вести, получив нашу просьбу? Официальную просьбу – о предоставлении военных товаров на сумму один миллиард восемьсот миллионов долларов? В кредит на пять лет?

И можно ли рассчитывать на их, как его, *"сдавать взаймы в аренду"*? При таком переводе лучше английскими словами говорить – *"ленд-лиз"*. Простая схема и объяснение простое, Рузвельтом данное: мол, в доме у соседа пожар, а у вас есть садовый шланг. И вы готовы его отдать соседу, но *"вы не будете его спрашивать перед этим: «Эй, сосед, мой шланг стоит 15 долларов и вы должны мне заплатить 15 долларов за него». Мне не нужны эти 15 долларов, я хочу, чтобы после тушения пожара мой шланг вернулся ко мне"*.

На семь миллиардов долларов Британия по этой схеме товаров получит. А сколько получим мы? По этой схеме? Столько, сколько англичане, или столько, сколько китайцы? На них ведь тоже ленд-лиз распространяется, но никакой серьезной помощи Чан Кайши до сих пор не оказали – несколько десятков самолетов с американскими летчиками на борту, и все.

На ладно, пусть не по ленд-лизу, пусть в кредит? Ведь остались у них правила¹⁶², требующие от воюющих стран наличной оплаты за любые товары: Англия с Китаем лишь исключения из этих правил, а как в отношении нас? Нет, одно исключение они уже сделали: разрешили своим кораблям вывозить нам оплаченные товары – но это мелочь, пустяк. Для *"арсенала демократии"*...

Сталин взял со стола перевод радиовыступления Рузвельта от 29 декабря 40-го. «Да, именно здесь он впервые конкретно заявил об опасности, исходящей от стран "оси". Не опасности для какого-то абстрактного человечества – для США.... Если Англия проиграет, то *"все мы, живущие в обеих Америках, окажемся под прицелом винтовки, заряженной разрывными пулями, как экономическими, так и военными... Чтобы выжить в таком мире, мы должны превратить себя в военную державу на основе военной экономики"*. И далее про *"арсенал"*...

А месяц назад Рузвельт даже провозгласил состояние неограниченного чрезвычайного положения в масштабах всей страны.¹⁶³ Была причина – немцы могли захватить Дакар, затем

¹⁶² Закон Джонсона и "4-й Закон о нейтралитете"

¹⁶³ 27 мая 1941 года

Азорские острова и острова Зеленого Мыса, а от них до Южной Америки семь часов лету на хорошем бомбардировщике. Правда, без шансов вернуться. Однако, он верно подметил: если *"наступление гитлеризма не остановит сейчас – Западное полушарие будет в пределах досягаемости для нацистского оружия, оно будет под угрозой разрушения"*. И верно добавил:

"Некоторые люди могут думать, что мы еще не атакованы, пока бомбы не упали на Нью-Йорк или Сан-Франциско, но не такой урок вытекает из нацистских завоеваний: их атака на Чехословакию началась в Австрии, на Грецию – в Албании, на Норвегию – в Дании. Когда ваш враг приходит к вам в танке или на бомбардировщике и вы воздерживаетесь от огня до тех пор, пока не увидите белки его глаз, вы так и не узнаете, кто нанес вам удар. Банкер-Хилл завтрашнего дня может находиться в нескольких тысячах миль от Бостона".

Банкер-Хилл, Банкер-Хилл... А, написали мне переводчики – городок, где началась их война за независимость. Что-то вроде Бородина, если по смыслу переводить – геройское поражение в битве с последующей победой в кампании.

В тысячах миль от Бостона... Так ваша война с Германией и могла начаться в тысячах миль от вашего Бостона, если бы вы, конечно захотели. Одиннадцатого июня могла начаться, был у вас достаточный повод, подарили вам его немцы – потопили ваш мирный корабль вдали от зоны военных действий. С хорошим названием корабль, не Банкер-Хилл какой – Робин Гуд, всякий знает. Тезка, можно сказать, английский Коба¹⁶⁴... Но вы не благородные разбойники, вы – осторожные люди. Чересчур осторожные... Осторожнее англичан, те хоть к нам свою экономическую миссию прислали, с ней уже два дня Микоян с Молотовым переговоры ведут. А вы пока молчите, только общие слова по радио произносите. И неизвестно, о чем ваши дипломаты с немцами общаются – ведь не разорвали вы с ними дипломатические отношения. И человек ваш в Германии мне очень даже известен, Кеннан, кажется – именно он того педераста-чекиста вычислил. И требовал от Дэвиса затеять официальный скандал. Тот еще друг Советского Союза, не случайно вы его в Рейх послали. Пусть не послом, но не это важно. Важно, что он право имеет писать письма первым лицам государства. И пишет всякую гадость – мол нельзя считать СССР *"единомышленником в защите свободы"*. А фашистов, наверное, можно, их он совсем по доброму оценивает: *"неверно предполагать, что германская политика мотивируется садистским желанием причинять страдания народам, подпавшим под немецкое господство. Напротив, очень заинтересованы в том, чтобы их подданные были счастливы при их правлении"*.

Это он в апреле писал, что сейчас пишет – не знаю. Знаю, что раздобыл карту нашей войны с Наполеоном и сравнивает скорость движения по России французов и немцев. Радуюсь каждому совпадению.... Дурак, простых вещей не понимает. Но я об этом уже говорил...

Говорил... Кому говорил? Сам себе говорил, окошку говорил, пустому стулу у стены говорил. Зачем говорил? Зачем говорю? Для собственного успокоения? Или для злости? Или для того и другого?

Товарищ Сталин работает с документами... Нет, товарищ Сталин работает с товарищем Сталиным – документы потом появляются. И слова появляются, что мы при свидетелях произнесем. Друг с другом посовещаемся, а потом... Нет, есть польза от когнитивного диссонанса, большая польза.... Сам себя не предашь, сам на себя не донесешь, сам при себе не проболтаешься.

И можно не стесняться. Не выбирать выражения, не бояться, что кто то заметит твои сомнения. Отсутствие веры в победу, точнее.

А ее и быть не должно, этой веры. Победа тоже ненадлежащий объект веры – для тебя, конечно. Другие обязаны верить, верить в победу, верить в товарища Сталина. И ты должен верить в себя, но не как в бога – как в разумного человека. Который своим разумом оценил свои

¹⁶⁴ псевдоним "Коба" Сталин взял в честь благородного разбойника из романа "Отцеубийца".

шансы и пришел к выводу: победа – наступит. И не стоит обижаться на союзничков, сомневающих в том, что мы выстоим – есть у них основания для сомнений, есть... Наверное, один Дэвис верит в нашу победу: остальные надеются лишь на то, что месяца три мы продержимся. А раз так, зачем тратить деньги на "сатану"? Неэффективного сатану, неуспешного?

"...если преувеличенная оценка наступательных способностей Красной армии характеризовала предшествующую эпоху, то ныне открывается эпоха недооценки оборонительной силы Красной армии." Год назад сказано – Троцким.... Провидец хренов, как в воду смотрел: в первый же день войны по иностранным посольствам слухи поползли – дескать, эвакуируется советское правительство. Английский поверенный¹⁶⁵ двадцать второго об этом Молотову сообщил, выразив заодно надежду, *"что Английское посольство будет своевременно информировано для того, чтобы сделать необходимые приготовления для отъезда вместе с Советским правительством"*. А британский посол СССР еще шестого июня покинул, поблагодарив напоследок Вышинского *"за внимательное к нему отношение в течение всего бесплодного года его пребывания в Москве."*

Боятся союзнички, за свою шкуру боятся, не надеются на Красную армию... Что ж удивляться: каков сатана, таковы и союзники... У Люцифера с этим добром получше: хоть припешники мельче, но их – больше. И все – возле наших границ.

Союзники Германии

: Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия, Болгария, Словакия. Чехи.

Ну, не все, есть одно исключение – Италия. Но она не пехотой, она флотом сильна – на море нам бед наделает. А на суше – ну разве что отправит Муссолини на наш фронт парочку дивизий. Отправит конечно, никуда не денется, раз сразу вслед за Гитлером нам войну объявил, значит и свои войска пошлет – в доказательство верности.

В хорошей компании Италия оказалась – вместе с румынами. Полностью подконтрольные немцам словаки и те хоть денек подождали, финны, которым есть что нам предъявить, терпели три дня, венгры – пять¹⁶⁶. А эта парочка – сразу, без раздумий.

Хотя, не стоит смешивать Италию с Румынией. С Муссолини Гитлер мог советоваться по дате своего нападения – единомышленник все-таки, да и фигура вполне самостоятельная. Не персонаж из анекдота как эти Антонеску с Михаем¹⁶⁷, анекдота про *"Великую Румынию"*. Эти два слова и есть анекдот, самое смешное – то, что румыны юмора в этом словосочетании не видят.

Интересно, в тамошних школах учат фразу Бисмарка: *"Румыны – это не нация, это профессия"*? Фраза, конечно, румынам обидная, но ведь сказана великим человеком! Кто еще из великих про них хоть что-то говорил? Разве что Мольтке, но он так, походя – в ответ на вопрос какая армия самая слабая в мире. Причем сперва назвал австрийскую, про румынскую высказался лишь когда ему напомнили о ее существовании. Вот как напомнили, так и сказал: *"должна же быть хоть одна армия, которую бы побеждала австрийская!"*

Посмеялся? А как насчет поплакать? Поплакать, вспомнив немецкую поговорку: *"мелкий скот тоже дает навоз"*? Так вот: Румыния немцам не навоз дает – нефть и свою территорию. А еще солдат дает, не лучших солдат (это и сейчас видно, если и есть у нашей армии успехи, то все они получены в боях с румынами), но для второстепенных направлений и такие сгодятся. А для оккупационных дел – тем более. Здесь смелость не нужна, здесь нужна так самая "профессия". Подкрепленная желанием вернуть себе обратно Бессарабию с Буковиной, от Украины кусок

¹⁶⁵ Г.Л. БАГГАЛЕЙ

¹⁶⁶ Румыния и Италия объявили войну СССР 22 июня, Словакия – 23 июня, Финляндия – 25 июня, Венгрия – 27 июня

¹⁶⁷ Ион АНТОНЕСКУ (1882-1946) – премьер-министр Румынии в 1940-44 г.г., МИХАЙ I (р. 1921) – король Румынии в 1940-47 г.г. (в 45-м был награжден высшим советским военным орденом "Победа").

оттяпать, да и в споре с Венгрией за Трансильванию получить определенные преференции – благосклонность Гитлера то есть.

Молодец Адольф, орел. Взял под свое орлиное крыло кучу гадюк и обещает каждой особе внимание и помощь. В итоге сам помощь от них получает, бесплатно при том.

Вот та же Венгрия со дня на день вступит в войну – не на словах, на деле. На словах они давно с нами воюют, якобы повод мы им дали – разбомбили их Кошице. Интересно, чьи самолеты это сделали – немецкие, румынские или их собственные? Никто опознавательных знаков не видел: свои закрасили, наши не нарисовали.... Ничего: придет время – узнаем¹⁶⁸, за все ответят. Им будет за что отвечать: не только перед венгерским народом – перед нами в первую очередь. За то, что не сегодня-завтра ударят по нашим войскам – не зря же венгерская группировка в Карпатах размещена?

А финны уже ударили. У них был тот же предлог, что и у венгров – наш авиаудар по их территории. Реальный удар. И не один, много их было. А что нам прикажете делать, если финны в первый же день войны нарушили Московский мирный договор – ввели свой войска в демилитаризованную зону¹⁶⁹? Да и без этого – нам что, терпеть немецкие бомбардировки и не бомбить немецкие аэродромы? Не бомбить базы немецких войск? Мы что ли их в Финляндии разместили?

"Финские братья по оружию", как их Гитлер двалцать второго назвал... Братья не братья, но уж точно не пасынки. Умеют воевать, не боятся воевать, хотят воевать. За Карелию, за Рыбачий, за Гангут... Есть у них свои причины, а Гитлер им только помощник – не руководитель. Жаль, нам от этого не легче – совсем напротив.

Не Болгария какая, страна-предатель. Войну нам пока не объявила, но это значит лишь одно – Гитлер не просил. Одно эта страна-недоразумение может: предоставить свою территорию.... Вот и предоставляет.... И получает от немцев в оплату все новые и новые земли – аж в полтора раза увеличилась за последний год. Сбылась мечта идиотов: "*Великая Болгария*" на свет появилась – от Черного до Эгейского...

Но солдат Болгария Гитлеру не даст – нет там солдат. Лица мужского пола есть, а солдат – нет. Откуда им взяться, когда именно с их территории башибузуки детей забирали? Налетали на болгарские села, и мальчишек, что им сопротивлялись, уводили в Турцию. Туркам – янычары, Болгарии – болгары. Те самые болгары, что и в освобождении своей страны особо не участвовали. Дюжина отрядов ополчения – вот и все. А ведь рассчитывали на них царские полководцы, здоровенный обоз с оружием за русской армией следовал – для вооружения болгарских "смельчаков". Так и следовал – не слишком разгруженный.

Так что не найти Гитлеру в Болгарии солдат. И ее территорию против нас использовать затруднительно – она разве что для карательных операций против греков и сербов нужна. Ну и так – про запас, на всякий случай.

А в Словакии Гитлер солдат с офицерами нашел – аж сорок пять тысяч, Словацкий экспедиционный корпус. Начал корпус свою экспедицию, на Украине начал, на Киев идет. Следом за немцами идет, еле поспевает, но немецкие тылы защищает. И зачищает, должно быть.

Чешские же солдаты Гитлеру не нужны: какие это к лешему солдаты, если сопротивление немецкой армии в тридцать восьмом лишь одна рота оказала? Германии от Чехии другие бойцы нужны – бойцы трудового фронта. Работать чехи умеют, вот и работают – уголек с рудой добывают, сами все это в вооружение превращают и особо не протестуют. Славянские экзистенциалисты: жизнь одна – другой не будет. Вот и живут, отдыхают, трудятся. Хорошо трудятся, на одной "Шкоде" каждый год оружия на полсотни новых дивизий производится.

¹⁶⁸ неизвестно до сих пор

¹⁶⁹ Договор от 12 марта 1940 г запрещал Финляндии вводить войска на Аландские острова

Небось, не знает Гитлер, куда это новое вооружение девать – ему бы со старым разобратся. Ведь с немцами до нас никто серьезно не воевал (надеюсь, до нас, дай бог, чтоб до нас), им, как правило, просто сдавались. Или, как англичане, просто бежали, налегке бежали, оставив немцам все свои танки-пушки. С тридцать седьмого они такой арсенал накопили – на две сотни дивизий хватит¹⁷⁰. А еще металл, сырье, станки...

Эх, нам бы их проблемы. Да и нет у них проблем: старое – друзьям, новое – себе. Штампуй все, что хочешь, все, что твои мощности позволяют. А они много позволяют: по производству металла, электроэнергии и добыче угля до войны они со своими союзниками СССР раза в два опережали. И с каждым днем сей отрыв растет.

В два раза мы от них по экономике отставали. А сейчас во сколько – в три? В четыре? Тут не до брезгливости: готовься Рузвельту сотоварищи задницу лизать, дорогой товарищ Сталин. Со всем старанием лизать – нежно и ласково. А в промежутках своих товарищей по заднице лупить: кого – ободряюще, а кого – чтоб боль почувствовал. Дай бог, чтоб вторых меньше было: без обоих рук останешься – и правая отсохнет...

Союзники Германии в Азии, реальные и потенциальные. Япония и Турция.

Но главное, о чем бога просить нужно – чтоб Япония в войну не вступила. Не в войну как таковую – в войну с Россией. Воевать то они будут, а вот с кем? С нами или с англосаксами?

Там как раз сейчас решают, на кого первым напасть – на нас или на Америку с Британией. И в нынешних условиях нападать на нас не столь уж и опасно.

До двалцать второго они могли считать и по-другому. Да и считали – как сказал их веселый принц¹⁷¹ своему императору: *"Мы получили начальное образование на Хасане, среднее – на Халхин-Голе, а с получением высшего можем подождать, пусть его получает Гитлер"*.

Но Гитлер сейчас не высшее образование (неизвестно, какое по счету) получает, он получает наши территории, без особых трудов получает. Японцы все это видят, обсуждают, выводы делают.

Сталин взял со стола листочек с разведдонесением и пробежался глазами по тексту:

*"Если же мы начнём обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путём мы ничего не добьёмся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединённые Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем Соединённые Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чём-то и ошибаться, тем не менее **надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдём вначале на Юг, нам придётся воевать и с Британией, и с Соединёнными Штатами.**"*

Да, Мацуока¹⁷², непростой ты человек оказался. Ведь сам к нам в марте на визит напросился, сам пакт о ненападении заключить предложил. И с нашим встречным предложением подписать пакт о нейтралитете сразу согласился – лишь попросил немножко времени на согласование со своим правительством. А через месяц вновь к нам явился, неделю с нами пил-ел, беседы вел ни о чем, а по окончании недели подписал нами предложенный документ. Тринадцатого числа подписал, но нам не до суеверий было.

¹⁷⁰ К Германии перешли техника, оружие, боеприпасы и снаряжение 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских и 6 норвежских дивизий.

¹⁷¹ принц ФУСИМИ, начальник морского штаба Японии

¹⁷² Министр иностранных дел Японии, выше приведена цитата из его выступления на заседании императорской ставки 27 июня

А как мы тебя с Молотовым поили, и какие ты слова нам говорил... Говорил – и по пузу все время себя похлопывал. Я тогда поинтересовался у своих: почему он это делает? Оказалось, их хлопок по пузу сродни нашему хлопку по груди. Мол, по нашим представлением душа находится в сердце, а по японским – в животе.

Искренность, подлец, демонстрировал. Ну и мы, конечно, не отставали. Я ведь его лично провожал домой, удостоил, так сказать, еле успел на вокзал – пришлось отправку поезда на час задержать... И он нам с Молотовым так радовался, по животу себя постукивал, улыбался во весь рот. Макака. Макаки...

Интересно, англичан называют бульдогами, они себя и сами так называют, потому не обижаются, а вот как реагируют японцы на "макак"? На свое принятое во всем мире прозвище? На эту бумагу, например (Сталин поднес к своим глазам листочек и прочитал подчеркнутое место):»

"– Как, мой фюрер, вы отдаете весь Дальний Восток в случае нашей победы над Россией этим недочеловекам, этим макакам?"

*– Вы всегда спешите, Бальдур, подождите, дайте разделаться с Россией, **дойдет очередь и до макак"***

Знаете вы этот документ¹⁷³. И должны на него реагировать, тут есть на что реагировать – дойдет и до вас очередь. В любом случае дойдет, пусть даже и последними вы в этой очереди будете. Вряд ли вам важно будет, от кого смерть принять придется – от немцев, нас или англосаксов.

А немцы вас, кстати, особенно на Россию и не натравливают. Они потому и не возражали против нашего с вами пакта (ты ж, Мацуока, не только со своим правительством консультировался, ты в марте и с Гитлером встречался) – они вас на Сингапур нацеливают. На английский Сингапур, главную стоянку Британского восточного флота. Не на рядовую "жемчужину британской короны" – на брильянт в тысячу карат, настолько дорогой для англичан, что они даже особо не утруждаются с соблюдением режима секретности, когда просят Рузвельта направить к Сингапуру американскую эскадру. Переговоры – секретят, просьбы – нет. Так вот, когда эскадра придет (если, конечно, придет) взять архипелаг будет намного трудней, чем сейчас. С нашим Дальним Востоком можно подождать – это с Сингапуром надо торопиться.

Дожили... Одни мечтают о Великой Румынии, другие – о Великой Болгарии, а эти – о Великой Макакии... Под другим названием, сладеньким, как улыбка Мацуоки – *"Великая Восточно-азиатская сфера сопроцветания"*. Жопа от сахара не склеится, сопроцветанты?

Нет, понимают япошки, к чему все это приведет, сами пишут, притом в прошедшем времени: *"японская экспансия на азиатском континенте и на Тихом океане так или иначе вела к столкновению с политикой Соединенных Штатов"*. Опять же, в курсе они, с кем сталкиваться придется: получив от нас по мордам в Халхин-Голе решили на нового противника переключится, изучать его начали. Скрупулезно изучали, в Америку ездили, все книжки да статьи про США просмотрели (даже наши) и выяснили... То, что и без изучения понятно, выяснили (Сталин взял в руки еще один листок бумаги¹⁷⁴): *"США производят в двадцать раз больше стали, чем Япония, добывают в несколько сот раз больше нефти, производят в пять раз больше самолетов и имеют пятикратно большую рабочую силу, а мобилизованный военный потенциал Японии составит лишь десять процентов американского."*

И что им после получения этих сведений прикажете делать? На что надеяться? На то, что американцы не решатся на военную помощь англичанам? На нежелание простого американца воевать? На нынешнюю военную слабость США?

¹⁷³ диалог Гитлера с рейхсгендфюрером (лидером Гитерюгенда) Бальдуром фон ШИРАХОМ, действительно известный японцам.

¹⁷⁴ доклад руководителя специальной оперативной группы по оценке военных возможностей США Ивакуро ХИДЕО

Вообще, американцы – веселые ребята. Не без чувства юмора.... Шутят, например, что их армия ничуть не слабее армии Дании. Да, действительно не слабее – чуть больше миллиона человек. Даже танки есть, собственного производства танки – в сороковом таки приступили к их изготовлению.

Есть над чем посмеяться: не только американцам – японцам тоже. Армия США не страх вызывает – смех. Даже у Японии солдат в два раза больше, да и вооружены они куда серьезнее. Конечно, растет американская армия, две волны мобилизации за год прошло, но кто мобилизован? Половина призывников после первого медосмотра отсылается обратно – по несоответствию физическим нормам. Не думаю, что очень высоким нормам.

Да, есть в США над чем поиздеваться, тоже мне, земля обетованная: девять миллионов безработных, каждый пятый американец живет без электричества, каждый четвертый – без водопровода....

Но я бы не стал на месте японцев потешаться над Америкой, ста тридцати миллионной страной, между прочим. Я бы это оставил газетчикам (не оставил, конечно – поручил), а от реальных людей, управленцев, требовал бы понимания, что большинство населения США совсем не плохо живет, а что касается безработных и прочих бедствующих, так их очень легко одеть в военную форму и отправить к Сингапуру и Дакару. На очень даже хороших кораблях отправить – неужто вы, макаки, и над американским флотом смеетесь? Над шестью авианосцами, семнадцатью линкорами, тридцатью шестью крейсерами, двумя с лишним сотнями эсминцев, сотней с лишним подводных лодок? В самом деле – обхохочешься, а если вспомнить про тринадцать тысяч американских боевых самолетов, так вообще животики надорвешь. Так надорвешь, что хлопать по ним не сможешь.

Но берегут япошки свои животики, не смеются. У них ведь тоже разведка есть, поэтому не могут не знать, что Рузвельт сотоварищи серьезно обсуждают радикальное увеличение своей армии – где то до восьми-девяти миллионов человек. Интересное совпадение с числом безработных, не находите, господа макаки? Здесь много чего можно найти, например, ответ господина Рузвельта на слова товарища Троцкого: *"нельзя иметь безнаказанно самую могущественную индустрию, 3/4 мирового золотого запаса и 10 миллионов безработных."* Безнаказанно... Для кого безнаказанно – для американцев? Вряд ли, господа самураи, это о вашем наказании речь идет.

Понимают, небось.... Макаки – макаками, но это лишь внешнее сходство. Все ж древняя культура, даже не тысячелетняя, как у нас – в разы старше. И раз сохранились японцы на белом свете, значит основана их культура на здравом смысле. А здравый смысл должен им указывать не на Сингапур, он им предложит совсем другое направление главного удара – Дальний Восток. Реальная цель, реальный шанс.

Семьсот тысяч японских солдат служит в Квантунской армии, не меньше их воюет против Чан Кайши. Собери все эти силы в один кулак (с китайцами можно подождать) и – вперед, на Дальний Восток. Если верить Клаузевицу, то больше и не нужно: классик говорил о полтора-двакратном преимуществе наступающих, а тут – двукратное. Остается надеяться только на Халхин-Гольские комплексы японцев. И на Апанасенко с Ковалевым. Первый-то не подведет, но ему такое наследие от Блюхера-Штерна¹⁷⁵ досталось – врагу не пожелаешь.

Странная поговорка – врагу всякого пожелать можно. И должно желать, не только желать – действовать. А как тут действовать – только ждать приходится. И взвешивать в уме, вместе с японцами взвешивать – что для них выгодней. С их точки зрения выгодней – не с нашей. Интересно, что имел в виду их бывший военный министр¹⁷⁶, когда год назад сказал в парламенте:

¹⁷⁵ генерал армии Иосиф Родионович АПАНАСЕНКО (1890-1943) – командующий Дальневосточным фронтом (Блюхер и Штерн – его предшественники), генерал-лейтенант КОВАЛЕВ Михаил Прокофьевич (1897-1967) – командующий Забайкальским военным округом

¹⁷⁶ Хата Сюнроку, министр армии в 1939-40 г.г.

"Понесенные потери являются действительно громадным уроком для нашей армии... Кровь, пролитая на полях Халхин-Гола, никоим образом не останется напрасно пролитой кровью". Какой урок они извлекли, что поняли? Что не надо воевать с Россией, или что к войне надо хорошо готовиться? И нападать в удобный момент, а не когда их пятка левой ноги подскажет? Или их японский бог? Нет, не бог – боги: они ж не просто язычники, они ж синкретисты поганые: и в Будду верят, и в своих богов, и в своих духов и в своего императора – тоже бога, естественно. Смесь: да не смесь – блевотина.

Когда в такой блевотине живешь, свое пузо без труда сам разрежешь. У всех наций – грех, а у макак – доблесть, самурайский дух. *"Смерть легче пуха"*, – как их с детства учат, убили в бою или сам себя убил – сразу святым становишься. Неплохо учат: около двадцати тысяч японцев погибло на Халхин-Голе, а оказалось в плену – человек двести, не более.

Но все ж сдавались, пусть не толпами, пусть лишь десятками, но – сдавались. Так что нанесли мы удар не только по японцам – по их национальным традициям. По их культуре, вере. Хороший урок им дали – только какой? Тот, благодаря которому они заключили с нами пакт о нейтралитете, или тот, что подвиг их провести полную и всеобщую мобилизацию? Что им этот пакт, ведь Гитлеру он не помешал? И им не мешает, сами говорили: *"наша армия не должна допустить ни малейшего ослабления в подготовке к военным операциям. Никаких изменений в прежнюю установку для армии не вносится"*¹⁷⁷.

Установки прежние, силы – другие. И у нас другие – уменьшенные. И будут уменьшаться, с каждым днем будут уменьшаться.

А ведь на самом деле мы с япошками хреново воевали – что в тридцать восьмом, что в тридцать девятом. Вся разница, что Блюхер за Хасан получил пулю, а Жуков со Штерном за Халхин-Гол – звезды героев. Ну и еще в том, что *"недопустимо низкий уровень боевой подготовки штабов и командно-начальствующего состава фронта"* в первом случае мы признали¹⁷⁸, а во втором ограничились изданием книжки, где были описаны все те же недостатки, но – без общих оценок. Умному достаточно....

Как Куропаткин в тридцать девятом воевали – разбивая корпуса и дивизии на мелкие отряды. Опыт сей еще при царе высмеяли, не только журналисты – профессиональные военные среди шутников тоже попадались. Но не принято у наших полководцев читать профессиональную литературу, они вообще ничего не читают – все больше песни слушают. Где *"Красная армия всех сильнее"*. Так что когда мне доложили, что Жуков, став начальником Генштаба, эту книгу распространять запретил (даже его резолюцию помню *"Они там не были и ничего не поняли. В архив"*), я к этому спокойно отнесся. Не все ли равно где она пылиться будет – в архиве, или в штабных библиотеках?

Но нет у меня для вас, товарищ Сталин, других полководцев. Не было у меня времени их подготовить. Так что лопай что дают, Коба, что сам себе приготовил, то и лопай. И сколько приготовил – столько и жри. Не отравишься: пицца малосъедобная, но ее – мало. Хоть как эти макаки палочками ешь – на ложку все равно не наберется.

Но и у макак с полководцами – беда. У них с немецкими консультантами проблем нет, но не верят они своим консультантам. Как в прошлом сентябре на их тайном совете было сказано (Сталин взял со стола очередной листок):

"Еще ни одно государство не извлекало пользу из союза с Германией и ее предшественницей Пруссией. И не только это: есть страны, которые из-за своего союза с Германией не только терпели непредвиденные бедствия, но и в конце концов потеряли даже свою национальную независимость. Канцлер Бисмарк как-то говорил, что в международном союзе один

¹⁷⁷ Из выступление начальника штаба Квантунской армии генерала Кимура Хейтаро на совещании командования Квантунской армии 26 апреля 1941 г.

¹⁷⁸ в приказе наркома обороны от 4 сентября 1938 г.

должен быть наездником, а другой – ослом и что Германия всегда должна быть наездником. Гитлер считается со всякого рода договорами еще в меньшей степени, чем Бисмарк, и, не задумываясь, рвет любые соглашения, если они становятся для него невыгодными. Истинные намерения Гитлера нельзя определить, ибо не кто иной, как он, высказал в кругу своих приближенных мысль о том, что нельзя Японии дать возможность стать сильной. Мы никак не можем поверить, что нацистская Германия, руководимая Гитлером, может в течение долгого времени оставаться преданным другом Японии. Надо постоянно помнить, что Германия по своей натуре такова, чтобы высасывать кровь у других, и мы должны обратить серьезное внимание на то, что как бы Германия не стала единственным наездником»¹⁷⁹.

Не один Мацуока вашу политику определяет: есть и другие люди в вашем правительстве – здравомыслящие. В какой-то степени здравомыслящие: здравый смысл вам просто обязан подсказать правильное решение – взрезать свой живот. И оказаться в числе святых – не повешенных. Хотя, у них небось и все висельники святые: лишь бы на вражеской – не своей веревке вздернули.

Тут можно и подождать пузо резать, на победу работать – вдруг придет? Вот и работают – мобилизацию проводят, солдат с офицерами учат, всякую гадость (бактерии, или как их там...) разводят, на китайцах мирных испытывают – под носом у Апанасенко испытывают. Не одиночки какие, целая структура в Квантунской армии создана – "*Главное управление по водоснабжению и профилактике*". Такая вот у них профилактика, императором придуманная. Этот Хирохито не просто японский бог, не просто почетный фельдмаршал Британии¹⁸⁰ – он к тому же и биолог. Верит в науку больше чем в религию (со стола был поднят новый лист бумаги): "*Во имя религии погибло больше людей, чем по любой другой причине. Однако наука всегда была лучшим другом убийц. Наука может убить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы людей за весьма короткий промежуток времени*".

Такая вот "*эпоха просвещенного мира*"¹⁸¹ всех нас ожидает. При просвещенных императорах. Что опасно – знает о чем говорит. Знает, что делать и где кадры набирать – уж десять лет эта работа ведется. Результативная работа, должно быть, глядишь, скоро с результатами весь мир ознакомят. Может быть, нас в первую очередь.

Одна надежда – на Китай, где японцы завязли. И на то, что не так уж много за Уралом нефти и прочего сырья. Может и есть там богатства, но их еще найти нужно. Опять же, "*японцы, по природе своей, народ южный, и суровые условия нашей дальневосточной окраины их не могут прельстить*", – еще Дурново заметил. А раз не прельщает их Дальний Восток, то стоит ли тратить силы на разгром наших двадцати шести сухопутных дивизий? Тем более, что искать в вечной мерзлоте нефть да руду придется под бомбежками – девять авиационных дивизий так просто не уничтожишь. Не Европа – Азия, пустая Азия, степная Азия.... Есть куда самолетам улететь, есть, где им разместиться.

Так не лучше ли им бросить все свои глупые мечты о себе как о крупнейшей континентальной империи Азии, когда можно спокойно двигаться на Юг? На восток от Бирмы? Где есть сырье и нет американцев? И где эти американцы не скоро появятся?

Не торопится Рузвельт, да и не может торопиться. Он ведь по большому счету правильные указания дает своим военным: "*Армия не должна ориентироваться на агрессивные действия до тех пор, пока она не будет полностью к ним готовой; наш военный курс должен быть консервативным до тех пор, пока наша мощь не будет развернута*"¹⁸².

¹⁷⁹ из речи министра армии Японии Судзуки ТЭЙИТИ на заседании Тайного совета Японии

¹⁸⁰ британский титул был отозван в 42-м, а императором Хирохито остался до самой смерти (1989)

¹⁸¹ официальный девиз периода правления Хирохито, выбранный им в 1926 году

¹⁸² Указание Рузвельта от 17 января 1941 г.

Вот и поставляют япошкам по сей день и авиационный бензин, и металлолом. В ответ на очередную японскую наглость могут, конечно, и прекратить поставки: все равно это когда-нибудь произойдет – по мере разворачивания "мощи". И по мере разворачивания общественной поддержки войны теми самыми "простыми американцами". В американском понимании – не нашем; средними американцами, теми, кто весьма даже неплохо живет в этих Штатах. Теми, кто платит налоги, теми, кто служит в армии (точнее, кого могут призвать в армию), теми, кто выбирает президентов.

Поэтому там так серьезно изучают общественное мнения. Не с целью найти причины несогласия с политикой вождей (да и самих несогласных тоже), а с целью выработки этой политики. Что б большинству понравится. Смешно? Смешно. Но лишь в какой-то степени, и лишь в какое-то время – пока весь этот "гэллап"¹⁸³ нас не касался.

А сейчас не только Рузвельт, мы тоже внимательно смотрим на все эти опросы, ответы, проценты, интересуемся тем, что думают американцы – прям родными для нас стали. Что ж, они в целом хорошо думают, правильно. В прошлом месяце процентов семьдесят считало необходимым помочь Англии, а о том, что США когда-нибудь вступит в войну, думало и того больше – восемьдесят пять.

И на победу в этой войне они все надеются, так надеются, что их об этом даже не спрашивают. Но войны, тем не менее, не хотят....

Не потому, что трусы – просто помнят до сих пор уроки Империалистической. Не человеческие потери – не было у них крупных потерь. Они не военные годы помнят – послевоенные, когда миллионы людей покинуло ряды армии, пополнив ряды безработных. И итог этого события помнят – великую депрессию и все, что с ней связано (ну, разве что нашу индустриализацию не помнят). Наглядно помнят, так наглядно, что думать не хотят о повторении подобного. Умирать они, может, и готовы, но бедствовать после войны? Просить, унижаться, видеть глаза своих не очень сытых детей? Для этого их предки в Америку приехали? Для этого они сами в Америке живут?

Так что Рузвельту не только военную мощь нужно разворачивать, ему свое население надо разворачивать. Лицом к войне, лицом к Гитлеру, лицом к Хирохито. Франклин, в принципе, начал это делать, грамотно начал, без публичных объяснений начал, но непростая эта работа, много времени потребует. И кадров хороших, с чем у Рузвельта непросто. Все лучшие в бизнесе – не в политике и уж тем более не на государственной службе. Кому захочется иметь над собой начальников, если есть возможность их не иметь?

Тяжело будет "коллеге". Тут впору на помощь японцев надеяться – чтобы первыми напали. Seriously напали – потопили бы не какое-то одно суденышко, как немцы, а целый флот или там эскадру. Но не верят американцы в японское нападение. И от информации, что им поступает, отмахиваются, видят в ней происки советской разведки, "*сталинские провокации*". Прямо как мы месяц назад, полное совпадение – отличия лишь в прилагательных.

Что ж, будем надеяться на совсем полное совпадение не только моих с Рузвельтом представлений о войне, но и на совпадение японских действий с немецкими. В зеркальном отражении.

И на то надеяться, что Японии в первую очередь нужны не наши пустые пространства, а земли, полные золотом, нефтью, оловом, вольфрамом, медью, каучуком, рудой, хромом, марганцем. Те, что в Гонконге, Бирме, Таиланде, Камбодже, Индонезии, Новой Гвинее, Британском Борнео, Сингапуре, Малайзии, на Филиппинах.... Да и Индокитай не лишний – тот еще полуостров, в плане геополитики поважней Сенегала с его Дакаром будет.

¹⁸³ примерно до середины 1970-х годов (а в Америке – до сих пор) то, что сейчас называется "социологическим опросом", называлось "опросом по методу Гэллапа" – по имени его создателя, американского менеджера в газетном бизнесе и психолога.

Могут, могут послать на х.. японские вожди и своего Мацуоку, и своего Умедзу¹⁸⁴, и даже своего Тодзио, будь он хоть трижды военным министром. И пошлют – когда мы Гитлера остановим. Ну, притормозим хотя бы.

А пока макаки будут выжидать, смотреть, оценивать. Ждать благоприятного момента. И этот момент не только с немецким вторжением связан, он с Апанасенко связан, с Ковалевым связан. Японцы будут дожидаться не только взятия Москвы, они будут ждать, когда наши войска на Дальнем Востоке наполовину сократятся¹⁸⁵. Легкой победы хотят, "малой кровью, могучим ударом"...

Что ж, сокращаются там наши войска. Пока только мобилизационный запас вооружения и боеприпасов у них отобрали, но скоро и до дивизий дело дойдет. Под носом у японцев все это делать придется. Но справится Апанасенко, справится. Полномочия дать – со всем справится. Его бы против немцев, но он на Дальнем Востоке нужен – кого еще из военных можно поставить над всем дальневосточным начальством? Да и с кого Ковалеву пример брать – с моего соратника по Гражданской войне, генерала армии или с такого же как он генерал-лейтенанта?

Пока там Апанасенко, шансы на удержание Японии от нападения на нас не такие уж низкие. Тем более, с нами можно особо не торопиться, это с англосаксами быстрота нужна. Они, японцы, считают, что им ресурсов на два года хватит – не такой уж большой срок. Промедление смерти подобно, зато каждый успешный день войны этот срок увеличивает. Вместе с ресурсами.

Нет, есть у нас шанс воевать на один фронт. Реальный шанс, не иллюзорный. Пусть американская элита думает по-другому – им же плохо будет. Не так как нам сейчас, конечно, но у них и представления о плохом совсем другие. Не знают они, что такое настоящий голод, бомбежки, враг на своей территории. И вряд ли узнают, но и то, что узнают, вряд ли им понравится.

Так что бог с ней, Японией. Что еще у Гитлера есть в заглазнике? Турция? Мечта Микояна? Хотя он не о всей Турции мечтает, да и не о Турции вовсе – о войне с Турцией. Хочет вернуть своей Армении ее национальный символ – гору Арарат. Вместе с Карсом, Ардоганом... Ну и отомстить за резню своих соплеменников....

И турки тоже много чего хотят, карты "*Великой Турции*" выпускают. С Закавказьем, Поволжьем и нашей Средней Азией в своих границах. Пишут в газетах, что турки веками поили в Волге своих коней. А их премьер при свидетелях-немцах говорит, что "*как турок, страстно желает уничтожения России.*" Даже советы немцам дает: "*Русская проблема может быть решена Германией, только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских.*"

Однако, хочется и можется – не одно и то же. Турки, конечно, не османы, но и не дураки. Понимают, что могут лишь стоять возле схватки, вести политику "и нашим, и вашим". Вот и ведут эту политику – дружат и с немцами, и с англичанами. С нами договор имеют, с хорошим названием договор – не о ненападении, а "*о дружбе и сотрудничестве*"

¹⁸⁴ Командующий Квантунской армией, публичный сторонник нападения Японии на СССР.

¹⁸⁵ Такова была позиция начальника Генерального штаба Японской армии Хадзимэ СУГИЯМЫ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.